

Государственный историко-архитектурный
и этнографический музей-заповедник «Кижь»

КИЖСКИЙ ВЕСТНИК
(сборник статей)

В ы п у с к № 8

Петрозаводск
2003

ББК 63.5(2)
К 38
УДК 502.8(470.22)

*Печатается по решению научно-методического совета
Государственного историко-архитектурного и этнографического
музея-заповедника «Кижь»*

Редактор-составитель И.В. Мельников

Рецензент В.П. Кузнецова

В восьмом выпуске «Кижского вестника» публикуются материалы и результаты исследований научных сотрудников музея-заповедника «Кижь», посвященных изучению историко-культурного наследия Заонежья и других районов Карелии.

ISBN 5-9274-0126-0

© Государственный историко-архитектурный
и этнографический музей-заповедник «Кижь», 2003

А. М. Пашков

«ЖИТИЕ ЛАЗАРЯ МУРОМСКОГО» В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ КАРЕЛИИ XVIII–XX вв.*

«Житие Лазаря Муромского» имеет большое значение для истории культуры Карелии. Это первое литературное произведение, написанное на территории нашего края и посвященное событиям, происходившим здесь. В «Житие» описывается жизнь греческого монаха Лазаря и история основания им в середине XIV в. древнейшей православной обители на берегах Онежского озера – Успенского Муромского монастыря. По данным современных исследователей, «Житие Лазаря Муромского» было написано в конце XIV – начале XV в¹. В средневековой Руси жития святых писались по особым канонам, и часто до наших дней доходила не первоначальная, наиболее достоверная редакция жития, а так называемая украшенная редакция, в которой в ущерб достоверности главное внимание уделялось каноническому набору чудес и добродетелей святого. В отличие от многих «украшенных» памятников житийной литературы, «Житие» Лазаря дошло до нас в двух редакциях, близких к начальному тексту.

Подлинный текст «Жития» Лазаря хранился, вероятно, в архиве Муромского монастыря и погиб в конце 1612 – начале 1613 года, когда монастырь был разграблен и сожжен отрядами «панов». Однако уже тогда с него были сняты копии, которые хранились у окрестных священников и благочестивых мирян. Эти списки продолжали бытовать в среде крестьян и духовенства Обонежья на протяжении XVI–XVIII вв., пока в конце XVIII в. ими не заинтересовались местные собиратели и краеведы. К тому времени Муромский монастырь, восстановленный после Смуты, захирел. При Екатерине II он был подчинен Александро-Свирскому монастырю. Летом 1785 года академик Н. Я. Озерецковский, путешествовавший по Онежскому озеру, нашел там только двух престарелых монахов².

* Работа подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 01-01-49004 а/с.

¹ Сводку современных данных о «Житии Лазаря Муромского» см.: *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Л., 1988. Вып. 2. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 1. С. 288–290.

² *Озерецковский Н. Я.* Путешествие по озерам Онежскому и Ладожскому. Петрозаводск, 1989. С. 185 (первое издание книги вышло в 1792 году).

В 1786 году монастырь стал женским, а вскоре и вовсе был упразднен и превращен в церковь³.

Первым достоверно известным владельцем рукописи «Жития Лазаря Муромского» был Иван Афанасьевич Пыхтин, крупный местный чиновник, отставной капитан-лейтенант флота, в 1773–1777 годах – воеводский товарищ в Олонце, а затем председатель первого департамента верхней палаты Олонецкого областного суда⁴. После переноса административного центра из Олонца в Петрозаводск в 1781-м И. А. Пыхтин тоже переселяется туда. В 1785 году он имел чин надворного советника (по «Табели о рангах» равный подполковнику) и принадлежал к числу 16 наиболее высокопоставленных петрозаводских чиновников, владел домом («светлицей») с 4 «покоями». Для сравнения, живший тогда в Петрозаводске действительный статский советник, правитель дел Олонецкого наместничества и известный поэт Г. Р. Державин имел дом с 12 «покоями»⁵.

В 1805 году И. А. Пыхтин передал свой список «Жития Лазаря Муромского» Т. В. Баландину. Тихон Васильевич Баландин родился в Петрозаводске в июне 1745 года, вероятно, в купеческой семье⁶. Его дед был «одним из первых петрозаводских поселенцев и поставщиком к императорскому двору дичи и других съестных припасов»⁷. Т. В. Баландин известен как выдающийся краевед, писатель, историк и педагог конца XVIII – первой четверти XIX в.⁸ Он был глубоко верующим человеком. Значительную часть своей жизни, с 1779 по 1804 год, он посвятил паломничеству по православным монастырям России и посетил все крупнейшие обители вокруг Петербурга, Новгорода, Киева, Москвы, Рязани (там он жил в 1785–1794 годах) и Вологды. Т. В. Баландин неоднократно бывал в Соловецком, Палеостровском и Александро-Свирском монастырях. Впервые он посетил эти обители весной 1780 года. С 1794 по 1795 год он находился по обету на Соловках, летом 1795-го посетил Александро-Свирский монастырь, а с 1798 по 1799 год находился в Палеостровском монастыре. Третья его поездка на Соловки и Палеостров состоялась в 1802 году, причем на Палео-

³ Амвросий (Орнатский). История российской иерархии. М., 1813. Т. 5. С. 129–130; *Костин А. Г.* Православная Пудога. Петрозаводск, 1994. С. 11–14.

⁴ Биографические данные об И. А. Пыхтине см.: БАН ОР. Текущие поступления. № 610. Л. 38–39.

⁵ Народонаселение Петрозаводска в 1785 году // ОГВ. 1864. № 11.

⁶ Год рождения Т. В. Баландина уточнен по данным его формулярных списков за 1813 и 1815 год. Ф. 37. Оп. 5. Д. 86/640. Л. 24 об. – 25; Д. 74/498. Л. 37 об. – 38. В Петрозаводске во второй половине XVIII века существовал купеческий род Баландиных (НА РК. Ф. 63. Оп. 3. Д. 28/238. Л. 291; Д. 34/296. Л. 737 об., 741 об. и др.).

⁷ Журнал губернского статистического комитета // ОГВ. 1866. № 6.

⁸ Подробнее о Т. В. Баландине и его деятельности см.: *Пашков А. М.* Т. В. Баландин – малоизвестный петрозаводский просветитель конца XVIII – начала XIX в. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1991. С. 16–29. *Он же.* В стране знатнейших северных холмов... (Т. В. Баландин – первый историк Петрозаводска) // Север. 1997. № 6. С. 122–130). *Он же.* Карелия и Соловки глазами литераторов пушкинской эпохи. Т. 1. Петрозаводск, 2001. С. 88–110.

строве он прожил целый месяц. Последнее паломничество в эти две обители «водоплаванием» состоялось летом 1804 года, на Палеострове он снова задержался на месяц. Все эти странствования были им подробно описаны в сочинении «Сокращенное повествование о путепродолжениях Тichona Wasilieva (Balandina) доселе воспрियाтое и совершенное по благоговейшей и искренней любви в разные монастыри и о прочем, записанные к собственной памяти и душевному удовольствию»⁹.

В этот период Т. В. Баландин познакомился со многими образованными православными иерархами, включая митрополитов петербургских Гавриила и Амвросия¹⁰, архиепископов рязанского Симона и псковского Ирины¹¹, архимандритов Соловецкого монастыря Герасима, Новоиерусалимского – Иеронима¹² (его он называет «ученейшим мужем») и другими. Т. В. Баландин часто и подолгу беседовал с ними и с некоторыми долгое время переписывался.

В 1803–1804 годах Т. В. Баландин познакомился с известным историком и библиофилом Евгением (Болховитиновым), с января 1804 года – викарным епископом старорусским¹³, который во время пребывания Тихона в Петербурге приглашал его к себе «для угощения» и бесед, давал советы «к постижению иноческой жизни», а после его отъезда в Петрозаводск «удостоил одарением книг и перепискою». Сохранились три письма Евгения к Т. В. Баландину: от 18 февраля 1804 года из Новгорода в Петербург с извещением об отправке адресату трех своих книг, от 9 апреля 1804 года из Новгорода, вероятно, в Петрозаводск с извещением об отправке еще трех «рассуждений» Евгения и от 16 января 1805 года из Петербурга, вероятно, в Петрозаводск (на последнем письме имеется важная для дальнейших изысканий помета «получено 16 февраля 1805 года») ¹⁴. Существовало и несколько писем Т. В. Баландина Евгению, но только одно из них, содержащее поздравление с новым 1805 годом, сохранилось в бумагах Т. В. Баландина ¹⁵.

⁹ ГИМ ОПИ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 681. Л. 88–99 об.

¹⁰ Гавриил (Петров) (1730–1801) – с 1783 года – митрополит Петербургский, с 1786-го – Петербургский и Новгородский, с 1799-го – Новгородский и Олонекский, в декабре 1800 года уволен на покой; Амвросий (Подобедов) (1742–1818) – митрополит Новгородский и Петербургский с 1801 года, проповедник.

¹¹ Симон (Лагов) (умер в 1804 году) – с 1778 года епископ, с 1792-го – архиепископ Рязанский, один из ученейших архиереев Русской церкви второй половины XVIII в.; Иринаей (Клементьевский) (1751–1818) – духовный писатель и проповедник, с 1796 года – архиепископ Псковский.

¹² Герасим (Ионин) – архимандрит Соловецкого монастыря с марта 1793 по апрель 1796 года; Иероним (Поняцкий) – архимандрит Новоиерусалимского монастыря с января 1799 по июнь 1802 года.

¹³ Биографические сведения и литературу о Евгении Болховитинове (1767–1837), в 1804–1808 годах – викарии Старорусском см.: Зорин А. П. Евгений // Русские писатели 1800–1917 гг. Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 207–209.

¹⁴ ГИМ ОПИ. Ф. 450 Оп. 1. Д. 681. Л. 136–138.

¹⁵ Там же. Л. 138 об.

Вероятно, по просьбе своего ученого адресата Т. В. Баландин снимает для него копию «Жития Лазаря Муромского» с протографа, хранившегося у И. А. Пыхтина. В конце текста он сделал приписку:

«Списано с полученного списка от его высокоблагородия господина Ивана Афанасьевича Пыхтина по усердию Тихоном Васильевым, жителем Петрозаводским 1805 года февраля 17 дня в Петрозаводске.

Встретившиеся в списке означенного жития многие по старонаречению от переписчиков неисправности остались и в сем списке в таком же виде. Для того, чтоб поправкою подлинника далее не погрешить, а затем и представляется оное исправить тем, кто к сему будет предопределен»¹⁶.

Эта авторская приписка показывает, что баландинский список «Жития Лазаря Муромского» возник в период оживленной переписки между Т. В. Баландиным и епископом Евгением и текст жития передан, возможно, по рекомендациям последнего, с учетом требований археографии и для последующей научной публикации.

Вероятно, тогда же одна из копий жития была доставлена Евгению, а другая осталась в бумагах Т. В. Баландина, хранящихся ныне в фонде Е. В. Барсова в ГИМе¹⁷. Через пятнадцать лет, в 1821–1825 годах, Т. В. Баландин переписал все свои произведения «своеручно» в большой том. Там же оказался и новый список «Жития Лазаря Муромского» с припиской «Се писано с полученного старонареченного списка и букв того времени и полученного от друга моего, его высокоблагородия флота капитан-лейтенанта, кавалера и бывшего олонецкого воеводского товарища Ивана Афанасьевича Пыхтина Тихоном Васильевым в Петрозаводске anno 1805». В настоящее время этот список хранится в библиотеке Академии наук¹⁸. Оба баландинских списка «Жития Лазаря Муромского» не учтены в научной литературе.

Судьба протографа, принадлежавшего И. А. Пыхтину, неизвестна. Сам владелец умер между 1805–1809 годами, а его вдова Анна Карловна Пыхтина в октябре 1809 года вышла замуж за графа А. Ф. Гарша, старого недоброжелателя Т. В. Баландина. Сам Т. В. Баландин умер в Петрозаводске после февраля 1830 года.

Итак, епископ Евгений получил от Т. В. Баландина список «Жития Лазаря Муромского» в феврале-марте 1805 года. Именно в это время он готовится к созданию много томного труда по истории Русской православной церкви «История российской иерархии», опубликованного в семи томах в 1807–1815 годах. Историки церкви и биографы Евгения (Болховитинова) отмечали, что, хотя автором этого труда и был назван Амвросий (Орнатский), именно Евгению «принадлежит половина труда и

¹⁶ ГИМ ОПИ. Ф. 450 Оп. 1. Д. 681. Л. 173 об.

¹⁷ Там же. Л. 165–173 об.

¹⁸ БАН ОР. Текущие поступления. № 610. Л. 51–57 об.

даже более, если не забывать цену инициативы и общей редакции»¹⁹. В пятом томе «Истории российской иерархии», вышедшем в 1813 году, в статье, посвященной Муромскому Успенскому монастырю, «Житие Лазаря Муромского» было опубликовано с комментариями, можно предположить, Евгения (Болховитинова)²⁰. Эта публикация имела огромное значение, поскольку текст жития стал доступен исследователям. Большинство ученых, изучавших деятельность Лазаря Муромского и его «Житие» в XIX–XX вв., опирались именно на эту публикацию. Таким образом после 1813 года «Житие Лазаря Муромского» стало широко известно.

В 1826–1830 годах в Петрозаводске отбывал ссылку за участие в движении декабристов Федор Николаевич Глинка²¹. Он был человеком глубоко верующим, склонным к мистицизму (с 1822 года даже стал постоянно записывать в дневнике свои сновидения). Ознакомившись через Т. В. Баландина с «Житием Лазаря Муромского», Ф. Н. Глинка включил в свою поэму «Карелия», написанную в годы ссылки, рассказ о монахе, переселившемся из Греции в Россию, сопроводив его примечанием: «Рассказ об отшельнике, его переселении с востока на север не есть просто вымысел: но здесь не место о сем распространяться»²². Таким образом, прототипом одного из героев поэмы «Карелия» стал Лазарь Муромский, а его «Житие» легло в основу одной из ее сюжетных линий. Этот факт не отмечен ни в одном литературоведческом исследовании, посвященном поэме Ф. Н. Глинки.

Кроме того, имя святого упоминается в тексте поэмы («но Лазарь в Мурме зазвонил, отшельник с братией там жил, и духи мигом присмирили...») и дважды в примечаниях к ней (под № 40 – пересказ «Жития» Лазаря, полученного от Т. В. Баландина, и под № 35 – описание племен лопи и самоеди). Будучи большим знатоком языка, Ф. Н. Глинка тонко подметил взаимосвязь стиля и достоверности жития: «Лазарь написал сам свое житие слогом простодушным, ручающимся за истину повествования». Таким образом «Житие Лазаря Муромского» стало одним из источников, вдохновивших Ф. Н. Глинку на создание поэмы «Карелия», и отчасти определило ее содержание.

¹⁹ *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской церкви. М., 1993. Т. 1. С. 19–20 (первое издание книги: Париж, 1959). См. также: *Жерве Н. Н.* Труды митрополита Евгения (Болховитинова) по истории Русской церкви // *Вспомогательные исторические дисциплины: высшая школа, исследовательская деятельность, общественные организации.* М., 1994. С. 60–61.

²⁰ Завещание преподобного Лазаря Муромского Чудотворца // *Амвросий (Орнатский).* История российской иерархии. СПб, 1813. Т. 5. С. 115–119.

²¹ Биографические данные о Ф. Н. Глинке (1786–1880) и сведения о его петрозаводской ссылке см.: *Ильин-Томич А. А.* Глинка Федор Николаевич // *Русские писатели. 1800–1917.* Биографический словарь. М., 1992. Т. 1. С. 578–581; *Паиков А. М.* Петрозаводская ссылка Ф. Н. Глинки // *Памятники Отечества.* 1989. № 1(19). С. 56–60. *Он же.* Карелия и Соловки глазами литераторов пушкинской эпохи. Т. 1. С. 34–128.

²² Все цитаты из поэмы Ф. Н. Глинки «Карелия» даются по изданию: *Глинка Ф. Н.* Избранные произведения. Л., 1957. С. 343–404.

В 1823–1826 годах Петрозаводск трижды посетил Андрей Михайлович Шегрен (1794–1855)²³, финский ученый, путешествовавший «для исследования обитающих в России народов финского племени». Во время одного из приездов он нашел в городе «Житие Лазаря Муромского» (вероятно, при содействии Ф. Н. Глинки или Т. В. Баландина) и сделал по этому «свидетельству инок Лазария» важный вывод, «что еще около середины XIV века лопари и чужь обитали около Онежского озера»²⁴. Итак, уже тогда «Житие» стали рассматривать и как ценный исторический источник. В 1836 году «Житие» в изложении было опубликовано в сборнике «Словарь о святых, прославленных в российской церкви» (второе издание вышло в 1862 году, а его репринт в 1990 году)²⁵.

В 1863 году вышло исследование известного историка, с 1859 года – профессора Петербургского университета Николая Ивановича Костомарова (1817–1885)²⁶ «Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевоего уклада», в котором также содержался пересказ «Жития Лазаря Муромского»²⁷. Таким образом этот памятник стал использоваться как ценный источник по истории монастырской колонизации Русского Севера. Появление этой работы известного ученого оживило интерес к истории Муромского монастыря у жителей Олонецкой губернии и местных краеведов.

Летом 1867 года Муромский монастырь был восстановлен на средства богатых пудожских купцов И. И. Малокрошечного и его зятя А. П. Базегского, пожертвовавших на это 12 тысяч рублей. Тогда же «Житием» Лазаря заинтересовался Елпидифор Васильевич Барсов²⁸. Этот впоследствии известный историк и археограф начинал свою научную деятельность в Петрозаводске, где в 1861–1870 годах он преподавал в Олонецкой духовной семинарии. «Житие Лазаря Муромского» было опубликовано им

²³ Сведения об А. М. Шегрене и его путешествии по Северу России см.: *Branch M. A. J. Sjogren studies of the North*. Helsinki, 1973; Императорская С.-Петербургская Академия наук и Финляндия: Тезисы докладов советских участников. СПб, 1991; Шегрен – академик императорской С.-Петербургской Академии наук. К 200-летию со дня рождения. Тезисы докладов. СПб, 1993; *Пашков А. М.* Карелия и Соловки глазами литераторов пушкинской эпохи. Т. 1. С. 22–32.

²⁴ Путешествие доктора Шегрена для исследования обитающих в России народов финского племени // Исторический, статистический и географический журнал. 1829. Ч. 4. Кн. 1. С. 109. Перепечатано: *Пашков А. М.* Карелия и Соловки глазами литераторов пушкинской эпохи. Т. 2. Петрозаводск, 2001. С. 55–63.

²⁵ Словарь исторический о русских святых. М., 1990. С. 144–145 (репринт издания: СПб, 1862).

²⁶ Биографические сведения о Н. И. Костомарове см.: *Соколов Н. П.* Костомаров Николай Иванович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 103–106.

²⁷ Новейшее издание: *Костомаров Н. И.* Русская республика. М.; Смоленск, 1994. С. 481–483.

²⁸ Биографические сведения о Е. В. Барсове (1836–1917) и литературу о нем см.: *Алексеева О. Б.* Барсов Елпидифор Васильевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1992. Т. 1. С. 163–164.

по двум спискам в газете «Олонецкие губернские ведомости» (далее – ОГВ) как один из разделов большого труда «Преподобные обонежские пустынножители»²⁹. В его распоряжении имелись два списка «Жития» Лазаря, первый, сделанный Т. В. Баландиным и хранящийся сейчас в ГИМе, и второй, «довольно древний, как можно судить по некоторым особенностям его языка». Е. В. Барсов писал, что Лазарь Муромский был деятель «не мало имевший влияние на заселение края». После отъезда в Москву Е. В. Барсов продолжал интересоваться историей Муромского монастыря. В 1874 году он прочитал в Московском археологическом обществе доклад «О монастыре и деревянной церкви XIV в., построенных св. Лазарем Муромским в Пудожском уезде»³⁰.

Тогда же интерес к монастырю появляется и у историков архитектуры. Там побывав академик Лев Владимирович Даль (сын знаменитого составителя «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля) и сделал вывод о том, что церковь Воскрешения Лазаря, построенная по житию в XIV в., по внешнему виду, сохранности и особенностям архитектуры может быть отнесена к XVI в. Свой вывод с приложением чертежа этой церкви Л. В. Даль опубликовал в статье «Старинные деревянные церкви Олонецкой губернии»³¹. Позднее исследование архитектуры этой церкви продолжил В. В. Суслов в книге «Памятники древнерусского зодчества» (СПб, 1889, вып. 1).

Следующим исследователем «Жития Лазаря Муромского» стал Константин Михайлович Петров (1836 – после 1898). Уроженец Лодейного Поля, он долгие годы жил в Вытегре, где еще в детстве слышал рассказы о Лазаре и, несомненно, посещал монастырь. Окончив Вытегорское уездное училище, а затем в 1855 году – Петрозаводскую гимназию, К. М. Петров в 1856–1860 годах преподавал историю и географию в Вытегорском уездном училище, а с октября 1861 года становится учителем русского языка Петрозаводской гимназии. В 1874–1886 годах К. М. Петров служил инспектором народных училищ по Вытегорскому, Пудожскому и Каргопольскому уездам и снова жил в Вытегре. В августе 1886 года он вышел в отставку и уехал в Петербург. Таким образом, он прожил в Вытегре, неподалеку от Муромского монастыря около 20 лет. Статья К. М. Петрова «Муромский монастырь на Онежском озере» появилась в газете ОГВ³², а затем в дополненном виде была перепечатана в «Олонецком сборнике»³³. К. М. Петров пересказал со своими

²⁹ ОГВ. 1867. № 43 (перепечатано в издании: ПКОГ на 1868–1869 годы. Петрозаводск, 1869. Ч. 3. С. 25–33).

³⁰ Древности. Труды Московского археологического общества. М., 1877. Т. 7. Вып. 1. С. 19 (протоколы заседаний общества).

³¹ Зодчий. 1877. № 11–12. С. 97–98.

³² ОГВ. 1877. № 61–63.

³³ Петров К. М. Муромский монастырь в Пудожском уезде // Олонецкий сборник. Петрозаводск, 1886. Вып. 2. С. 99–117.

комментариями «Житие Лазаря Муромского» и изложил историю монастыря до 1867 года. Он хотел написать и вторую статью, посвященную современному состоянию монастыря, но отъезд в Петербург, вероятно, помешал осуществиться этим планам.

В это же время изучением «Жития Лазаря Муромского» и истории основанного им монастыря стал заниматься другой замечательный краевед – Карп Андреевич Докучаев-Басков³⁴. Еще будучи сельским учителем, он стал собирать материалы по истории монастырей Олонецкой губернии. Найденное им описание Муромского монастыря, сделанное игуменом Феодосием, было использовано в статье К. М. Петрова. В 1886 году в журнале «Христианское чтение» появилась его статья о монастыре с публикацией «Жития Лазаря Муромского»³⁵. Эта статья затем вошла в книгу «Подвижники и монастыри Крайнего Севера»³⁶, удостоенную в 1892 году большой научной награды – почетного отзыва Уваровской премии³⁷.

В последней трети XIX в. Муромский монастырь был уже настолько широко известен, что о нем обязательно упоминалось во всех популярных работах по истории северных монастырей, а также во всех путевых очерках, посвященных Обонежью. В 1881 году в иллюстрированном издании «Живописная Россия», в очерке известного этнографа Сергея Васильевича Максимова³⁸ «Островные монастыри» содержался краткий пересказ «Жития» Лазаря, причем автор отметил: «Островной монастырь Успенско-Мурманский... на острове Мурманском особенно замечателен»³⁹.

Известный поэт Константин Константинович Случевский⁴⁰, путешествовавший по Онежскому озеру в 1884 году в свите великого князя Владимира Александровича, отмечал: «На Онежском озере нельзя не вспомнить о временах давным-давно прошедших. Существование еще в XII веке Обонежской пятины Новгородских владений, северная часть которой доходила до Ледовитого океана, говорит о бесконечно раннем расцвете некоторой жизни в этих местах. По путям торгового движения к Северно-

³⁴ Биографические сведения и литературу о нем см.: *Онучина И. В.* Каргопольский краевед К. А. Докучаев-Басков (1849–1916) и его наследие // Археографический ежегодник за 1999 г. М., 2000. С. 160–165.

³⁵ Христианское чтение. 1886. № 5. С. 496–505.

³⁶ *Докучаев-Басков К. А.* Подвижники и монастыри Крайнего Севера. СПб, 1892.

³⁷ *Некрасов И.* (Рецензия) Докучаев-Басков К. А. Подвижники и монастыри Крайнего Севера. СПб, 1892.

³⁸ Биографические сведения о С. В. Максимова (1831–1901) и литературу о нем см.: *Лебедев Ю. В.* Максимов Сергей Васильевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 485–488.

³⁹ *Максимов С. В.* Островные монастыри // *Максимов С. В.* По русской земле. М., 1989. С. 294–295.

⁴⁰ Биографические сведения о К. К. Случевском (1837–1904) см.: *Ермилова Е. В.* К. К. Случевский // *Случевский К. К.* Стихотворения. Поэмы. Проза. М., 1988. С. 5–22.

му морю и на восток начиналось всюду сооружение монашеских обителей, служивших единственными гостиницами в дебрях и пустыне. Духовное движение предшествовало исторической жизни»⁴¹. Второй раз К. К. Случевский и великий князь Константин Владимирович побывали на Онежском озере в 1887 году и посетили, между прочим, находящийся вблизи Муромского монастыря Бесов нос. Книга «По Северо-Западу России», в которой эти путешествия были подробно описаны, выдержала в XIX в. два издания.

В 1887 году М. В. Толстой поместил краткий пересказ «Жития» Лазаря с библиографической справкой об основных его изданиях в дополнении к публикации рукописи «Книга глаголемая описание о российских святых»⁴².

На рубеже XIX–XX веков личность Лазаря Муромского и его «Житие» привлекли внимание нескольких местных церковных историков. Преподаватель Олонецкой духовной семинарии (далее – ОДС) Яков Семенович Елпидинский⁴³ в своей объемной работе «Новгородские владыки» пересказал «Житие» Лазаря в главе, посвященной новгородскому епископу Василию Калике⁴⁴.

В 1910 году жизнеописание Лазаря Муромского, основанное на его «Житии», было опубликовано в сборнике «Олонецкий патерик», составленном ректором ОДС архимандритом Никодимом (Кононовым) (1871–1921)⁴⁵. В 1914 году небольшая статья о Лазаре Муромском была помещена в «Русском биографическом словаре»⁴⁶ (далее – РБС). Ее автором был Андрей Петрович Воронов, уроженец Петрозаводска, окончивший с золотой медалью местную гимназию, а затем историко-филологический факультет Петербургского университета, сотрудник многих энциклопедических изданий рубежа XIX–XX вв.⁴⁷ Публикация биографии Лазаря Муромского в столь авторитетном словаре является показателем того, что к началу XX в. он считался одним из выдающихся деятелей общероссийской истории. На этом дореволюционная традиция изучения Лазаря Муромского закончилась.

В начале XX в. в Муромском монастыре жило только 7 монахов. Вскоре после Октябрьской революции 1917 года монастырь был закрыт, а в апреле 1919-го в его зданиях была создана коммуна

⁴¹ Случевский К. К. По Северо-Западу России. СПб, 1897. Т. 1. По Северу России. С. 60.

⁴² Книга глаголемая описание о российских святых. М., 1995. С. 268–270 (репринт издания. М., 1887).

⁴³ Биографические сведения о Я. С. Елпидинском (1858 – после марта 1918) см.: Галкин А. К., Бовкало А. А. Я. С. Елпидинский – преподаватель, ученый, личность // Традиции образования в Карелии. Петрозаводск, 1995. С. 33–36.

⁴⁴ Елпидинский Я. С. Новгородские владыки // ОЕВ. 1899. № 16. С. 26–28.

⁴⁵ Никодим (Кононов). Олонецкий патерик. Петрозаводск, 1910. С. 9–14 (первая публикация: Он же. Олонецкие святые // ОЕВ. 1903. № 8. С. 286–290).

⁴⁶ Воронов А. П. Лазарь Муромский // РБС. СПб, 1914. Т. «Лабзина-Лященко». С. 44–45.

⁴⁷ Биографические сведения об А. П. Воронове (1864–1912) см.: Шайгин Н. С. А. П. Воронов (некролог) // ПКОГ на 1912 год. Петрозаводск, 1912. С. 85–88.

им. Л. Д. Троцкого. Но уже к весне 1920 года коммуна развалилась и монастырь окончательно пришел в запустение.

В трудах советских историков сведения из «Жития Лазаря Муромского» использовались для доказательства существования в XIV в. классовой борьбы между монахами – основателями монастырей и местными жителями. Наиболее ярко эта точка зрения изложена в работах И. У. Будовница и В. И. Буганова⁴⁸. Методологическая несостоятельность подобного подхода к изучению и трактовке «Жития Лазаря Муромского» настолько очевидна, что даже не нуждается в особых доказательствах. При этом с 1917 по 1989 год «Житие» не было издано ни разу, а единственное текстологическое исследование было опубликовано в виде кратких тезисов в малотиражном непрофильном сборнике⁴⁹.

Для пропаганды среди жителей Карелии истории Муромского монастыря и «Жития» его основателя много сделали пудожские краеведы Евгений Григорьевич Нилов и Александр Григорьевич Костин. Первые публикации Е. Г. Нилова о Муромском монастыре появились в газете «Красный Пудож» еще на рубеже 1960–1970-х годов. Под его влиянием историей края заинтересовался выпускник историко-филологического факультета Петрозаводского университета А. Г. Костин, автор серии статей о Муромском монастыре в газетах «Пудожский вестник», «Благовест», «Молодежная газета» за 1990–1992 годы. Итогом их многолетней работы стали две обобщающие брошюры, посвященные истории Муромского монастыря⁵⁰. Отчасти под влиянием этих краеведов в Карелии была создана благоприятная обстановка для восстановления Муромского монастыря. Решение об этом было принято в феврале 1990 года. К концу 1992 года в монастыре уже жили несколько монахов, начались церковные службы.

В последние годы интерес к изучению «Жития Лазаря Муромского» вновь вырос. В академическом «Словаре книжников и книжности Древней Руси» помещена снабженная хорошей библиографией статья об этом памятнике Н. Н. Литвиновой и Г. М. Прохорова⁵¹. В 1989 году Н. Н. Барминская (Литвинова), сотрудница Пермской областной библиотеки, опубликовала под названием «Повесть о Муромском острове» текст второй пространной редакции «Жития» Лазаря, созданной в середине XVI в.⁵²

⁴⁸ Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI веках (по «житиям святых»). М., 1966. С. 116–120; Буганов В. И. Очерки истории классовой борьбы в России XI–XVIII вв. М., 1986. С. 55.

⁴⁹ Литвинова Н. Н. «Сказание о Муромском острове» – памятник новгородской публицистики XV века // Проблемы комплексного изучения Северо-Запада РСФСР. Л., 1972. С. 24.

⁵⁰ Нилов А. Г. Муромский монастырь. Пудож, 1993; Костин А. Г. Православная Пудога. Петрозаводск, 1994.

⁵¹ Литвинова Н. Н., Прохоров Г. М. Житие Лазаря Муромского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 1. С. 288–290.

⁵² Барминская (Литвинова) Н. Н. Повесть о Муромском острове // Устные и письменные традиции в духовной культуре Севера. Сыктывкар, 1989. С. 129–149.

Значение «Жития Лазаря Муромского» для Карелии весьма велико. Это первый литературный памятник, написанный в Карелии и посвященный событиям, происходившим на ее территории. Это ценный исторический источник о начале распространения православия и образованности в Карелии в XIV в. и важный агиографический памятник, который читали, переписывали и хранили многие поколения верующих. Изучение «Жития» Лазаря было заметным направлением в исследованиях как местных краеведов, так и ученых – историков, филологов, историков архитектуры. На «Житие» Лазаря опирались при знакомстве с историей края многие путешественники и писатели. До 1917 года «Житие» было неоднократно опубликовано. Его воздействие на массовое сознание дважды инициировало возрождение Муромского монастыря.

Деятельность Лазаря Муромского, его «Житие» и история основанного им монастыря должны занять подобающее место в истории Карелии.

Ниже приводится текст «Жития Лазаря Муромского», созданный в феврале 1805 года в Петрозаводске Т. В. Баландиным и хранящийся сейчас в фонде Е. В. Барсова в отделе письменных источников Государственного исторического музея в Москве (ГИМ ОПИ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 681. Л. 165–173 об.).

Пользуясь случаем, хочу выразить свою признательность за любезное предоставление ксерокопии текста публикуемого далее «Жития» заведующему отделом письменных источников музея А. Д. Яновскому и старшему научному сотруднику отдела Е. М. Юхименко.

Перевод текста на современный русский язык осуществлен профессором Петрозаводского университета, доктором филологических наук А. В. Пигиным.

ЖИТИЕ ЛАЗАРЯ МУРОМСКОГО * (перевод и примечания А. В. Пигина)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа, Святой единосущной неразделимой Троицы.

Аз многогрешный, инок Лазарь, из Римской земли, обители Высокогорской, постриженник отца нашего игумена Афанасия Дискота. Сей Афанасий много монастырей построил и братию сохранил в добром наказании. Аз же, грешный, послан епископом Цареграда Василием¹ повесть передать епископу Василию², у кормила Великого Новгорода стоящему, о белом клобуке³, как ему явился ангел Господень. И о мне, грешном, повесть духовно и правдиво да будет поведена епископом Новгородским Василием.

Аз многогрешный, инок Лазарь, в киновии⁴ Василия 9 лет с ним прожил. И доподлинно уверился из писаний, что господин мой, епископ Кесарии Великой, духовный настоятель и учитель моему спасению Василий отошел ко Господу в вечные селения.

И через некоторое время и Великого Новгорода пастырь и учитель, добродетельная лира, голубь Небесного Царя, епископ Великого Новгорода Василий, возлетает в вечные обители. Принял он самого Небесного Царя схиму⁵, и так отошел ко Господу, которому усердно послужил. Аз многогрешный, Лазарь, своими руками обрядил святое тело великого святителя Василия, епископа Великого Новгорода, и много слез над ним ко

* Работа подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 01-04-49003 а/с.

¹ Не вполне ясно, о каком лице идет речь. Согласно «Повести о новгородском белом клобуке», эта святыня – белый клобук – была передана в Новгород константинопольским патриархом Филофеем (занимал кафедру дважды: с 1354 по 1355 г. и с 1362 по 1376 г.). Ниже епископ Василий именуется уже епископом Кесарии Великой, а не Цареграда.

² Новгородский архиепископ Василий Калика (1330 – 03. VII. 1352 гг.), прославившийся своей культурной и градостроительной деятельностью, автор знаменитого Послания Феодору Тверскому о земном рае (см.: Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XV века. М., 1981. С. 42–48). Ниже в тексте жития сообщается, что Василий Калика составил и какому-то не дошедшую до нашего времени повесть о Лазаре Муромском.

³ Часть облачения (головной убор) новгородских архиепископов. Легендарная история передачи белого клобука из Рима в Константинополь, а затем в Новгород излагается в древнерусской «Повести о новгородском белом клобуке» (см.: Памятники литературы Древней Руси: середина XVI века. М., 1985. С. 198–232).

⁴ Общежительный монастырь.

⁵ Высшая степень монашества, отличающаяся принятием суровых обетов.

Господу пролил. И нашла на меня печаль глубокая, ибо обоих Василиев лишился. И много молился я Господу Богу и Пречистой Богородице и великому во пророках Предтече Господню Иоанну.

И когда я жил по-прежнему в келии господина моего Василия, епископа Великого Новгорода, через некоторое время после отшествия своего ко Господу явился мне ночью Василий, епископ Великого Новгорода, и повелел идти на северную сторону к океану-морю, где находится большое озеро, именуемое Онего, и остров мне назвал. Аз же, грешный, не придавал значения этому явлению. И через некоторое время явился мне господин мой епископ Великой Кесарии Василий и сказал: «Вспомни, Лазарь, что тебе говорил епископ Великого Новгорода Василий. Встань и иди на показанное тебе место. Там будет твоя обитель великая, и братии соберешь множество». И аз многогрешный, инок Лазарь, внял словам епископов об этом святом месте.

А тогда в Великом Новгороде в почете был род Ивана Захарьевича⁶. К нему и пришел я, и просил его, чтобы дал мне для жительства этот остров, именуемый Муромским, церковь позволил возвести и монастырь устроить. Он же вначале поспешил, но рассказал нечто об острове. Я же и еще много раз просил его, но он по-прежнему отвечал отказом. И через некоторое время после просьб моих явился ему в грозном виде господин мой Василий, епископ Великого Новгорода, и сказал ему: «Да будет этот принадлежащий тебе остров, именуемый Муромским, на построение обители и на жительства сподругу нашему иноку Лазарю. Здесь прославится имя Пречистой Богоматери». После этого явления святителя Василия посадник Великого Новгорода Иван Захарьевич призвал меня и сказал мне наедине: «Ступай, отче, по твоему прошению на Богом показанное тебе место, в мою отчину на Онего озеро, на Муромский остров». И о том рассказал мне, как явился ему в грозном виде святитель Василий, епископ Великого Новгорода: «И гневно говорил со мной о тебе, и повелел дать тебе, инок, на жительства отчину рода нашего на Онеге озере – остров, именуемый Муромским. И сказал мне епископ Василий, что на этом острове будет твоя обитель великая и иноков соберешь множество и прославится благодаря тебе имя Пречистой Богоматери». Я же, услышав из уст его такие слова, возрадовался радостью великой, и низко поклонился ему, и ушел с миром, прославляя от всего сердца Бога моего и угодника Его святителя Василия.

И через некоторое время собрался я в путь и отправился в плавание по озеру Онего. Оказался я, по Давиду⁷, «на воде пререкания»⁸, многие напасти претерпел и с трудом достиг Муромского острова.

⁶ Имя Ивана Захарьевича (Иванко Захарииниц), новгородского посадника XII в., упоминается в Новгородской первой летописи (см.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 34, 35 и др.). По-видимому, в этом фрагменте жития, как и в некоторых других, нарушена хронология.

⁷ Царь Израильско-Иудейского царства (X в. до н. э.), автор Псалтири.

⁸ См.: Книга пророка Иезекииля. 47, 19; 48, 28.

Поведаю вам, братья! Один я пришел на это святое место, и никто здесь не жил прежде. Поставил я на острове крест и маленькую хижину, покоя ради телесного, затем храм молитвенный, или часовню. А живущии близ места этого на озере Оноге именовались лопари и чудь, сыроядцы боязливые. Поведаю вам, братья, об этих неблагодарных иноплеменниках и скажу вслед за апостолом: «Братие! Многими скорбми подобает нам внити в царство небесное»⁹. Множество притеснений, побоев и ран претерпел я от этих зверообразных людей. Много раз, избив меня, изгнали они с этого острова и хижину мою огню предавали. А сами, окаянные, все делали по наущению бесовскому и колдовство различное творили. И устроили жилище близ меня, с женами и детьми, и пакости разные чинили, и говорили мне: «Калугер¹⁰, покинь это место!» И хотели сыроядцы убить меня и тело мое съесть. Увы мне, грешному! Не раз покидал я это святое место. Но Бог, Спаситель мой, не оставил меня и не позволил этим окаянным такие злые дела сотворить, и укрепил меня, и обратил на путь спасения. А многие из тех окаянных сыроядцев ослепли.

Поведаю вам, братья, видение чудное и ужаса исполненное. Скрывался я от них близ озера Мурома и сидел в укрытии, ожидая смерти от этих злых людей. Они же искали меня, чтобы убить. Я же готовился мученическим венцом венчаться и вспомнил Писание: «Многим бо волнам к камени приражающимся, и пены творяща, и зла ничтоже успети могуща»¹¹. И когда сидел я в укрытии и молился ночью Господу Богу и Пречистой Богоматери, и великому Предтече Господню Иоанну, и святителю Николаю¹², и Василию, епископу Великого Новгорода, и пел Псалтирь и каноны, посмотрел вдаль на Богом показанное мне место, куда сначала пришел я по слову Господню. И увидел на острове свет, ярко сияющий, и мужей благообразных, мирно идущих вместе. Посреди же острова увидел я жену светолепную, златом сияющую. Святые же мужи, окружив это место и подойдя к ней, молились и кланялись ей. Видел же я жену светолепную на том месте, где ныне церковь стоит во имя Успения Пречистой Богородицы.

И от видения этого исполнился я радости и, склонившись перед образом Владыки Христа Бога и Пречистой Богоматери, долго молился и плакал. И затем начал утреню петь. Когда же стало светать, воспел псалом «Блаженни непорочни в путь»¹³. И пришел на это место, и поставил образ у древа, помолился и сказал: «Вот мой покой, здесь поселюсь вовеки»¹⁴. И поставил крест, и небольшую хижину построил, и выкопал себе пещеру вне монастыря.

⁹ Деяния апостолов. 14, 22.

¹⁰ Почтенный старец, монах.

¹¹ Источник цитаты точно не установлен (ср.: Псалтирь. 88, 10; 106, 29).

¹² Николай Чудотворец, епископ Мирликийский (III–IV вв.), великий христианский святой, почитание которого было широко распространено на Руси.

¹³ См.: Псалтирь. 118, 1.

¹⁴ Ср.: Псалтирь. 131, 14.

Через некоторое время пришел ко мне старейшина лопарей, держа на руках слепорожденного отрока, и сказал мне: «Исцели его, и мы уйдем с этого острова, как и повелевают нам твои отроки». Я же удивился его словам, и помолился о нем ко Господу Богу и Пречистой Его Богоматери, и взял отрока, и молитвой иерейской освятил его, и окропил святой водой, и приложил ко образу Владыки – отрок же прозрел. И отошел тот муж с радостью. Я же прославил Бога за такое чудо.

Через некоторое время тот муж вновь пришел ко мне и принес подарки и пищу. Я же взял у него лишь кожу оленью и немного еды и помолился о нем ко Господу. Муж же этот вышеназванный сказал мне, кланяясь: «Живущии здесь с тобой отроки жен и детей наших сильно бьют палками и изгоняют с этого места». И о том сказал мне, что они слышат здесь звон. Я же отпустил его с миром и благодарил Бога за все. И спустя некоторое время, Божиим промыслом, лопари и самоеды ушли с этого места к океану-мору. Вышеназванный же муж жил на Рондо озере, впоследствии он постригся в монахи, сыновья же его крестились.

И стали люди из дальних мест приходиться сюда и жить со мной, и многие постригались. И поставили церковь деревянную во имя Воскресения друга Божия Лазаря.

А в Великом Новгороде был в то время епископом Моисей¹⁵. И пришел я к нему и получил от него благословение. Святитель же стал расспрашивать меня об острове, я же все подробно ему рассказал. Он же подивился и похвалил это место, и укрепил меня силою Святого Духа, и дал мне антиминос¹⁶ и священные сосуды и достаточную милостыню. И, поучив меня, как чин церковный и предания монастырские хранить, дал мне запись о дарах из своей казны и благословил, и отпустил меня с миром. Я же спросил его о посаднике Великого Новгорода Иване. Он же отвечал мне, что отошел тот ко Господу.

И пришел я к сыну его Феодору. Он же принял меня с любовью и сказал мне: «Отец мой отошел ко Господу, а перед смертью повелел мне отдать тебе 100 гривен, которые взял у тебя прежде за Мурманский остров». Я же опечалился, полагая, что хочет взять у меня этот остров. Он же, увидев меня опечаленным, сказал мне: «Есть у меня, господин, писание отца моего к тебе об острове, на котором ты живешь». И через некоторое время я снова пришел к нему. Он же по повелению отца своего отдал мне 100 гривен и еще многое от достояния своего на постройку обители. И писание на хартии, рукою отца его написанное, дал мне:

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа. В лето 6690¹⁷ (1182), посадник Славенского конца Иван Фомин сын дал Пречистой Богородице и

¹⁵ Преемник Василия Калики, архиепископ Великого Новгорода в 1352–1360 гг.

¹⁶ Четырехугольный плат из льняной или шелковой материи с изображением положения во гроб Иисуса Христа и с частицей святых мощей.

¹⁷ По мнению архимандрита Амвросия, эта дата в списках грамоты появилась в результате ошибки – вместо 6690 (1182) должно быть 6860 (1352) (см.: Амвросий. История российской иерархии. М., 1813. Ч. 5. С. 125).

священнику Лазарю и его чернецам часть своей земли и воды по своей душе и по своим родителям: на Онеге озере остров Муч со всею землею, и озеро Муромское, и вокруг озера речки и островки, и воды на них и ловища¹⁸ и перевесища¹⁹, чем я владел, и по всей земле на островах и материке сенные покосы и полешие²⁰ земли и воды. Владеть чернецам Пречистой этой землей и водой по моей духовной и по купчей грамоте деда моего вовеки. А детям моим на владения не посягать, а управителям волостей притеснений не чинить, земли и воды не отнимать. А владеть землей и водой по духовной и по купчей грамоте деда моего вовеки. А купчая грамота дана чернецам навечно. А кто посягнет и грамоту нашу нарушит, и он даст за это ответ перед Богом и Пречистой Богородицей в будущем веке»²¹. На утверждение сей духовной Иван Фомин образ свинцовый приложил Пречистой Богородицы с предвечным Младенцем да образ Животворящего Креста на другой стороне.

Потом пришел я ко святому гробу святителя Василия, епископа Великого Новгорода, и приложился ко святому гробу его. И пришел к епископу новгородскому Моисею получить благословение от него и просить разрешения отправиться в путь. Он же благословил меня и отпустил с миром.

Я же отправился в путь и вскоре достиг святого места. Братья же с радостью и любовью встретили меня, пропели молебен и затем разошлись. Я же еще больше стал заботиться об этом святом месте и освятил церковь Воскресения друга Божия Лазаря, и келии поставил для прибежища монахам, и ограду вокруг возвел. Потом пришли ко мне иноки из Киева, старец Иона да старец Ефросин, и стали жить со мной. И поставили прекрасную церковь во имя Успения Пречистой Богородицы Печерской. Я же несказанно возрадовался об этом и возложил упование на Бога и на Пречистую Богородицу. И так все увеличивалось число учеников стада Христова. Прошло немало времени, и пришел к нам Святой горы²² старец Феодосий, жития добродетельного и богоугодного, вериги тяжелые на теле своем носивший. И построил он своим достоянием трапезу Иоанна Предтечи. И стало славиться это святое место. И многие из дальних стран приходили сюда, постригались и жили с нами. А прежде называлось это место Муч-остров. Феодосий же умудрен был книжной премудростью, он и назвал монастырь во имя Успения Богородицы Муромской.

¹⁸ Место, где ловят зверей и рыбу; охотничье или рыбное угодье.

¹⁹ Место, где развешивались сети для ловли диких птиц.

²⁰ Находящиеся в лесу или вдоль леса.

²¹ Как считал С. Н. Валк, этот документ не является подлинным, поскольку его форма не соответствует нормам XIV в. Исследователь датировал грамоту XVII веком (см.: Валк С. Н. Начальная история древнерусского акта // Вспомогательные исторические дисциплины. М.; Л., 1937. С. 301–303).

²² Гора Афон, на которой находилось множество православных монастырей.

Аз же грешный, инок Лазарь, достиг старости. И явился мне сподружник мой великий господин Василий, епископ Великого Новгорода, и возвестил мне скорый конец жития моего. И о видении сем благодарил я Бога и епископа Василия. Спустя некоторое время призвал я братьев и обратился к ним: «Братия моя! Уже сами вы видите: конец жития моего пришел, и возвещена мне кончина моя. Изберите себе из братии вождя и учителя богоизбранному своему стаду». Они же все единодушно, со слезами стения, сказали мне: «Не оставь нас, отче, сирыми! Поставь, господин, нам своими руками пастыря и вождя и учителя богоизбранному своему стаду». Я же благословил Феодосия Святой горы быть пастырем и учителем и по моем преставлении быть ему над всею братиею старейшиною и учителем.

И сказал он нам: «Уже никто из братии этой обители не будет вашим настоятелем. Но лишь из других киновий приходящие братья будут управлять здесь». Святой авва²³ инок Лазарь причастился Святых Тайн, Тела и Крови Христовой, Бога нашего, и последнее целование воздал братьям и благословил их. И простер руки свои святыя к небу, и предал душу свою Господу. Братья же, узрев преставление отца своего, с пением псалмов обрядили святое и честное тело его и погребли его за алтарем церкви Воскресения друга Божия Лазаря, где когда-то преподобный поставил крест.

Аз же грешный, священноинок Феодосий Святой горы, слышал эту повесть о святом сем месте от господина моего старца аввы Лазаря из самых уст его: и о послании из Рима епископа Цареграда Василия, и как ему явился ангел Господень и повелел идти на остров, на эту искупленную землю, и о страдании его от сыродцев – и все это предал я писанию. Преставился авва Лазарь в лето 6699²⁴ (1191) месяца марта в 8 день. А всех лет жизни его – 105. Иноку Лазарю панихиду петь и литургию слушать марта 24 числа.

²³ Настоятель монастыря, старец-подвижник.

²⁴ Несомненно, еще одна ошибка в тексте жития – должно быть 6899 (1391).

ИСТОРИЯ ВНУТРЕННЕГО УБРАНСТВА ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ ЦЕРКВИ НА ОСТРОВЕ КИЖИ (обзор архивных источников)

Архивные документы по истории внутреннего убранства Преображенской церкви на острове Кижы можно подразделить на три группы: во-первых, описи церковного имущества Преображенского храма 1628/9, 1826, 1830, 1865, 1867 гг.¹; во-вторых, различные церковные документы XIX – начала XX в.; и, в третьих, отчеты 50 – 80-х гг. XX в. относящиеся к «музейному» периоду существования церкви. Основную информацию содержат церковные описи, остальные документы служат подспорьем для раскрытия облика интерьера в определенный хронологический период.

Наиболее ранний, известный нам источник по храмовому убранству – опись 1628/9 г., опубликованная в 1998 г.² Она составлена в традициях того времени – обобщенно, без указания количества церковной утвари. Описание иконостаса дано столь лаконично, что неясно не только количество находящихся в нем икон, но и число рядов в иконостасе. И лишь сравнение с описаниями иконостасов в других храмах утверждает в мысли, что иконостас Преображенской церкви в 1628/9 г. был четырехъярусным. Писцы перечислили поименно только иконы местного ряда и находящиеся в церкви богослужебные книги. Однако и в таком варианте опись содержит много информации, дающей возможность представить внутренний облик летнего кижского храма начала XVII в.

¹ НА РК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 129/2449 (Книга данная из Петрозаводского духовного правления Петрозаводского уезда в Кижской церкви для записи всего имущества их. 1826 г.) (далее – Опись 1826 г.); НА РК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 1/5 (Книга учиненная Петрозаводского уезда благочинным Кижского погоста церковного имущества ... марта 1831 г. В этой «Книге» подшиты несколько документов: Опись имуществу, находящемуся в церквях Кижского погоста, июля 17 дня 1830 г.) (далее – Опись 1830 г.); Опись имущества ... от 22 ноября 1865 г. (далее – Опись 1865 г.); Отчет в израсходовании материалов и суммы на исправление Кижской Покровской церкви с указанием оном по статьи расхода в книги; Записи о прибылых вещах за 1834, 1856–1865 гг.); НА РК. Ф. 25. Оп. 12. Д. 32/2 (Опись церквей Преображения Господня и Покрова Пресвятыя Богородицы Олонгецкой епархии Петрозаводского уезда Кижского погоста, составленная того же погоста священноцерковнослужителями и церковным старостою в 1867 г.) (далее – Опись 1867 г.).

² Чернякова И. А., Черняков О. В. Писцовые и переписные книги как источник по истории деревянного зодчества Карелии // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 1988. С. 71–72.

Описи XIX в. (1826, 1830, 1865, 1867 гг.), напротив, составлены столь тщательно и подробно, что можно представить как иконописное убранство каждой части храма, так и отдельные находящиеся в нем предметы.

Описи 1826, 1830, 1865 гг. сделаны по одной схеме, общепринятой для первой половины XIX в. Имущество церкви описано в направлении от востока к западу: алтарь, церковь, трапезная. Утварь в каждой части храма также представлена в определенной последовательности, которую с долей условности можно обозначить понятиями: главное (например, престол в алтаре, иконостас в кафоликоне) и дополнительное (иконы на стенах храма, хоругви и пр.). Сравнительный анализ этих описей показал, что опись 1826 г. использована при составлении описи 1830 г., а последняя в свою очередь – при подготовке описи 1865 г. (в них даже повторяются одни и те же ошибки). В описи 1830 г. имеются карандашные пометки, которые свидетельствуют о сличении данного документа с описью 1867 г.

Опись 1865 г. отличается от остальных неполным перечислением погостской церковной утвари. В нее внесено только имущество Покровского храма. В описи 1867 г. она названа «дополнительной». На наш взгляд, ее составление объясняется тем, что с 1863 по 1865 г. в зимней церкви произвели крупный ремонт («поновление»), существенно изменивший внутренний облик церкви, по окончании которого и была сделана новая опись имущества. Нами опись привлекается в тех случаях, когда по документам наблюдается перемещение предметов из одной церкви в другую.

Опись 1867 г. составлена по новой схеме. Она значительно отличается от предыдущих документов количеством глав и их содержанием, а также системой фиксации имущества. Если предыдущие описи рассматривали храмовую утварь от первого до последнего предмета в каждой церкви отдельно, то в описи 1867 г. описание имущества обеих церквей дается с распределением по главам. Например, в главе «Алтарь» вначале приведен перечень богослужебной утвари Преображенского алтаря, а затем – имущество алтаря Покровской церкви. Отличается опись и содержанием глав. Предыдущие документы представляли имущество по порядку их размещения (например, при описании иконы перечислялась одновременно и вся сопутствующая ей утварь: риза, лампадка, подсвечник). В описи 1867 г. предметы распределены по назначению. Например: лампадки, подсвечники вынесены в раздел под названием «Лампады, подсвечники, аналои».

Опись 1867 г., кроме формальных отличий, фиксирует весомые изменения в составе церковного имущества. В связи с чем первые две описи (1826 и 1830 г.) мы будем использовать одновременно, с обязательной отсылкой к источнику, а опись 1867 г. рассмотрим отдельно. Это облегчит представление внутреннего убранства Преображенской церкви и позволит избежать повторов одних и тех же сведений, зафиксированных в разных документах. Изложение материала построено нами по аналогии со

структурой описей и выдержано в хронологической последовательности (особенно при рассмотрении церковных документов).

Наиболее ранние источники, дающие представление о внутреннем убранстве кижских храмов, содержатся в писцовых книгах XVII в. В 1628/9 г. государственные писцы Никита Панин и Семен Плещеев описали имущество летней церкви Спаса Преображения и зимнего храма Покрова Пресвятой Богородицы.

В Преображенской церкви в первой трети XVII в. был четырехрядный тябловый иконостас. Он охарактеризован весьма обобщенно: «божия милосердия образов в тябле: деисус с празники и с пророки на красках». Поименно перечислены иконы местного ряда. Завершалась вся иконостасная композиция золотофонным Нерукотворным образом.

Местный ряд включал царские врата и северную алтарную дверь. Справа от царских врат были установлены четыре иконы: «Преображение Господне» (на краске), «Воскресение Господне» (на краске), «Покров» (на золоте), «Троица – Отечество, с деяниями» (на золоте), «Спас Вседержитель» (без указания письма), «Пророк Илья, с деяниями» (на золоте). Заканчивался местный ряд с правой стороны северными алтарными дверьми, фон которых был написан красками.

Украсение имела только храмовая икона «Преображение». Ее убранство состояло из серебряного чеканного венца с четырьмя разноцветными камушками, серебряной басмьяной золоченой гривны и приклада: аспидного креста, обложенного серебром. Перед образом стояла восковая свеча с насвешником из листового железа. Поставная свеча была также перед Богородичным образом. Перед тябловыми иконами в «шанданях» горели восковые свечи.

В алтаре писцы зафиксировали одну икону «Богоматерь Одигитрия» и выносной крест. Они располагались за престолом и были написаны на золоте.

Кроме этого, в церкви указаны четыре печатные богослужебные книги: Евангелие на престольное, Евангелие толковое, Апостол, Триодь Цветная и пять письменных книг: Соборник, Устав, Октай, Псалтырь, Часовник. Также в церкви имелись одно медное кадило и деревянные церковные сосуды³.

В Покровском храме церковного имущества было еще меньше. Оно состояло из скромного трехрядного тяблогового иконостаса, включавшего праздничный, деисусный и местный ряды, двух поставных восковых свечей и деревянных сосудов в алтаре⁴.

Опись имущества кижских церквей производит двойственное впечатление. С одной стороны, архаичные осветительные приборы (шанданы) и деревянные сосуды (хотя в этот период многие храмы имели оловянные

³ Чернякова И. А., Черняков О. В. Писцовые и переписные книги... С. 72.

⁴ Там же.

приборы), с другой – высокие иконостасы, редко фиксируемые в обонежских церквах в первой половине XVII в.⁵

Кижские церкви, описанные в 1628/9 г., не сохранились до наших дней – они сгорели в конце XVII в.⁶ Из церковного имущества того времени сохранилась часть икон, большинство из которых в настоящее время хранится в фондах Карельского музея изобразительных искусств (далее – КМИИ)⁷.

Более поздние документы – описи 1826–1867 гг. – составлены кижскими священниками Иоанном Феодуловым (1826 и 1830 г.) и Андреем Русановым, при участии Михаила Завадовского (1865 и 1867 г.).

По прошествии двух столетий (1628/9–1826 гг.) наблюдаются разительные перемены в количестве и качестве преображенской церковной утвари, особенно алтарной. Деревянные сосуды сменились серебряными, к некогда единственной в алтаре иконе «Богоматерь Одигитрия» добавились еще восемь икон. Рядом с запрестольным выносным «старинным» крестом стал выносной образ «Богоматерь Знамение», близ жертвенника заняла место полотняная плащаница⁸.

Богослужебная утварь в алтаре описана с особой тщательностью. Определен материал, из которого сделан предмет, декоративная отделка и цвет. Например, одежда на престоле «французского гарнитуру белого цвета с полосками, обложена золотными позументами». Подробно описан состав комплектов. Например, в алтаре были два набора сосудов – «серебряных, позлащенных, 82-й пробы». Каждый состоял из потира, диска, звезды, тарелочки и ложки⁹.

Особую важность имеет описание антиминса с надписью об освящении церкви в 1830 г. епископом Олонецким и Петрозаводским Игнатием. Замена прежнего антиминса новым свидетельствует о завершении крупных ремонтных работ, потребовавших освящения Преображенской церкви¹⁰.

Ценная пометка внесена в опись 1830 г. напротив описания четырех напрестольных крестов. Три креста были деревянные, при этом два из

⁵ Например, в Никольской церкви Оштинского погоста (Ошта – центр управления Заонежскими погостами XVI – нач. XVII в.) иконостас был двухъярусным и состоял из трех местных икон и деисуса; в церкви Рождества Иоанна Предтечи Пиркинского погоста – тоже двухъярусным; в церквах Коткозерского и Рождественского погостов на р. Олонце иконостасы состояли из местных икон и совмещенных изображений на одних досках: деисуса и праздников, деисуса, праздников и пророков. (ОГВ. 1850. № 43–45; 1849. № 1–2). Обонежские иконостасы подробно рассмотрены В. Г. Платоновым, см: *Платонов В. Г. Живопись Обонежья 15–18 веков: Дис. на соискание ученой степени кандидата искусствоведения.* Л., 1987.

⁶ *Чернякова И. А., Черняков О. В.* Писцовые и переписные книги... С. 71.

⁷ Научный архив музея «Кижжи». НРФ-1269. *Гуцица В. А.* Список икон Преображенской и Покровской церквей Кижского архитектурного ансамбля, хранящихся в фондах КМИИ. Прил. № 5. К вопросу о частичной резкпозиции иконостаса Покровской церкви. Петрозаводск, 1990).

⁸ Опись 1826 г. Л. 15–17.

⁹ Там же. Л. 15а.

¹⁰ Опись 1867 г. Л. 15.

них обложены серебром. Четвертый крест был серебряный. У серебряного креста карандашом вписана дата – 1763 г. Возможно, что 1763 г., как и 1759-й – год поновления «небес», окажется ориентиром, указывающим на значительные изменения в храмовом убранстве¹¹.

Дополнительные сведения, внесенные в опись 1830 г., при сличении ее церковнослужителями с описью 1867 г., говорят о передаче некоторых алтарных предметов в другие храмы. Например, из пяти Евангелий, имевшихся в алтаре на 1830 г., одно было отдано в 1865 г. во временное пользование в открывшуюся в Кижском приходе приписную церковь Введения Пресвятой Богородицы в д. Сибово, другое «за цену» отдано в Великогубскую церковь. В приписную церковь также во временное пользование отправили второй набор серебряных освященных сосудов¹².

Сравнение алтарной утвари в имеющихся описях позволяет сделать заключение об общем наборе алтарных предметов для летней и зимней кижских церквей, которые в зависимости от сезона переносились из одного храма в другой. Описи 1826 и 1830 г. перечисляют освященные предметы престола и жертвенника в алтаре Преображенской церкви. Опись 1865 г. фиксирует алтарную утварь Покровского храма. В ней перечислены те же предметы и то же количество, что и в предыдущих описях, а также в последующей, 1867 г., в которой нет деления освященных сосудов по храмам. Опись 1865 г. составлена в ноябре. В это время года службы уже велись в зимнем храме, соответственно алтарная утварь к моменту составления описи была перенесена в алтарь Покровской церкви.

Не менее подробно описывается содержание кафоликона Преображенской церкви. В начале описи 1826 и 1830 г. приводят состав алтарного иконостаса, потом – утвари, расположенной на солее, и затем – предметов в центре кафоликона и икон на боковых стенах храма.

Описание иконостаса начинается со слов о золоченых резных царских воротах высотой 3 аршина 8 вершков (2,5 м) и заканчивается фразой: «Все сии образа находятся в резном золоченом иконостасе»¹³.

Поражает количество икон в иконостасе – 104! Близкое число икон – 102 – известно только в пятиярусном иконостасе Георгиевской Толвуй-

¹¹ Кресты зачастую несут в себе важную информацию. Например, в летней Георгиевской церкви Толвуйского погоста на престоле было три «благословящих креста»: деревянный, обложенный серебром, и два медных посеребренных 1798 и 1799 г. А 1799-й – это год освящения теплой Троицкой церкви (НА РК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 128/2447. Л. 1, 5). В Варваринской Яндомозерской церкви был деревянный крест с надписью об освящении алтаря церкви в 1650 г. (НА РК. Ф. 25. Оп. 12. Д. 36/175. Л. 32 об–33). Деревянный крест с подобной резной надписью был и в Преображенской церкви. См.: Научный архив музея «Кижь». НРФ-1140 Л. 1 (*Гуцина В. А.* Летопись Преображенской церкви. Петрозаводск, 1985). Отсутствие даты на одном из преображенских деревянных крестов в описях, возможно, объясняется тем, что два деревянных креста были обложены серебром и скрывали надпись под серебряным футляром.

¹² Опись 1867 г. Л. 15а – 16а.

¹³ Опись 1830 г. Л. 17а – 20а.

ской летней церкви¹⁴. Иоанн Феодулов в описи 1826 г. приводит такие цифры: в пророческом ряду – 32 образа, в праздничном – 30 икон, в деисусном – 29. Опись 1826 г., как и опись 1830 г., не дает поименного описания икон в ярусах. Названы только два центральных образа: «Знамения Пресвятой Богородицы» в пророческом ряду и «Спас на престоле сидящий» в деисусном чине.

В местном ряду в 1826 г. описано 12 икон и 2 алтарных врата:

1. «Преображение Господне, со страстями на полях».
2. «Спас Нерукотворный, со страстями» (так названы сцены из истории и чудес убруса. – Г. Ф.).
3. «Покров, с чудесами».
4. «Живоначная Троица, с чудесами».
5. «Собор Пресвятой Богородицы, с чудесами».
6. «Пророк Илья, с чудесами».
7. «Воскресение Христово».
8. «Георгий Великомученик» (изображение житийных сцен на полях не указано. – Г. Ф.).
9. «Преподобные Зосима и Савватий Соловецкие, с чудесами».
10. «Богоматерь Одигитрия».
11. «Никола Чудотворец, с чудесами».
12. «Успение Пресвятой Богородицы, с чудесами».
13. «Северные пономарские врата, на них образ Господа Саваофа на лоне Авраамове, в подножии писано изгнание Адамово из рая».
14. Южные «пономарские двери на них образ Стаго прока Даниила»¹⁵.

В 1829 г. местный ряд пополнился иконой «Архистратиг Михаил», подаренной крестьянином д. Окуловской Евсеем Андреевым Плавуновым¹⁶. Эта икона появляется в описи 1830 г. Она названа стоящей крайней слева, за последней иконостасной иконой «Зосима и Савватий Соловецкие, с житием». Икона находилась в столярном, гладком, крашеном киоте и отличалась своими размерами. Ее высота в киоте составляла 90 см, в то время как местные иконы, без резьбы иконостасных ставов, имели средний размер 160×142 см. Позднее икону «Архистратиг Михаил» перенесли в зимний храм. Об этом свидетельствует карандашная пометка – «в Покровской», расположенная напротив ее описания 1831 г. В описи 1865 г. икона сосчитана на южной стене в Покровской церкви¹⁷.

¹⁴ Иконостас Георгиевской церкви был двоянный, состоял из главного и придельного иконостасов, расположенных по одной линии. В нем было по 23 образа в пророческом, пророческом и деисусном рядах, 21 икона в праздничном, 8 местных икон в главном иконостасе, 4 – в придельном и трое алтарных врат (НА РК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 128/2447. Л. 4, 6).

¹⁵ Опись 1826 г. Л. 17а – 19а.

¹⁶ На иконе (хранится в КМИИ, № И-535) есть вкладная надпись: «Сия икона усердием крестьянина деревни Окуловской Евсея Андреева Плавунова в 1829 году».

¹⁷ Опись 1830 г. Л. 19а, 8.

Остальные 12 местных икон и 2 алтарных врата фиксируются документами на своих местах до 1943 г.

При всех местных иконах были «лампады средней величины числом двенадцать чеканной работы». Они были медными посеребренными¹⁸. Такая же лампада на спускном устройстве была у Спасителя в деисусном ряду¹⁹.

Следует заметить, что только несколько местных икон имели украшения. Достаточно скромно – венцами – были оформлены образа Николы (серебряный с позолотой) и Нерукотворного Спаса (серебряный венец с гривенкой). Икону «Покров» украшали венчики из листового золота, и только две иконы – «Преображение» и «Богоматерь Одигитрия» – были одеты в серебряные чеканные ризы²⁰. Вероятно, яркая золоченая объемная резьба была достаточно эффектным обрамлением местных икон, не требовавшим дополнительного оформления. А вот иконы, поступившие в первой четверти XIX в. «Спас Всемилостивый» и в 1865 г. «Успение Богородицы», обладали полным набором всевозможных украшений.

Икона «Успение», установленная у левого клироса, была прислана из Санкт-Петербурга кижскими прихожанами – крестьянином д. Телятниково Матвеем Яковлевым Вавилиным и крестьянином д. Кижского острова Северного конца Иваном Васильевым Морозовым. Записана икона в прибывших вещах как «Иконостас с иконою Успения Божией Матери», с указанием цены – 150 рублей серебром²¹. Это был грандиозный резной золоченый киот, составивший пару – киоту с иконой «Спас Всемилостивый», который стоял у правого клироса.

Икона «Спас Всемилостивый» была любима прихожанами как историческая реликвия Спасо-Кижского прихода, которая прежде находилась в древней Преображенской церкви, разоренной в XVII в. во время военного нашествия. Образ считался чудотворным: он указал место строительства новой (1714 г.) Преображенской церкви²².

Образ Всемилостивого Спаса имели обе кижские церкви. Древний, чудотворный, в серебряной ризе стоял по описям 1826 и 1830 г. у клироса в Никольском приделе Покровской церкви²³, а копия с него в богатом украшении – у правого клироса в Преображенском храме²⁴. Преображенский Спас был облачен в тринадцатифунтовую серебряную под червонным золотом ризу и венец. Он был установлен в резной золоченый киот, кото-

¹⁸ Опись 1830 г. Л. 17а–19а; Опись 1867 г. Л. 5.

¹⁹ Опись 1867 г. Л. 20.

²⁰ Там же. Л. 17–19а; Опись 1830 г. Л. 4–5.

²¹ Опись 1867 г. Л. 51.

²² НА РК. Ф. 2. Оп. 50. Д. 12/43. Л. 8 (Наряд Олонецкого губернского правления по строительному отделению о собрании сведений о древних церквах и часовнях, 1872 г.). Икона «Спас Всемилостивый» в настоящее время находится в иконостасе Кижской Покровской церкви («Киж»). КП–253/4).

²³ Опись 1830 г. Л. 14 об.; 4. Л. 28а.

²⁴ Копия иконы «Спас Всемилостивый», XIX в. хранится в фондах КМИИ № И-681.

рый обрамлялся колоннами и завершался сенью с двумя коленопреклоненными ангелами. Это была единственная в храме икона с привесом – она имела крест, подвешенный на кавалерской ленте. Перед образом находился «для топления деревянного масла лампадик серебряной» чеканной работы с серебряной кистью. Там же стоял большой жестяной подсвечник²⁵.

У правого клироса, по описи 1830 г., крепилась хоругвь, на одной стороне которой было изображение Богоявления, на другой – Преображения Господня. У левого клироса, кроме хоругви с изображением Успения Богородицы, стоял укрепленный на длинной рукояти ветхий слюдяной фонарь.

За левым клиросом названы два образа в киотах: «Усекновение главы Иоанна Предтечи и Иоанн Златоуст», а также «Вседержитель на престоле сидящий». Напротив иконы Спаса имеется карандашная пометка – «перенесен».

Кроме этого, из утвари в кафоликоне перечислены: большое медное паникадило с 32 подсвечниками; три аналоя, покрытых «выбойкой» и «печатным холстом», а поверх – «конофатными» пеленами; Святцы, написанные на 12 досках, и «шкаф Свечная выручка с жестяными кружками под краской столярной работы»²⁶.

Как это ни странно, но описи, составленные И. Феодуловым, не фиксируют на потолке иконы «неба». Единственная и недостаточно ясная информация о «небесах» приведена в описи 1867 г.

Опись 1867 г. подтверждает резьбу иконостаса и его состав, зафиксированный предыдущими документами. В ней содержится поименный перечень икон во всех рядах иконостаса.

В описи 1867 г. зафиксировано изменение местоположения шести иконостасных икон: «Пророк Нафан», «Пророк Захария»/?/, «Савватий Соловецкий», «Антоний Римлянин», «Третий Вселенский собор» и «Четвертый Вселенский собор». Икона «Пророк Нафан» перемещена из верхнего ряда иконостаса на северную стену кафоликона. Образ пророка Захарии /?/²⁷ из пророческого ряда перенесен на южную стену церкви. Праздничные иконы «Третий Вселенский собор» и «Четвертый Вселенский собор» переместили на восточную стену в алтаре. Деисусные иконы «Савватий Соловецкий» и «Антоний Римлянин» заняли места в нижнем ряду²⁸ среди местных образов, на северной и южной сторонах иконостаса.

²⁵ Опись 1830 г. Л. 6 об.; Опись 1867 г. Л. 20а.

²⁶ Опись 1867 г. Л. 20а – 21а.

²⁷ Образ Захарии (без указания названия) по описи указан и в пророческом ряду, и на северной стене, поэтому икона «Пророк Захария» дается под вопросом. Как известно, пророческие ряды могли включать двух известных одноименных пророков Захарию и Захарию Серповида, что, вероятно, и было в преображенском иконостасе.

²⁸ Опись 1867 г. Л. 11 об., 1 об., 6 об., 7.

Парное удаление икон из трех верхних рядов предполагает выравнивание общей композиции иконостасной рамы. В то же время вставка двух икон в нижнем ряду соответственно означает расширение его на боковых гранях, с учетом резьбы примерно по метру с каждой стороны. Установка двух икон в местном ряду не могла произойти без разборки боковых граней иконостаса: иконы установили предпоследними в боковых крыльях иконостаса, изготовив для них ставы и идентичные деталям всей иконостасной рамы панели.

Удаление и перестановка иконостасных икон, по всей видимости, была обусловлена внутренними ремонтными работами. Церковные документы, переписанные Л. Петтерссоном, фиксируют аварийное состояние потолка-«неба» в 60-е годы XIX в.²⁹ Его ремонт мог изменить стыки потолочных конструкций со стенами церкви. Возможно, именно в это время были сделаны выпилы в двух пророческих иконах, поскольку через них проходили соединительные балки. На серьезные преобразования в церкви указывает также антиминс 1860 г. В описи 1867 г. упоминается антиминс, освященный 24 мая 1860 г. Аркадием, архиепископом Олонецким и Петрозаводским³⁰. Прежний антиминс был 1830 г. Это означает, что в церкви произошли изменения, потребовавшие ее освящения. Разборка иконостаса соответствует таким изменениям. Следовательно, перемещение икон могло произойти зимой – весной 1860 г. или в 1866–1867 гг., во время ремонта потолка, до составления описи.

В описи 1867 г. приводится следующее описание потолка церкви:

«9. В куполе образ Пресвятыя Троицы круглый, вокруг написана молитва Господня. Вокруг сего образа:

10. Праматери Еввы и Сарры.
11. Авеля и Сифа.
12. Зоровавеля и Ионы.
13. Ноя и Нафана.
14. Рувима.
15. Иосифа при распятии Господнем.
16. Мафусаила.
17. Захарии и Еноха.
18. Адама и Авраама.
19. Исаака и Нафара.
20. Иосифа и Аарона.
21. Мелхиседека и Лота (?) (неразборчиво. – Г. Ф.).
22. Иоакима и Акавы (?) (неразборчиво, возможно, Анны. – Г. Ф.).
23. Вениамина и Ареда.

²⁹ Научный архив музея «Кижки». НРФ-1232. Л. 8–13. (Петтерссон Л. Кижский погост. Сметы, счета с 1813 г. Петрозаводск, 1989).

³⁰ Опись 1867 г. Л. 1.

24. Св. Симеона Богоприимца и Лота (?) (неразборчиво, возможно, Анны. – Г. Ф.).

Над каждым из сих образов находятся изображения наверху Ангелов»³¹.

В описи 1867 г. отмечаются новые крупные предметы в собственно церковном помещении, которые находились на амвоне и перед ним. Оба клироса наполнены утварью. Старые хоругви, представленные в описи 1830 г., сменили новые, пожертвованные в октябре 1859 г. Иваном Гавриловичем Чиворовым. Хоругви крепились к позлащенным древцам, которые завершались резными крестиками. Знамена были украшены мишурной бахромой и кистями. На левой хоругви с одной стороны было изображение Богоявления, с другой – Благовещения. На правой хоругви изображение Иисуса Христа и Воскресения Христова³². Кроме хоругвей на клиросах было по аналою, один из которых использовали для книг, другой – для иконы «Воскресение Христово с двенадцатью праздниками». У левого клироса установлен большой деревянный крест с изображением Спасителя размером 3 аршина 15 вершков (213×66 см). Перед клиросами – два киота с иконами «Спас Всемилостивый» и «Успение». К ним приставлено по медному подсвечнику, причем у Спасителя подсвечник завершался фарфоровой свечой, пожертвованной в 1859 г. Григорием Исаевым Кражевниковым³³.

В центре церковного помещения стоял аналой для икон-святцев, а перед ним жестяной подсвечник. В южной части кафоликона была размещена большая плащаница, «писанная на холсте», размером 2 аршина 2 вершка × 1 аршин 4 вершка (151×89 см). Вероятно, это та «плащаница, писанная на холсте, самой высокой работы», которая значится в прибылых вещах за 1834 г. как пожертвованная крестьянина Антона Ошевнева³⁴. Перед плащаницей был установлен медный «в аплеке» подсвечник. В 1897 г. столяром Василием Судьным для нее была изготовлена тумба³⁵. Таким образом, в церкви были две плащаницы: малая в алтаре, большая в кафоликоне.

Кроме того, в церкви находился еще один аналой для чтения Евангелия и два столика: для благословения хлебов и поминания усопших³⁶.

Количество икон на стенах по-прежнему незначительно – их всего три. Образ пророка Захарии (?) на южной стене, пророка Нафана на северной стене и небольшой образ Николы Чудотворца над дверьми³⁷.

³¹ Там же. Л. 11 об. В настоящее время замковое кольцо с текстом молитвы «Отче наш» и тябла «неба» хранятся в фондах музея «Кижжи» (КП-2625/17 а, б). Иконы «неба» не сохранились: зимой 1944/45 г. они были употреблены на дрова в Петрозаводском Доме культуры (НА РК. Ф. 2916. Оп. 1. Д. 3/32. Л. 55).

³² Опись 1830 г. Л. 45; Опись 1867 г. Л. 11.

³³ Опись 1867 г. Л. 15а–45а.

³⁴ Там же. Л. 22.

³⁵ НА РК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 70/830. Л. 49 об. (Книга расхода денежных сумм по Кижской Преображенской церкви Петрозаводского уезда за 1894 г.).

³⁶ Опись 1867 г. Л. 11, 15–16 об.

³⁷ Там же. Л. 11 об.

Появились иконы в трапезной. Здесь назван пятифигурный деисус, оформленный в простую крашеную раму³⁸.

Над входом в паперть находился малый образ Преображения³⁹.

Новым в описи 1867 г. является содержание кладовой (ризицы). В ней описаны архаичные вещи: «венцы для брачующихся сосновые, из них женский расколот, а на мужском сделана надпись: „Иисус Христос“; на-престольный кипарисовый крест; „образ Божия Матери резной“; „Образ Св. Иоанна Предтечи, таковой же. Оба вместе имеют вид дверей, каждый из них вышиною 1 арш., шириною 4 вершка“»⁴⁰.

Опись перечисляет большое количество книг различного содержания и формата: Священного писания – 5 книг; Богослужебных – 15 («в поллиста»), 11 («в четвертую долю листа»), 18 («в восьмую долю»); Писаний Святых Отцов – 25; прочих книг духовного содержания – 45; исторических – 5⁴¹. Кроме этого, указаны и хозяйственные документы.

Подробнейшим образом перечислены одежды священнические, диаконские и причетнические.

Общее число церковной утвари в двух кижских храмах в 1867 г. составляло 589 предметов⁴².

Описи XIX в. зафиксировали постоянство в оформлении некоторых частей храма на протяжении столетия (например, иконостаса и трапезной), а также соответствующие времени изменения и дополнения (например, появление подсвечников с фарфоровыми свечами, живописных плащаниц).

Ведение церковнослужителями по годам записей прибывших вещей позволило определить время появления новых предметов, а также имена их жертвователей. Среди них местные крестьяне: А. Ошевнев, Т. Серый, Т. Кругова, петербургские купцы Никулин, Чиворов, соловецкие паломники. Некоторые имена встречаются неоднократно, например, семейная пара Чиворовых. Иван Гаврилов Чиворов в 1834 г. упоминается как крестьянин Кижского прихода⁴³. Позднее, став петербургским купцом, он постоянно одаривал кижские храмы. Всего этой семьей сделано 15 пожертвований⁴⁴. Все их дарения – диаконский стихарь, две священнические ризы, воздухи, хоругви, дароносица, Евангелие, иконы – использовались в церкви.

Кроме описей, сведения о внутреннем убранстве имеются в таких церковных документах, как приходо-расходные книги, консисторские запросы, отчеты, рапорты священников и благочинных.

³⁸ Опись 1867 г. Л. 14.

³⁹ Там же. Л. 14.

⁴⁰ Там же. Л. 36.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. Л. 56.

⁴³ Опись 1830 г. Л. 22.

⁴⁴ Там же. Л. 22а, 44–47.

О значительных ремонтных работах, продолжавшихся несколько лет, в период между 1815 и 1821 г., узнаем из «зборных книг» 1815 и 1817 г. Кижский священник Симеон Соколин дважды получал в епархии книги для сбора средств на ремонт Преображенской церкви. Ремонт был масштабным, предполагал много внешних работ, например обивку глав металлом. По сборной книге 1815 г. было собрано 2255 рублей 35 копеек и к ноябрю 1817 г. все деньги, без 64 копеек, были использованы на ремонт церкви⁴⁵.

В приходо-расходных книгах первой четверти XIX в. также указаны денежные поступления и расходы на ремонт храма⁴⁶. Сопоставив эти данные с монетами 1801, 1811, 1813 гг.⁴⁷, которые обнаружили при разборке клироса, иконостаса и солеи в 1982 г., можно сделать вывод о крупных ремонтных работах, проведенных в кафоликоне, сопряженных с разборкой иконостаса.

Новая волна ремонтных работ прослеживается в 60-х – начале 70-х годов. В архивных материалах Л. Петтерссона имеются два документа: смета расходов на ремонт Преображенской церкви 1866 г. и договор на плотницкие работы 1869 г. Судя по ним, в церкви был выполнен масштабный ремонт: подведен фундамент, заменены нижние венцы (от 1 до 3 бревен), сделаны новые полы (настелены поверх черных), в алтаре выровнен по амвону старый пол, подняты иконы с тяблами и потолки на 4 вершка, произведен ремонт потолка, обшиты стены досками в трех местах и покрашена обшивка⁴⁸. Находка монеты 1859 г. под пороговой доской центрального портала является дополнительным подтверждением крупного ремонта, продолжавшегося, вероятно, не один год.

В эти же годы, как явствует из рапорта комитета по исправлению Кижской Преображенской церкви от 18 сентября 1871 г., планировалось значительное изменение облика трапезной: устройство потолков, обшивка и окраска стен. Но кижане изменили свое решение и попросили епархиальное начальство отменить работы (хотя они и предусматривались сметой). Так как обивка стен и потолка в трапезной не зафиксирована в документах XX в., включая реставрационный отчет А. В. Ополовникова 1957 г., это означает, что Строительный отдел Олонецкого губернского правления дал свое согласие на отмену данных работ. Вряд ли это следует

⁴⁵ НА РК Ф. 25. Оп. 16. Д. 26/28. Л. б/н. (Дело об увольнении кижского священника Симеона Соколина и об отобрании от него зборной книги. 17 ноября 1817 г.). Там же. Д. 30/2. Л. 1 об. (Дело о выдаче зборной книги ... кижскому священнику Симеону Соколину для сбора от доброхотодателей на починку церкви ... 3 февраля 1821 г.).

⁴⁶ Научный архив музея «Кижь». НРФ-1140. Л. 4. (Гущина В. А. Летопись Преображенской церкви.)

⁴⁷ Хранятся в фондах музея «Кижь» (КП-1435–1437). Монета 1801 г. найдена под обвязкой южного клироса; монета 1811 г. – под стойкой каркаса иконостаса; монета 1813 г. – под солеи. Во время разборки обнаружена также монета 1760 г. под полом на участке южного клироса.

⁴⁸ Петтерссон Л. Кижский погост. Сметы, счета. Л. 7–10.

объяснять изощренным вкусом прихожан, скорее, это экономия средств, которые постоянно и в большом количестве требовались для поддержания огромной церкви в надлежащем виде.

Следующий ремонт церкви фиксируется по приходо-расходным книгам в конце XIX в. Из внутренних работ следует отметить: оклейку стен обоями в алтаре в сентябре 1890 г. прихожанином Леонтием Егоровым Спящим и выравнивание пола в июне 1897 г. столяром Григорием Сазоновым⁴⁹.

В конце столетия приход собирал средства на поновление преображенского иконостаса, которое пришлось на начало XX в. В докладе кижского духовенства архиепископу Олонецкому и Петрозаводскому Палладию говорится о необходимости обновить и позолотить иконостас, а также об отсутствии собственных средств на его ремонт. К докладу прилагалось заявление крестьян Кижского прихода с этой же просьбой. По их оценке, поновление огромного преображенского иконостаса «могло стоить по крайней мере 5000 рублей». Приход же постоянно расходует деньги на ремонт обеих церквей и «в кассе, – сетуют кижане, – всего 691 рубль 43 копейки», в связи с чем они просят разрешение на сбор средств⁵⁰.

Сбор средств был разнообразен. Например, в сентябре 1886 г. за пожертвованные жемчужные серьги и поднизь церковный староста выручил 69 рублей, продав украшения известному жемчужному предпринимателю крестьянину Морозову⁵¹. На пожертвованный зерновой и печеный хлеб во время хождения с иконой Богородицы 2 июня 1897 г. приход выручил 30 рублей⁵². Крупное денежное пожертвование облигациями и рентами на общую сумму 1000 рублей внесла 29 сентября 1896 г. крестьянская вдова Стефанида Андреева Морозова из д. Кижского острова⁵³.

Документы по поновлению иконостаса в подлиннике не выявлены, но в 1943 г. Л. Петтерссон переписал договор от 1901 г., заключенный между Кижским приходом и иконостасным мастером-золотарем Александром Степановым Ильиным, мещанином из Ростова, а также акт от 1903 г., подтверждающий выполнение всех договорных работ. Александр Ильин с артелью согласно условиям договора разобрали иконостас, заменили сгнившие детали, перегрунтовали испортившиеся участки, позолотили резьбу червонным золотом по мордану и отреставрировали иконостасные иконы «в чисто греческом стиле», после чего собрали и установили иконостас на место⁵⁴. Из подряда ясно, что все работы артель вы-

⁴⁹ НА РК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 69/811. Л. 15; 9. Л. 49 об. (Расходная книга Спасо-Преображенской церкви Кижского погоста Петрозаводского уезда).

⁵⁰ Петтерссон Л. Кижский погост. Сметы, счета. Л. 17.

⁵¹ НА РК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 69/803. Л. 8 (Приходная книга Кижской Преображенской церкви Олонецкой епархии за 1886–1889 гг.).

⁵² НА РК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 70/831. Л. 31 об. (Книга прихода денежных сумм и капиталов по Кижской Преображенской церкви за 1894 г.).

⁵³ Там же. Л. 19 об.

⁵⁴ Петтерссон Л. Кижский погост. Сметы, счета. Л. 19–20.

полнила без изменения композиционной схемы иконостаса. Новые детали, например, разрушенную резьбу, делали в соответствии с рисунком. Специально оговаривалась реставрация икон. Она предполагала помывку, реставрацию и покрытие эмалевым лаком. На иконах с испорченным грунтом значилось нанесение новой грунтовки. Забота о состоянии икон отражена в отдельной статье, в которой записано по окончании работ: «Следя за прочностью иконописи, иконы покрыты олифой, а не эмалевым лаком, на что дали согласие также духовенство и церковный староста»⁵⁵. Деликатность и добротность их работы подтверждается актом и современным состоянием иконостаса и икон.

С изменением конституционного строя Российского государства произошли изменения и в статусе Преображенской церкви. В 1920 г. церковь Спаса Преображения была поставлена на государственный учет в качестве памятника архитектуры. В 1936 г. церковь как православный храм была закрыта⁵⁶.

Во время Второй мировой войны, в 1943 г., преображенские иконы как художественная ценность были вывезены оккупационными войсками в Финляндию. Зимой 1944/45 г. кижские иконы, в числе прочих заонежских икон (около 2000 ед.), были возвращены по мирному договору из Хельсинки в Петрозаводск и переданы на хранение Государственному музею Карело-Финской ССР⁵⁷.

С 1943 по 1952 г. кижские церкви стояли опустошенными. В Преображенской церкви в этот период находился резной золоченый иконостас без икон, за ним в алтаре – престол с навершием и жертвенник. Очевидно, в ризнице или алтаре хранились книги и тканевая утварь, поскольку они не вывозились финнами.

Возможно, что утварь была перенесена в зимнюю Покровскую церковь, в которой разрешалось проведение служб.

В 1945–1946 гг. Правительство КФ ССР активно сотрудничало с Комитетом по делам искусств при СНК СССР, который возглавлял И. Э. Грабарь. Решались вопросы создания заповедника на территории Кижского погоста, атрибуции и сохранения огромного числа заонежских икон, включая кижские, волею судеб оказавшихся в г. Петрозаводске⁵⁸. И. Э. Грабарь, исследовавший Преображенскую церковь в 1926 г., вновь обратился к ней. В одном из писем он отметил художественные достоинства резного золоченого иконостаса и указал на важность его сохранения⁵⁹. В 1945 г. на остров был

⁵⁵ Там же. Л. 20.

⁵⁶ Гуцина В. А. Летопись Преображенской церкви. Л. 25.

⁵⁷ НА РК. Ф. 2916. Оп. 1. Д. 1/16. Л. 12 (Материалы по охране и реставрации памятников архитектуры. 1946 г.).

⁵⁸ Там же. Д. 7/60. Л. 50–53 (Материалы по охране и реставрации памятников архитектуры (планы, справки, переписка и т. п.). Там же. Д. 1/16. Л. 12–25 (Материалы по охране и реставрации памятников архитектуры).

⁵⁹ Там же. Д. 1/16. Л. 50 (Материалы по охране и реставрации памятников архитектуры).

направлен архитектор Л. М. Лисенко, который выполнил первые детальные обмеры церкви, зафиксировал элементы интерьера: росписи тьял «неба» и детали резного иконостаса⁶⁰.

Для работы с иконами комитет направил двух специалистов из Третьяковской галереи – Н. Е. Мневу и В. Г. Светличную (Брюсову). После опознания преображенских икон сторожем кижских церквей Н. Г. Маньшиным, с учетом размеров, шифровки на оборотах и сопоставления с довоенной фотографией иконостаса, специалисты отобрали 105 икон, к которым добавили еще две иконы: «Богоматерь всех скорбящих радость» и «Единородный Сыне», поскольку они соответствовали размерами местным иконам из Преображенской церкви. Позднее эти две иконы вошли в состав местного ряда Кижской Покровской церкви, из которой они и происходили.

В первой половине лета 1945 г. иконы доставили на остров Киж и разместили в помещении сельского Совета, которое было использовано под реставрационную мастерскую. Реставраторы В. Г. Светличная и Г. В. Жаренков выполнили необходимые консервационно-реставрационные работы: укрепление основы, удаление плесени и загрязнений, укрепление живописной поверхности, промывку живописи с частичным удалением олифы⁶¹.

Восстановление внутренней отделки кижских церквей наметили на 1946 г., однако не осуществили «ввиду отсутствия специалистов по данному вопросу»⁶².

Интерьер Преображенской церкви реконструировали в 50-е годы по проекту архитектора А. В. Ополовникова⁶³. Интерьер был освобожден от всех движимых и недвижимых элементов, по мнению архитектора, «несвойственных народному зодчеству и чуждых ему как по своей социальной природе, так и по художественной форме». Из церкви убрали все движимое имущество: плащаницы, подсвечники, лампадки, киоты и т. п. Разобрали кладовую (ризницу), располагавшуюся в северо-западном углу трапезной. Соответственно в северном углу установили дверь для прохода из трапезной в северную часть храма, которую архитектор именовал приделом. Переделали двери в храм и кафоликон. Как выясняется из отчета, двери с внешней стороны были обиты металлом («железом»). Когда металл убрали, то перед реставраторами предстала светлая древесина. Это означало, что дверь изначально, со времени ее установки, была обита металлом. В результате древесину затонировали под

⁶⁰ НА РК. Ф. 2916. Оп. 1. Д. 1/7. Л. 3 (Отчет о деятельности управления за 1945–46 гг. и отчет о работе Бюро экспертизы проектов и смет за 1947 г.).

⁶¹ Научный архив музея «Кижки». НРФ, б/н (Брюсова В. Г. Объяснительная записка к работам по восстановлению иконостаса Преображенского собора в Кижках, 1950. Петрозаводск, 1950).

⁶² НА РК. Ф. 2916. Оп. 1. Д. 1/16. Л. 59 (Материалы по охране и реставрации памятников архитектуры. 1946).

⁶³ Научный архив музея «Кижки». НРФ-731 (Ополовников А. В. Отчет о реставрации памятников деревянного зодчества – Преображенской и Покровской церквей и колокольни на Кижском погосте. М.; Петрозаводск, 1957).

цвет стен. Со стен сняли тесовую обшивку, которая была окрашена в белый цвет. Обнаружили штрабы и пазы в стенах. Они послужили основанием для установки лавок вдоль северо-западной и юго-западной стен. Лавки установили и вдоль стен трапезной. Очистили пол от краски. Заполнили каркас потолка тесом, уложив его «елочкой». Когда все эти работы были завершены, интерьер предстал в виде сохранившегося иконостаса, двух клиросов и лавок вдоль стен. К левому клиросу приставили большой обетный крест, сделанный в 1736 г. кончезерскими рабочими для своих нужд⁶⁴.

Иконы в иконостасе установили в 1952 г. в соответствии со схемой расположения, составленной В. Г. Брюсовой (Светличной)⁶⁵. Иконы пророческого, деисусного и местного рядов были установлены на своих прежних местах. Исключение составили две иконы: «Антоний Римлянин» и «Зосима Соловецкий». Напомним, что по данным последней описи икону «Антоний Римлянин» в паре с иконой «Савватий Соловецкий» переместили из деисусного ряда в местный. При реконструкции икону «Антоний Римлянин» вновь поставили в деисусный чин, а на ее место спустили деисусную икону «Зосима Соловецкий». Вероятно, обмен произвели для создания парности соловецких чудотворцев в местном ряду.

Праздничные иконы поставили в хронологической последовательности евангельских сюжетов и христианской истории. После размещения икон в иконостасе невостребованными оказались две пророческие иконы и две иконы из праздничного ряда: «Третий Вселенский собор» и «Четвертый Вселенский собор». Иконы определили в алтарь, что соответствовало историческому местоположению праздничных икон. Позднее эти четыре иконы вместе с так называемой кижской коллекцией поступили на хранение в КМИИ.

В таком виде интерьер как музейный образец внутреннего убранства северной православной церкви прослужил до 1980 г., когда Преображенскую церковь закрыли на реставрацию, объявив ее состояние аварийным. В храм был введен металлический каркас. Для этого из церкви были удалены не только иконы, иконостас и утварь, но и полы и потолки – осталась только внешняя оболочка здания. С этого момента доски и плахи пола и потолка складированы в подсобных помещениях, а иконы и иконостас – в фондохранилищах музея «Кижы».

Рассмотренные архивные документы XIX – XX вв. говорят о постоянном радении кижан о поддержании церкви в хорошем состоянии: примерно каждые 40 лет в храме выполнялись ремонтные работы. Пожертвования и дарения также служили для благоуукрашения храма.

⁶⁴ Там же. Л. 27–36.

⁶⁵ Там же. НРФ-34 (Список произведений живописи древней Карелии, составленный В. Г. Светличной в 1948 г. и схемы иконостасов Преображенской и Покровской церквей. Петрозаводск, 1969).

Р. Б. Калашикова

СВЯЩЕННИКИ-БЫТОПИСАТЕЛИ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА (А. Петропавловский, И. Ивановский, А. Георгиевский)

Архивные документы и материалы дореволюционной печати второй половины XIX века свидетельствуют об огромном просветительском потенциале сельского духовенства¹. Просветительская миссия состояла не только в том, что начиная с конца 1830-х годов церковнослужители Олонецкой губернии стали «безмездно», в собственных домах, обучать крестьянских детей (и делали это несколько десятилетий, вплоть до 1870-х годов). Историческая заслуга церковного причта заключалась и в том, что именно священники и учителя, выходцы из Олонецкой духовной семинарии², были лучшими бытописателями крестьянского уклада, традиционной обрядности. От сельских священников, бок о бок живших с «предметом исследования», зачастую непосредственно занятых крестьянским трудом, можно было получить детальную и вместе с тем многокрасочную, «объемную» информацию. Трудом священников были сформированы фонды многих архивов, в том числе фонд Олонецкой губернии Русского географического общества (С.-Петербург).

Русское географическое общество было основано в 1845 году в С.-Петербурге с целью сбора «географических, этнографических и статистических сведений преимущественно в России». В августе 1846 года в Петрозаводск в адрес его преосвященства Венедикта, архиепископа Олонецкого и Петрозаводского, пришло послание РГО за подписью вице-адмирала Федора Литке с просьбой о содействии. «В Архивах Монастырских и Архиерейских библиотеках нередко встречаются описания мест, церквей, монастырей и пр., дневники путешествий, старинные карты и планы, заметки географическая, этнографическая и

¹ Мы имеем в виду и священников небольших городов.

² Среди учителей до середины 1870-х годов подавляющее большинство (101 из 118, или около 90 %) являлось выпускниками духовной семинарии. См.: *Афанасьева А. И.* Сельская интеллигенция Олонецкого края во второй половине XIX – начале XX века // Международная научная конференция по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения-95»: сб. докладов. Петрозаводск, 1997. С. 287–288.

статистическая. Все сие, принадлежа к предметам Географического Общества, может служить для него обильным материалом³. Географическое общество просило владыку сообщить о рукописях и картах, которые могли сохраниться в Олонецкой епархии. Полученные сведения общество намеревалось печатать в своих записках или издавать отдельными книгами. Было бы «желательно, чтоб наибольшее число образованных Русских приняло участие в трудах Общества, ибо в настоящем случае, чем более будет делателей, тем обильнее получится жатва»⁴. 23 сентября 1846 года вышел Указ Олонецкой духовной консистории, в котором ключарю Петрозаводского кафедрального собора иерею Антонию Нечаеву предписывалось по третям года доставлять сведения, требуемые Русским географическим обществом.

В августе 1853 года ИРГО выслало архиепископу Олонецкому и Петрозаводскому Аркадию очередное письмо, в котором отмечались первые результаты работы: «Особенно теплое и плодотворное сочувствие к трудам общества оказали Архипастыри Православной Церкви, а также вообще лица городского и сельского духовенства; Общество с особою признательностью может назвать весьма многия, доставленные ему от членов духовнаго сословия, любопытныя и важныя статьи...» Для более подробного и тщательного описания предлагалась новая уточненная программа исследования русской народности, 40 экземпляров которой общество просило разослать «тем лицам городского и сельского духовенства ...которые ...могли бы доставить Императорскому Географическому Обществу желаемыя сведения»⁵. Программа состояла из множества вопросов, распределенных по разделам: «Наружность», «Язык», «Домашний быт», «Особенности общественного быта», «Умственные и практические способности и образование», «Народные представления и памятники». В епархии сразу составили списки лиц, которым нужно разослать этнографические программы. В основном списке было указано 37 адресатов, в дополнительном – 18. Надо учитывать, что в своих посланиях к священникам епархия обязывала их всемерно помогать Географическому обществу.

Вскоре после рассылки программ Архиепископ Олонецкий и Петрозаводский Аркадий получил 44 рапорта, в которых говорилось о содействии инициативе РГО. Среди первых горячо откликнувшихся был священник Янгозерского погоста Повенецкого уезда Александр Петропавловский: «...я, с горячею любовию принял Ваше избрание, – согласен и с искренним усердием и старанием, – сколько имею сил и

³ НА РК. Ф. 25. Оп. 2. № 4/65. Л. 1 (О поручении ключарю Антонию Нечаеву собрать географические и этнографические сведения). В цитатах здесь и далее сохранены орфография и пунктуация подлинника.

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 4.

средств, готов исполнять желаемое упомянутым Обществом»⁶. В этом же году он выслал в адрес РГО сорокастраничную тетрадь «О происхождении Янгозерского погоста»⁷. Кроме того, им была послана двенадцатистраничная тетрадь (без подписи) под названием «Этнографические сведения о жителях приходов Семчезерского, Янгозерского и Гимольского, Повенецкого уезда», полностью посвященная «карелам» и содержащая уникальные сведения об их языке («Лапиксе»), наружности, жилище, утвари, одежде. Эта рукопись неоднократно цитировалась в работах известных этнографов Карелии Ю. Ю. Сурхаско и Р. Ф. Тароевой. Через два года, в 1855 году, священник высылает в Географическое общество еще 2 тетради (40 и 44 страницы) с сообщением «Этнографические сведения о Янгозерском погосте Повенецкого уезда»⁸.

Рассмотрим несколько подробнее то, о чем автор сообщал только в одной – 44-страничной – тетради. Напомним, что священнику на момент записи было 25 лет, что в состав прихода входило 12 деревень, в том числе: Погоская, Келлоева, Кургила, Совдозеро, Поросозеро, Кудамагуба, Коштомукса. Это были места, заселенные карелами по преимуществу. В рукописи приводилось большое число пословиц и поговорок, примет и загадок, описывались животный и растительный мир прихода, климат, местные полезные ископаемые, а также разнообразные занятия жителей (ловля птиц, белок, оленей, лесной сплав, добыча руды и т. д.).

Часть сообщения посвящалась церковным праздникам и увеселениям местных жителей. Так, например, автор замечал: «...в самый праздник первым долгом считают сходить в Церковь или Часовню, помолиться Богу и поставить свечу. После Богослужения обед, за которым мужички выпивают и водки. Нетерпеливые не ожидая Богослужения сходя в Церковь и поставив свечу напиваются до обеда ... После обеда молодежь – девицы и холостяги в приятную погоду собираются на нарочитое место, называемое игрище, и начинают петь и плясать. Песни поют по-русски и слаженно, – ничего не понимая. Пляшут по песням и гармонии. Прочих музыкальных орудий нет». «Кроме Праздников молодежь в каждой деревне в Воскресенье собирается в одно место: здесь поют песни, играют шином, столбом, мячком и вертятся.

⁶ НА РК. Ф. 25. Оп. 2. № 4/65. Л. 51 [Рапорт от 15 сентября 1853 г.].

⁷ Рукопись основана на древних актах и народных преданиях. Они рассказывают о заселении края выходцами с Чудозера, о войне со шведами в начале XVIII века, о «панах» литовских и их кладах. Приводятся документы об основании церкви и прихода, о числе жителей и их пашен в XVIII веке, о появлении староверов и их самосожжении и др.

⁸ Архив РГО. Р. 25. Оп. 1. № 4, 22, 34. Принадлежность рукописи без подписи А. Петропавловскому подтверждает тот факт, что в ответ на «репорт» священника Преосвященный Аркадий предлагает ему дополнить данные по Янгозерскому погосту материалами по погостам Гимольскому и Семчезерскому: «Священники сих мест, надеюсь, окажут вам доброе содействие в собирании сведений» (см. сноску № 6).

Зимой почти в каждый вечер ходят на беседу в одну избу, а большую часть в ригачу: где поют песни и пляшут. Пожилые мужчины играют в рюхи, мячком и в карты-дураки. Женщины посещают ближних и знакомых. — Дети играют: в рюхи, в лодышки, мячком, имушкой, шильцом, в деньги, волкушком, оленем... При споре [в игре] кидают рукавицу. Если рукавица, брошенная на имя подозрительного или виноватаго, падает пальцом: то оправдывает его. А если падет затылком: то осуждает. Причем предварительно говорят: Рукавица, рукавица! Скажи Божью правду».

А. Петропавловский приводит примерный годовой расчет жизненных средств на крестьянина с семьей (жена и двое детей) и хозяйством (1 лошадь, 3 коровы, 4 овцы). Среди этих сведений немало любопытных данных. На две мужские души крестьянин каждый год высевает в поле 2 маленки ржи и 8 маленок ярового хлеба, оставив две маленки под пар. *Малёнка* весит 1 пуд 3 фунта. В лес, на подсеку, высевают 2 маленки. За год семья крестьянина из четырех человек потребляет своего хлеба 100 маленок + прикупает 2 маленки или 3 куля муки, расходуя каждую неделю примерно 2 ½ маленки. Репы за год выращивают до 100 кошелей, в кошель входит пуд и более. Репа — первое кушанье, замечает автор, она заменяет все овощи. Корова стоит 7 ½ рубля, жеребенок — 5 рублей, овца — 1 ½ рубля, трое дровней — 3 рубля. Лодка делается на 10 лет и стоит 5 рублей серебром. Податей и повинностей государственных за две души крестьянин платит 16 рублей серебром. Праздничное годовое угощение стоит 3 рубля, на церковь и причт тратится за год 1 рубль, на щегольство — 8 рублей. Свадьба крестьянину обходится в 10 рублей, похороны — 1 рубль, крестины — 30 копеек серебром.

По требованию Олонецкого духовного начальства священник в 1850-е годы усердно собирал сведения о раскольниках. Среди 26 сообщений в РГО примеров есть общеизвестные, такие как неприязнь к табаку, отдельная посуда или строгие ограничения в пост: «если узнают, что в чашке их был табак, то чашку разбивают. Если кто из православных напьется с чашки раскольника, то чашка оскверняется и должна быть брошена». Бороды и усы раскольники не стригут: «а верховище на голове стригут, оставляя виски». В понедельник не едят скоромного. Есть «*скором*» в пост хотя бы один день — величайший грех, «неумолимый». Священник описывает, как в воскресенье в избе староверы первым делом кадят образа и крест свой ладаном, а потому каждый из них имеет *кадельницу*. Они строго наблюдают, чтобы никто не умер без ладана, говоря: «...надобно караулить, чтобы без ладану не умер».

Однако среди заметок о раскольниках есть очень интересные. Поминовение по усопшим совершают следующим образом: «нанесут на кладбище пирогов, которые полагают на верхнюю часть могилы, а

сами хвоиною пашут по могиле приговаривая: „Упокой Господи душу рабы (имрек)”. Всякое дело, тем более важное, начинают «обварачиваясь по солнцу». О происхождении сект даниловской и филипповской рассказывают следующее: «Данила и Филипп были праведные мужья. Живя между собою согласно, раз поспорили. Данила говорил: надобно Бога молить за Православнаго Царя; а Филипп сказал: не надобно. – Не согласуясь в этом между собою они разделились: а потому произошли одни Даниловцы, другие Филипповцы». Молятся староверы всегда с *листочками* или четками. И молятся так, чтобы «листочка была пройдена в каждый день. Когда пройдут листовку, тогда говорят: „... листовку прочел, довольно молиться”»⁹. По мнению священника, главными и необходимыми добродетелями раскольники считают: подаяние нищим, невозможность есть скоромное в понедельник, а рыбы во все постные дни, ношение староверческой одежды (у женщин – сарафан-*костыч*, рубашки с длинными рукавами, похожие на одежду монашескую). Нужно все время ходить с листовкою, в запасе держать свечи и ладан, в праздничные дни зажигать свечи перед иконою и кадить их ладаном.

Мы привели лишь малую часть этнографических сведений, сообщенных священником А. Петропавловским. Кто же такой Александр Петропавловский? Из какой он семьи? Как «взросли» его этнографические интересы? Какова судьба священника?

Александр Николаев Петропавловский родился в 1828 году в Вырозерском погосте Повенецкого уезда¹⁰. Отцом его был приходской пономарь Николай Феодоров Петропавловский, поступивший в штат в 1820 году из Водлозерско-Пречистенского погоста Пудожского уезда. Там служил дед – диакон Феодор Алексеев.

Об отце Александра Петропавловского мы имеем следующие сведения: он родился в 1804 году, окончил Каргопольское уездное училище, почти двадцать лет прослужил в Вырозере, затем в 1838 году был перемещен в Великогубский погост близ Кижей и рукоположен во диакона. Скорее всего, был Николай Феодоров человеком замечательным. Хотя звание носил почти всю жизнь скромное – диакон. В мае 1848 года Николай Феодоров Петропавловский стал наставником Великогубского сельского училища. Учительской должности остался верен до конца жизни. В 1871 году за обучение детей по должности сельского наставника был высочайше награжден орденом святой Анны 3-й степени. Получение такой высокой награды – большая редкость среди сельских учителей. В этом же году 67-летний Н. Ф. Петропавловский был рукоположен во священника к приписной Варваринской Яндомозерской

⁹ За подавшего гривну должны пройти 8 листовок (замечание на полях).

¹⁰ НА РК. Ф. 25. Оп. 22. № 61. Л. 365 (Метрические книги Петрозаводского и Повенецкого уездов за 1828 год).

церкви Великогубского прихода, но прослужил там недолго. В 1877 году он вышел в отставку на учительский пенсион (90 рублей в год) и уехал доживать свой век к младшему сыну священнику Стефану Петропавловскому в Кулгальский приход Пудожского уезда. Всего у Николая Феодорова и его жены Параскевы Петровой было трое детей: Александр, Александра, 1832 г. р., впоследствии вышедшая замуж за купца из города Ревеля, и Стефан, 1835 г. р. Стефан Петропавловский стал известным в Олонецкой губернии священником, благочинным, а также духовником для церковнослужителей.

В такой семье вырос Александр, будущий корреспондент Русского географического общества. Он женился на дочери пономаря из деревни Кузаранда Алексея Иванова Параскеве Алексеевой, родившейся в 1830 году. Александр Петропавловский служил сначала в Повенецком уезде (Янгозерский и Юштозерский приходы), потом в Петрозаводском уезде (Шуйский приход близ Петрозаводска). Умер рано, от холеры, ему было 38 лет¹¹. Похоронен на шуйском кладбище около церкви. После его смерти вдова Параскева Алексеева с одиннадцатилетней дочерью и трехлетним сыном уезжает к свекру в Великую Губу. Там она почти 25 лет служит просфирней, проживая при Великогубской церкви. Лишь когда ее сын Николай получил Леликовский приход близ Сенной Губы, она выехала в Леликово, где до самой смерти жила с его семьей.

Сын Александра Петропавловского Николай родился в Юштозерском погосте Повенецкого уезда 18 апреля 1863 года¹². В 1883 году окончил Олонецкую духовную семинарию. С 1883 по 1890 год был, как и дед, учителем Великогубского земского училища. Женился он на дочери толвуйского священника (к тому времени умершего) Василия Герасимова Соловьева Параскеве Васильевой в 1889 году¹³, а 5 августа 1890 года был рукоположен во священника к Леликовской Предтеченской церкви и определен законоучителем Леликовской церковно-приходской школы. Он прослужил в этой церкви без малого 30 лет. С началом Гражданской войны в 1918 году выехал с семьей в Киев к одной из старших дочерей. Во время Второй мировой войны его дочь Вера вместе с мужем и детьми была репатрирована в Германию, откуда после войны переехала в Америку. Внук Александра Федоровича – Святослав Поллак, профессор Калифорнийского университета, физик-атомщик, – ныне проживает в Лос-Анджелесе. В 2001 году он прислал в музей «Кижы» краткие воспоминания и семейные фотографии.

¹¹ Там же. № 248. Л. 615–616 (Метрическая книга Петрозаводского уезда за 1866 год).

¹² Там же. Оп. 25. № 73. Л. 699–700 (Метрическая книга записей о рождении, браке и смерти Повенецкого уезда за 1863 г.).

¹³ Там же. Оп. 22. № 396. Л. 427–428 (Метрическая книга Петрозаводского уезда за 1889 год).

* * *

Одним из многочисленных корреспондентов ИРГО был священник Пудожской градской Троицкой церкви Иоанн Васильев Георгиевский. В ответ на просьбу о содействии Географическому обществу 24 сентября 1853 года он написал владыке следующее: «... я по месту своего служения с полным удовлетворением по силе возможности употребить всевозможный труд к пользе Общества желаю и готов заняться сим предметом, сколько позволят мне мои силы»¹⁴. К моменту написания рукописи священнику Иоанну Георгиевскому было 50 лет, он уважаемый и известный в Пудоже человек, получавший неоднократные благодарности и награды за свою деятельность. С присущей ему основательностью и тщанием Иоанн Георгиевский начинает собирание сведений, интересующих общество, и через два года высылает в С.-Петербург 70-страничную тетрадь, названную «Этнографические сведения Олонецкой Губернии о Городе Пудоже с принадлежащими к Оному окрестными селениями»¹⁵. Вскоре в его послужном списке появляется письменная благодарность ИРГО: «в 1856 г. за доставленные в Императорское русское Географическое общество сведения объявлена ему от онаго искренняя признательность»¹⁶.

Рукопись отличает скрупулезность и серьезность исследования. Начинается она с рассказа об истории города Пудожа: «Город Пудож учрежден Императрицею Екатериною Великою в 1785-м году из большего тут селения. Название свое получил Оный по преданию старожилов от пудовой дуги издревле вытасенной сетями одного рыбака в одном небольшом озере, при коем существовавшие в то время жители дали название своему селению «Кондакова» от слова конда – пуд, а отсюда и самому городу усвоили наименование Пудога...» Автор характеризует местных жителей как русских, потомков новгородцев, и приводит небольшой словарь местных слов, «своих собственных дикопоселянам». Так, например, *базловать* – значит щеголять, *бачага* – это лужа, *бабка* – десятеричное число ржаных снопов, *бахилы* – кожаные сапоги, *божатка* – крестная мать. *Волок* – дорога, *вопить* – плакать, *загоска* – кукушка, *курева* – падение снега. *Казак* – работник, *лонский* – прошлогодний, *ляга* – скопление грязной воды, грязь. *Шишкун* – колдун, *корба* – дикое болото, *клить* – чулан возле избы. Очень интересны слова, раскрывающие оттенки человеческого облика и характера. *Выродок* – человек малого роста, а *долочня* – человек большого роста. *Гулень* – праздный, *гуня* – тихий человек. *Дрочень* – одинокий, *детина* – молодой, *жидомир* – скупой, *заброда* –

¹⁴ О поручении ключарю Антонию Нечаеву собрать... Л. 93.

¹⁵ Архив РГО. Ф. 25. Оп. 1, № 30.

¹⁶ Клировые ведомости по благочинию протоиерея Иоанна Звероловлева... Л. 6.

бродяжий, *избрюшник* – ненасытный, *муня* – неопрятный, *дюк* – праздничный, ленивый человек. *Отёк* – ленивый, *росказ* – болтливый, *роззия* – полоротый, *соньяра* – сонливый, *стороник* – упрямый человек и т. д.¹⁷

Вслед за рассказом о языке священник переходит к рассмотрению домашнего быта пудожан. Описав крестьянскую избу, подробно останавливается на одежде: «...особенно замечателен праздничный наряд девушек и вообще женщин. Первое достоинство в праздничном порядке для девицы составляет убранство головы, и вот в чем состоит оно: волосы девицы заплетываются на одну косу, которая обвивается шелковыми ленточками разного цвета, коих концы остаются в висячем положении на две и на три четверти; лоб девицы украшается по местному названию *поднизью*, низанною жемчугом, простирающею от одного уха до другого, а в широте на один вершок, по коей привешивается *подзор*, называемый *короною*; в уши вдеваются низанные также жемчугом серьги; иногда же вместо короны голова девицы подвязывается шелковою косынкою в виде простонародного названия *моды*, но только с тем различием, что коса остается не под косынкою, но в висячем положении. Стан девицы украшает штофный или парчевый сарафан, обшитый по подолу золотыми позументами, по сарафану развеваются концы длинного шелкового пояса. Поверх сарафана одевается штофная *душегрейка*, имеющая в окружности от 18 до 20 сборов, из-под которой выказываются коротенькие белокисейные рукава рубашки. Оконечности рук покрываются бумажными перчатками, а иногда эти перчатки бывают нанковые и простираются до самых локтей, и замечательно то, что в них нет перстов, вероятно, для того, чтобы можно было видеть на голых перстах перстни и кольца. Из-под сарафана выказываются ноги, обутые в портные беленькие чулки и сафьянные башмаки разного цвета. Тот же самый наряд принадлежит и замужним женщинам, с тем только различием, что на голове бывает бархатный *повойник*, называемый в простонародьи *цепцем*. Зимой этот наряд изменяется только тем, что вместо душегрейки, по сарафану одевается штофная или парчевая фальдистая шубка не длиннее колен; наряд этот есть общий – Горожанок и Поселянок. Но так как этот полный наряд по бедности здешних жителей не для всех доступен, то беднейшие из женщин составляют себе за необходимость обзавестись помянутым головным убором, и потому надобно сказать, что здесь последняя работница (казачиха) непременно имеет жемчужную поднизь, и если не богатую коронку, то по крайней мере в том же формате, штофную или бархатную ленту, называемую здесь *подберихою*»¹⁸.

¹⁷ Ударение здесь и далее обозначено жирным шрифтом.

¹⁸ Авторский знак – курсив – приведен в статье для удобства прочтения диалектных названий.

Далее 20 страниц рукописи посвящены описанию свадебного обряда пудожан. Замечательно, что священник приводит многочисленные тексты причетей, исполняемых невестой и вопленицей во время свадьбы. Следующий за свадьбой рассказ о праздниках украшают приведенные тексты пяти плясовых песен и десяти молодежных гаданий. Повествуя о занятиях жителей пудожских приходов, священник особое внимание уделяет описанию заготовки льна как дающей главную прибыль крестьянам. «Круглым числом выпаживается льна на семейство от 10-ти до 30-ти и более пудов, это, можно сказать, и есть главный источник денежных приобретений всех жителей здешнего края, и только при посредстве его и могут уплачивать казенные повинности. Запашкою льна занимаются мужчины, а выделкою его женщины. Надобно между прочим заметить, что в сем промысле преимущество в выделке льна всегда на стороне селений, окружающих Пудож, нежели в самом Пудоже. Лен высевается вместе с яровыми хлебами около половины мая, под борону, которою угляживается земля до большей плотности, так что едва знать бывает на полосе копыто лошади. Сряду по выходе его из земли женщины стараются очистить его от всех сорных трав или, как они говорят, „выполоть“. Затем в 1-х числах сентября, а когда и ранее, лен срывают с земли и, связав в снопы, отвозят к рекам и озерам – и для промочки погружают в воду, где и удерживают его от 2-х до 3-х недель, смотря по надобности. Чтобы узнать, вымок ли лен, берут для опыта, по местному названию «опыток», из мочища, пять льна и, просушив его, отделяют *костицу*; если вместе с костицею ломается и волокно, то это признак того, что лен еще не готов; есть ли же костица свободно отделится от волокна – то лен готов. В последнем случае, лен, вытащив из воды, расстилают на земле на неделю и более, чтобы его промыло росой и дождями, и вместе с тем, чтобы несколько обсохнул. Затем для окончательной обсушки сваживается в топлёные овины, где просушив его, отделяют от костицы. После сего лен идет уже в продажу. Продаваемым льном с Пудожского уезда снабжаются все уезды Олонецкой Губернии и сверх того значительное количество онаго отпускается в Архангельскую Губернию и в С.-Петербург. В зимнее же время женщины занимаются заготовкою холста тоже в большом количестве и хорошей доброты».

Иоанн Васильев Георгиевский – дьяческий сын – родился в 1805 году, обучался сначала в Каргопольском духовном уездном училище, возможно, вместе с отцом Александра Петропавловского, а потом в Новгородской духовной семинарии. В 1828 году он был рукоположен во священника Шальского погоста Пудожского уезда церкви Преображения Господня, а через год по прошению к Пудожской Троицкой церкви. У него было много обязанностей: член оспенного и тюремного комитетов, увещатель раскольников и т. п. В 1843 году Иоанн Георгиевский по собственному желанию был командирован во флот, где

находился на фрегате «Венус» в течение нескольких лет. Все священнические документы характеризуют его поведение как «очень хорошее». Жена Мария Васильевна была младше его на 4 года, «грамоте не учена». Сын Василий, 1836 г. р.¹⁹ По окончании Олонецкой духовной семинарии Василий Георгиевский в 1860 году был рукоположен во священника Каргопольского Христорожественного собора, а в 1862 году определен законоучителем в Каргопольское приходское градское училище и переведен в Предтеченский приход г. Каргополя к церкви Спаса Нерукотворного. Жена его Анастасия Антониева, 1842 г. р., «читать и писать умеет», малолетние дочери – Мария и Александра²⁰. Умер о. Иоанн Георгиевский в 1871 году и похоронен в Пудуже на михайловском кладбище²¹. Дальнейшая судьба его семьи неизвестна.

* * *

Посланные в 1850-е годы в ИРГО рукописи священников описывала с этнографической точки зрения практически все уезды Олонецкой губернии, кроме Каргопольского. Возможно, часть рукописей не дошла до Географического общества, но была опубликована в периодической печати²² либо «осела» в рукописных фондах музеев и библиотек. Среди таких примеров – рукопись священника Каргопольской градской Предтеченской церкви Иоанна Матфиева Ивановского 1860–1861 годы²³. Материал составлен из подробных ответов на вопросы Программы РГО и адресован благочинному г. Каргополя Христорожественного собора протоиерею Василию Яжелбицкому. В своем сообщении автор описывает наружность каргополов, их домашний быт, умственные и нравственные способности и образование, рассказывает о народных преданиях и памятниках, ремеслах и занятиях (земледелие, скотоводство, садоводство, пчеловодство, рыболовство, извозничество, бурлачество, сбор ягод и грибов и т. д.). Среди разнообразных этнографических материалов имеются очень интересные подробности о свадебных обычаях, народном веселье и праздничном костюме. Так описывает священник отец Иоанн Ивановский праздничное платье мужчин и замужних женщин: «Платье мужское в Городе у купцов и мещан праздничное синяго сукна и суконные или плисовые панталоны; зимою сверху оных тулуб на бараньем или на беличьем, или на лисьем меху, крытый сукном или нанкой, имеются также и енотовыя

¹⁹ НА РК. Ф. 25. Оп. 26. № 29. Л. 648 (Метрические книги Петрозаводского и Вытегорского уездов за 1836 г.).

²⁰ Там же. № 28/3 (Формулярные ведомости г. Каргополя и уездов Карг., Выт. и Пуд. 1863).

²¹ НА РК. Ф. 25. Оп. 26. № 78. Л. 104–105 (Метрическая книга Пудожского уезда за 1883 год).

²² Как, например: *Св. Александр Мегорский*. Свадебные обряды Пудожского уезда Ундозерского прихода // ОГВ. 1853. № 2.

²³ Рукописный отдел Каргопольского музея. КП № 10538.

шубы... У крестьян платье мужское праздничное, синий *кафтан* или *полукафтаны* и сверху оных старый *армяк* на распашке. Зимой вместо армяка тулупы бараньи, покрытые нанкой или сукном синим, панталоны, суконные, плисовые или пиковые, на головы шапки или фурашка... У женщин: ...парчевые, шелковые и ситцевыя сарафаны, коленкоровые или кумачные или ситцевыя русския рубашки, на шею платки или бамажные, или шелковые; напередники или фартуки длинные: коленкоровые и ситцевыя; на голове у женщин *здерихи*, которые попереди делаются в виде конского копыта, на верх которых окручивается *сорока* или из какой-либо материи, или из белаго кружева, или *кокошника*, вынизанные жемчугом или бусами; а у девиц *перевяски* из широких гасов, золотых, полузолотых мишурных; в косу, распущенную сзади, сплетается или привязывается широкая долгая лента шелковая; сверху оных здерих или перевязок надевается большой плат или шелковый, или бумажный, на ногах башмаки. Ситцевый сарафан называется ситцевик, штофный сарафан – штофник, парчевый – парчевник. Зимой сверх сего платья надеваются шубы или ватные, или меховыя, крытыя синим сукном или нанкою. У женщин прежде бывали да иные есть хотя редко *сукманы*, сделанные из домашнего сукна, окрашенного в красную краску, вывариваемую из матурнаго коренья, они шьются так же, как и сарафаны». В дальнейшем, рассказывая о современных особенностях общественного быта, автор добавляет: «Кокошники вместо жемчугу ныне вышиваются бусом, впрочем, кокошники и здерихи вовсе вывелись в городе, а носят оные одни только крестьянская женщины; повязки на голове носят также одни только деревенские девушки, а городовые носят гребенки»²⁴.

Описывая праздники, священник замечает: «Праздники в городе в приходе главный Иванов день 24-го июня, а в деревнях Иоанну Златоусту и Фролов день, впрочем, о праздниках особенностей никаких не бывает. В городе веселятся: ходят друг к другу в гости на обеды, вечера и ужины и угощаются кофею, чаем, винами и приятным десертом, играют господа и купцы в карты, а кавалеры и дамы танцуют под орган; а мещане с девицами играют...» Среди молодежных игр, названных автором («в соседи», «по трое», «в веревочку», «городом»), рассказывается и об игре «ковром», исполняемой чаще на свадьбах: «...сперва мушина берет девицу и ходит по комнате приплясывая, а девицы и молодцы поют песню: *девушки пива наварили, зелена вина накурили; за ковром послали* и прочее, песня кончается, *кого я люблю, того я возьму, за собой поведу*; и ходившая девица берет молодца, какого хочет, и ведет за собою, и песня опять поется снова; и таким образом наберется пар десять и 15-ть, и когда в одной комнате не помещаются, то переходят в другую и третью комнату; а

²⁴ Рукописный отдел Каргопольского музея. КП № 10538. С. 7–8, 68–69.

если в доме кругом комнаты, то ходят по всем комнатам кругом, поют ту же песню и пляшут»²⁵. Рассказывая о заветах, которые делают крестьяне, священник упоминает часовню Ивана Волосатого, славящуюся своим действием: «Для купанья в означенной часовне приходят люди издалека, даже и зимою, почитая воды из источника целебными. В нынешнюю зиму в конце февраля приходила женщина с Кленова верст за 60-т и отслужила в нашей Предтечинской церкви молебен Иоанну Предтечи, а потом отправилась в означенную часовню Ивана Волосатого окупаться, сказывая, что был такой завет полужен»²⁶.

Священник Иоанн Матфиев Ивановский, автор цитируемой рукописи, сын пономаря Ухотского прихода Вытегорского уезда Матфея Ивановского, родился в 1816 году. После окончания Олонецкой духовной семинарии 25 декабря 1839 года был рукоположен во священника города Каргополя к церкви Рождества Иоанна Предтечи. Поначалу священническая судьба его складывается успешно. С 1846 по 1862 год он одновременно с церковным служением был увещателем подсудимых в Каргопольском уездном суде, в 1853–1855 годах – временным присутствующим в Каргопольском духовном правлении. Пять лет – с 1857 по 1862 год – прослужил законоучителем Каргопольского градского приходского училища. В 1862 году его увольняют от священнической должности г. Каргополя и отправляют в Лепшинский приход Каргопольского уезда. На момент написания рукописи он вдов, имеет двух сыновей – Александра и Илию, обучающихся в Каргопольском духовном уездном училище. Его мать, вдова пономаря Матфея Ивановского, живет в семье брата – дьячка Ухотского прихода Вытегорского уезда Василия Матфиева Ивановского.

Из значительного числа корреспондентов Императорского Русского географического общества мы выбрали трех священников, служивших в середине XIX века в Повенецком, Пудожском и Каргопольском уездах Олонецкой губернии. Это было время существования традиционного крестьянского уклада, еще не испытавшего на себе сильного влияния столичной культуры. Священники сумели запечатлеть тот момент, ярко, с обилием деталей, обрисовав повседневную и праздничную жизнь крестьян и мещан, занятых крестьянским трудом. Сбор материалов, предпринятый ими по требованию епархии и не осознаваемый как некая научная деятельность, привел к созданию богатейшего фонда этнографических материалов, который будет полностью проанализирован и по достоинству оценен, видимо, исследователями XXI века как замечательный вклад духовенства в российскую этнографическую науку.

²⁵ Там же. С. 48.

²⁶ Там же. С. 32. В Каргополе до сих пор сохранился источник Ивана Волосатого.

Б. А. Гуцин

КИЖИ ВО ВРЕМЯ ОККУПАЦИИ (1941–1944 гг.)

В истории Кижей период оккупации во время Великой Отечественной войны до сих пор в значительной мере является белым пятном, хотя история войны на территории Карелии освещена, казалось бы, довольно подробно в монографиях, сборниках документов и воспоминаниях. Исследователи не касались или только вскользь упоминают причины достаточно большого количества провалов разведывательных групп, особенно в начальный период оккупации; специфику работы бывших колхозников на своих же рабочих местах (в том числе многих председателей колхозов и бригадиров); отдельных деталей жизни советских людей при оккупационном режиме. Эти умолчания связаны в основном с тем, что многие особенности жизни людей в оккупации не вписывались в черно-белую схему официальной советской исторической науки, предлагавшей исключительно два варианта поведения в оккупации: героизм или трусость и предательство, хотя на деле именно эти крайности встречались достаточно редко. Люди просто старались выжить в тяжелейших условиях оккупационного режима.

Попытка осмысления событий Великой Отечественной войны делает ся мною исключительно на документах Карельского государственного архива новейшей истории (далее – КГАНИ). Использовались документы из следующих фондов: ф. 8 ЦК КП КФССР, ф. 29 Заонежский райком ВКП(б)-КПСС, ф. 213 Штаб партизанского движения, ф. 2730 Подпольные партизанские организации КФ ЦК КП(б); ф. 5002 Партийный архив Карельского обкома КПСС; ф. 5425 Институт истории партии при Карельском обкоме КПСС (Филиал ИМЭЛ при ЦК КПСС).

Большинство документов, использованных мной в статье, не публиковались, а если отдельные фрагменты и публиковались, то в несколько ином контексте. Кроме упоминаемых тем, автор затрагивает исключительно важную для музея «Кижы» проблему персонификации захороненных в братской могиле на о. Кижы разведчиков, погибших в 1943 г. в районе о. Кижы (группа Х. Фахрутдинова).

Оккупационный режим и условия жизни при оккупации

Заонежье было занято оккупантами в ноябре 1941 г. Несмотря на большую подготовительную работу по эвакуации людей и ценностей (в октябре

1941 г. из Кижей, Великой Губы и Сенной Губы было отправлено несколько рейсов лихтеров по 1500 человек на каждом¹), в оккупации осталось: по одним данным 12000 человек², по другим, более поздним, – 15000³. Разница, очевидно, связана с тем, что зимой 1942/43 г. финны создали в глубине Заонежья концентрационную зону в районе Космозера, Ламбасручья, Вегоруксы и Липовиц. Кроме того, в районе оказались эвакуированные жители Кондопожского, Прионежского и других районов, успевших дойти на восток только до Заонежья, где их и застала оккупация⁴. Для сравнения отметим, что в Олонецком районе оставалось 3000 человек не эвакуированного населения, а в Сегозерском – всего 1400.

К середине 1943 г. местные районы в Заонежье стали такими: Шунгский Великогубский, Великонивский, Толвуйский, Яндомозерский, Кузарандский, Сенногубский. Применительно к территории бывших сельсоветов создавались волости. В каждой волости назначался комендант, начальник земельного отдела, начальник снабжения. В распоряжении коменданта находилась рота полицейских. Местные коменданты ведали регистрацией населения, выдачей документов, реквизицией продовольствия, скота, фуража и т. д., т. е. комендант руководил всей хозяйственной, административной и военной жизнью на своем участке. На местах, в деревнях и поселках, коменданты осуществляли свою власть через старост, которые себе в помощь назначали на 1 месяц десятских. Старосты чаще всего назначались комендантами. Но в некоторых случаях для создания видимости демократии, по согласованию с комендантом, старосты избирались на общем собрании. В круг обязанностей старосты входило:

1. Учет населения.
2. Регистрация вновь прибывших и сообщение о них коменданту или полицейским.
3. Учет продовольствия, скота, фуража и использование его по указанию коменданта.
4. Обеспечение выполнения повинностей населением.
5. Назначение на работы по указанию военных властей.
6. Поддержание в населенном пункте порядка, установленного властями.
7. Назначение десятских⁵.

Старосты выдвигались комендантом часто из председателей колхозов или бригадиров, не успевших эвакуироваться. Зимой 1941/42 г. старостами в деревнях окрестностей острова Кижы стали⁶:

¹ КГАНИ. Ф. 29. Оп. 1. Д. 316. Л. 1–3.

² Там же. Ф. 27.

³ Там же. Д. 3. Л. 38.

⁴ Там же. Ф. 213. Оп. 1. Д. 403. Л. 9.

⁵ Там же. Ф. 2730. Оп. 1. Д. 1. Л. 21–23.

⁶ Далее цитируется фрагмент списка из справки от 21. 05. 1942 г., подписанной наркомом ВД КФССР М. Баскаковым. КГАНИ. Ф. 2730. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

1. Сенная Губа – Амосов Федор Степанович.
2. Боярщина – Тестенников Егор Григорьевич. Он работал старшиной и объединял всех старост кижских деревень.
3. Воробьи – Балагурин Яков Осипович, бывший член ВКП(б).
4. Сычи – Балагурин Филипп Осипович, бывший член ВКП(б).
5. Липовицы – Судьин Федор Михайлович. С 1942 года – Аксенов Т. И.
6. Кургеницы – Хайдин Петр Данилович, бывший председатель колхоза «1-е Мая».
7. Волкостров – Юдин Михаил Иванович, бывший председатель колхоза.
8. Падозеро – Кобецкий Федор Васильевич, бывший председатель колхоза им. Сталина.
9. Середка и Потаневщина – Дьяков Михаил Ильич.
10. Оятевщина – Костин Андрей Архипович.
11. Вертилово – Лупин Михаил, бывший председатель колхоза «Новый путь».
12. Жарниково – Серов Егор Осипович.
13. Ямка – Ржанский Василий Иванович.

Кроме перечисленных, старостой 11 деревень являлся Костин Дмитрий Федорович, бывший член ВКП(б).

Старосты чаще всего не получали никакого вознаграждения. Большинство из них, по разным причинам оказавшись в оккупации, занимались откровенным выживанием, всеми силами стараясь особо не подличать и не унижаться перед оккупантами. Некоторые старосты до оккупации работали председателями колхозов, которые финны переименовали чисто терминологически. Колхоз стал называться «общее хозяйство», а совхоз – «государственное хозяйство». Не успевшие эвакуироваться председатели и бригадиры были оставлены на своих местах⁷.

Политика оккупантов в отношении русских районов Карелии была более жесткой, чем в районах с карельским и вепским населением, а в прифронтовой полосе, куда входили и Кижы, еще более ужесточенной. В самом начале оккупации у населения был отобран скот и сельхозинвентарь. Урожай отбирался полностью, а взамен выдавался скудный двухнедельный паек. В Кижской и Великогубской волостях летом 1943 г. финны выдавали населению по 200 г овса на день, а с 1 сентября 1943 г. стали выдавать по 150 г хлеба. Солдаты бесконечно ходили из дома в дом и забирали излишки продовольствия. Передвижение населения из одного пункта в другой было ограничено. В каждом отдельном случае по усмотрению старосты полицией выдавался пропуск. После 20 часов всякое движение прекращалось. После удачного рейда партизанской бригады (командир Тиден, комиссар Аристов) в январе 1942 г., когда несколько дней Большой Клименецкий остров был в руках партизан, почти все население

⁷ КГАНИ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 403. Л. 41.

из деревень, расположенных на побережье Онежского озера, было перемещено в петрозаводские концлагеря или на Заонежский полуостров. Имущество у переселенных конфисковывалось, а скот забивался. В результате этой акции от местного населения была очищена огромная прибрежная полоса шириной 10–15 км.

Личные земельные участки у колхозников были отобраны, колхозные посевные площади в 1942–1943 гг. были засеяны. На полях сеяли яровую пшеницу и ячмень под руководством финского агронома. За малейшие пререкания агроном мог подвергнуть недовольных телесным наказаниям⁸. Весь урожай зерновых и картофеля изымался для финской армии. Лошади и крупный рогатый скот у населения был изъят и находился на «общественных дворах». От личных коров разрешалось брать себе $\frac{1}{4}$ молока. Свой скот финны разрешили населению выкупать летом 1943 г. по решению старост⁹.

Осенью 1942 и 1943 г. уборке урожая финны придавали огромное значение. Для этой цели были привезены из петрозаводских концлагерей № 3 и 6 около 200 человек в возрасте 14 лет и старше. Лагерники работали под наблюдением 20 солдат. Жили они в д. Леликово. Рабочий день длился 10 часов. За пределы деревни их не отпускали. В 6 утра проверяли по списку. За малейшее уклонение от работы следовало наказание розгами. Финский руководитель работ лично применял телесные наказания даже в отношении женщин и детей. Лагерникам выдавали по 300 г. хлеба и 1 раз в день суп с рыбой или с кониной. Летом 1942 г. в Леликове перед уборочной заболело 50 человек. Семеро из них похоронены на леликовском и кижском кладбищах¹⁰. Урожай отправлялся на баржах в Петрозаводск. Руководство сельхозработами производилось волостными земельными отделами, которые возглавлялись тройками: комендант волости, начальник земельного отдела и начальник снабжения. Без этой тройки, население не могло решать ни одной проблемы. За малейшую провинность – порка резиновым жгутом. Право наказывать было дано каждому солдату¹¹. Летом 1942 г., по словам коменданта Великогубского района Роома, было издано распоряжение властей о том, что русское население Заонежья после уборки урожая будет эвакуировано в глубь Финляндии, а Заонежский район должен быть заселен финнами и карелами из Финляндии, изъявившими желание здесь жить. Весной 1943 г. был намечен промер земли. Все новые жители должны были стать фермерами и получить особые льготы¹². А бывшие колхозники, которые собирались сеять для себя, должны были до 1 января 1943 г. подать заявку на получение земли под посевы. Землю предоставляли в обязательном порядке, но ее нужно

⁸ Там же. Д. 1. Л. 39.

⁹ Там же. Д. 403. Л. 9–10.

¹⁰ Там же. Д. 27. Л. 35.

¹¹ Там же. Л. 39.

¹² Там же. Л. 43.

было покупать по 2000 финских марок за гектар. Также покупался скот – корова по 500–600 марок, лошадь по 1200 марок. Таких денег не было почти ни у кого¹³.

Лесную промышленность на оккупированной территории прибрало к рукам акционерное общество «ВАКО», у которого в местечке Пески вблизи д. Липовицы была лесобиржа. На ней работали жители этой деревни, в том числе и кижане, переселенные туда с острова зимой 1942 г. На бирже платили по 10 марок в день и выдавали по 8 кг хлеба в месяц. Кроме того, иногда привозили свежую рыбу, которую давали населению бесплатно. Рабочий день продолжался 12–14 часов. Всего там работало 120 рабочих¹⁴. Кроме лесопиления фирма «ВАКО» принимала у местного населения ивовую кору по 1 марке за 1 кг. От этой же фирмы были организованы рыболовецкие бригады из жителей д. Липовицы, Вигово, Сычи. Рыба шла для солдат и, частично, для рабочих лесопункта¹⁵.

Некоторые заонежане работали на заготовке дров, которые увозили в Петрозаводск. В Песках дрова заготавливали 18 человек. В день зарабатывали по 5–10 марок и 300 г хлеба. За малейшее недовольство наказывали розгами. Финским десятником был выпорот Петр Сергеев (р. 1924) из д. Липовицы только за то, что сказал: «Работать заставляют, а хлеба мало дают»¹⁶.

Все вопросы, связанные с торговлей, решало тоже «ВАКО». В Великой Губе был открыт магазин. Долгое время там ничего не было, кроме посуды, отобранной у населения. Цены на товары были такие: хлеб 5 марок за 1 кг, соль 15 марок, спички 1 марка за коробок, финские ножи от 80 до 100 марок за штуку, сигареты 12,5 марки за пачку. Масло, крупа, чай появились лишь через много месяцев после начала оккупации. Продукты продавались только работающим¹⁷.

В 1943 г. норма хлеба для работающих на лесных работах была 500 г. в день, на сельхозработах – 300 г, для детей и стариков – 250 г. Иногда, нерегулярно, выдавали 400 г сахара и 300 г масла. В 1943 г. магазины «ВАКО» кроме Великой Губы были в Вегоруксе, Ламбасручье, Черкасах и Бережной. На ежемесячный выкуп продовольствия требовалось 108 марок¹⁸. Если же их не было, то получающий продовольствие объявлялся должником и мог быть отправлен в лагерь. Так, летом 1943 г. из Толвуи в Медвежьегорск была направлена баржа с такими должниками, которые отправлялись бесплатно работать в лагере и содержаться на лагерной норме¹⁹. Общество «ВАКО» наряду с торговлей в основном собирало и

¹³ КГАНИ. Ф. 2730. Оп. 1. Д. 117. Л. 6.

¹⁴ Там же. Д. 145. Л. 3.

¹⁵ Там же. Д. 27. Л. 6.

¹⁶ Там же. Л. 36.

¹⁷ Там же. Л. 215.

¹⁸ Там же. Д. 145. Л. 25.

¹⁹ Там же. Л. 13.

переправляло в Финляндию продовольственные и фуражные ресурсы, реквизируемые у населения²⁰.

Во время оккупации вновь были открыты церкви в Кижях и Конде, где церковными старостами были Н. И. Машнин и Е. Ф. Серов²¹. Службу иногда вел русский православный священник на русском языке.

Одной из интересных страниц периода войны является охрана памятников культуры оккупационными властями. За все время оккупации финнами не было разрушено ни одного памятника. Инвентаризацией памятников культуры в оккупированном Заонежье занимался впоследствии видный финский ученый, автор книги «Церковная деревянная архитектура Заонежья» Ларс Петтерссон. Им были составлены обмерные чертежи и сделаны фотографии многих церквей и часовен.

В ноябре 1941 г. большой опасности были подвергнуты кижские церкви. Пилоту бомбардировщика Лаусу-Дей Сакселю был дан приказ совершить бомбометание на Кижский ансамбль, где по предположению финской разведки была база Красной Армии. Облетев Кижы и увидев с воздуха, что у церквей на снегу нет следов, летчик не стал их бомбить и вернулся на базу²².

Русских школ во время оккупации в Заонежье не было. Да и учиться было некому – почти все дети школьного возраста были забраны в лагерь. Наибольшее количество населения во время войны проживало в Великой Губе²³. А в Кижском сельсовете, по словам В. И. Ржанского, оставалось только несколько человек²⁴. К концу 1942 г. в деревнях Сенногубского сельсовета было всего 13 человек: 12 женщин, работавших в госпитале и швейной мастерской, и один мужчина – М. И. Дьяков, который сначала был старостой в д. Середка, а когда всех жителей забрали в лагерь, остался разнорабочим²⁵.

Подпольщики, разведчики и партизаны в районе острова Кижы

С момента оккупации Заонежья ЦК КП(б) КФССР начал создавать подпольные райкомы партии. Секретарем Заонежского райкома стал Г. В. Бородкин, бывший до войны председателем Кестеньского райисполкома. Вторым секретарем стал Т. А. Куйвонен, а секретарем райкома ЛКСМ – Д. Х. Дудкова. В эту группу входила единственная шунгская комсомолка, оставшаяся в оккупации, А. И. Вархоева²⁶. В июле 1942 г. в

²⁰ Там же. Д. 117. Л. 7.

²¹ Там же. Д. 3. Л. 30.

²² Sergelius N. Sillä kertaa lentäjä ei houdattanut käskyä // Carelia. 1999. № 1. (Перепечатка из шведской газеты «Hufvudstabladet») 20. 09. 1998; Гуцина В. А., Гуцин Б. А. Рука не поднялась на красоту // Альманах «Чело». № 2. Новгород, 2001. Гуцина В. А. Бомбы для Кижей // Север. 2001. № 3.

²³ КГАНИ. Ф. 2730. Оп. 1. Д. 3. Л. 30.

²⁴ Там же. Д. 27. Л. 21.

²⁵ Там же. Л. 13–14.

²⁶ Там же. Д. 3. Л. 65.

Заонежье была послана и известная разведчица Анастасия Звездина, согласно списку от 29.06.42, подписанному Ю. В. Андроповым²⁷. Подпольщики должны были организовать выход подпольной районной газеты «Заонежская правда» и листовок²⁸. Несмотря на сложность с явочной квартирой, разведгруппа была заброшена на оккупированную территорию в августе 1942 г.,²⁹ довольно-таки быстро обнаружена финнами и поэтому уже в октябре 1942 г. перебралась на советскую территорию. В этой группе подпольщиков были и разведчики: А. М. Орлов, радист Русаков (Петров) и связной ЦК, «заонежский ходок», разведчик С. Е. Гайдин, неоднократно бывавший в оккупированном Заонежье и добывший, на мой взгляд, наиболее ценные разведданные (судя по его отчетам)³⁰. Группа парторботников и разведчиков довольно много встречалась с людьми, оказавшимися в оккупации, и почти всегда (за редким исключением, которым оказался староста д. Зубово А. И. Обывков, который после встречи с разведчиками донес на них в полицию) ощущала поддержку населения. Обычно сначала местное население проверяли разведчики, а уже потом в контакт с ним вступали парторботники. В Липовицах разведчикам оказали помощь А. И. Максимова, В. И. и А. В. Ржанские. Там же разведчиками были завербованы Надежда Андреевна Максимова (р. 1918) и Александр Васильевич Ржанский (р. 1923), позже схваченные финнами³¹. Александр Ржанский даже согласился сжечь штаб полицейского управления в Великой Губе. Позже задание было отменено³².

В Липовицах появились листовки и сводки Совинформбюро, написанные от руки. Их распространяли Надежда Максимова и Мария Рябова³³. Осенью 1942 г. финны произвели аресты среди жителей Липовиц. Первой была арестована Надежда Максимова. На допросах она призналась в том, что встречалась с разведчиками. После этого были арестованы Петр Максимов с сыном Василием, Мария Рябова, Павел Юрьев с женой и две семьи из д. Вигово. Ржанские были взяты позже. Финнам стало известно, что Александр организовал подпольный кружок, участники которого ставили перед собой задачу: с появлением партизан влиться в их отряд и уйти на советскую сторону³⁴. Александр Ржанский был расстрелян. Его отец был отправлен в концлагерь. Эти провалы вынудили подпольщиков уйти в тыл.

В 1943 г. в Липовицах и Песках уже не было ни одного местного жителя. Осенью 1943 г. в Заонежье была заброшена другая партийно-комсо-

²⁷ КГАНИ. Ф. 2730. Оп. 1. Д. 4. Л. 21.

²⁸ Там же. Д. 2. Л. 4.

²⁹ Там же. Л. 20, 29.

³⁰ Там же. Оп. 1. Д. 27. Л. 4.

³¹ Там же. Л. 37.

³² Там же. Л. 41.

³³ Там же. Д. 215. Л. 28.

³⁴ Там же. Д. 145. Л. 7.

мольская группа, в которую входили Т. А. Куйвонен, 1-й секретарь Заонежского РК ВКП(б); А. М. Краснов, 2-й секретарь райкома, уроженец д. Кузаранда; М. В. Федорова, секретарь РК ВЛКСМ, уроженка д. Узкие Космозерского с/с; А. С. Прокопьева, радистка, Ермилкин Николай Александрович, до этого десантирования один из самых удачливых разведчиков в Заонежье. Группа Т. А. Куйвонена была обнаружена финнами в момент десантирования, вступила в бой с оккупантами и погибла³⁵. Из разведчиков, действовавших в пределах Кижского сельсовета (и не только) кроме Н. А. Ермилкина («Ершов») следует вспомнить Ивана Александровича Сидорова («Северный»), Михаила Игнатьевича Зубова («Зверев») и самого знаменитого разведчика Карельского фронта Алексея Михайловича Орлова («Яков»). Успешные операции партизан по захвату Большого Клименецкого острова в январе 1942 г. и разгрому гарнизонов противника в Линдоме, Крестовой Губе и Тамбицкаяке стали возможными только благодаря этим разведчикам. Они указали пути подхода к гарнизонам, минуя минные поля; расположение огневых точек противника, складов и охраны³⁶.

Партизанские отряды, базирующиеся на пудожском берегу, начали свою активную деятельность уже в ноябре-декабре 1941 г. Одной из первых удачных операций был захват Большого Клименецкого острова в январе 1942 г. Эта операция планировалась в связи с предполагавшимся наступлением Красной Армии на Медвежьегорском направлении для оттягивания сил противника. 9 января 1942 г. в составе шести отрядов общей сложностью 631 человек партизаны приступили к операции. Необходимо было преодолеть расстояние по Онежскому озеру от 30 до 50 км, скрытно подойти к гарнизонам и внезапно атаковать их. Несмотря на глубокий снег и 30-градусный мороз, при встречном ветре, отряды вышли к гарнизонам своевременно и внезапно атаковали противника в Воев-Наволоке, Конде, Клименицах, Сенной Губе и Кургеницах. Партизаны после короткого, но жаркого боя овладели большей частью Клименецкого острова и удерживали его в течение двух суток. В связи с отменой наступления на Медвежьегорском направлении командование вынуждено было отдать приказ об отходе партизан в тыл.

После успешной партизанской операции на Большом Клименецком острове в январе 1942 г. финны значительно укрепили его восточное побережье. Были построены блиндажи, дзоты, заминировано побережье и подступы к гарнизонам, сделаны проволочные заграждения и светоракетная сигнализация. На вооружении появились артиллерия и минометы. Побережье и замерзшее озеро усиленно патрулировались авиацией, аэросанями и лыжниками-автоматчиками. Были установлены мощные прожекторные установки, освещавшие лед Онежского озера в ночное время³⁷. Летом 1942 г. финский гарнизон в районе острова Кижы был расположен в следующих местах:

³⁵ Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 328. Л. 21.

³⁶ Там же. Ф. 213. Оп. 1. Д. 173. Л. 45.

³⁷ Там же. Д. 3. Л. 2.

- В Клименицах находилось около 100 человек. Из них в поселке проживало 50 человек, с западной стороны мыса в палатках жило также 50 человек. На Клименецком маяке был наблюдательный пункт. В Клименицах имелось одно орудие.
- В деревне Конда постоянно было расквартировано от 25 до 50 солдат, вооруженных пулеметами, минометами, автоматами и винтовками.
- В деревне Воев-Наволоок было такое же количество солдат.
- В Кургеницах был расквартирован гарнизон от 150 до 200 человек.
- В Волкострове находился отряд флотилии из 6 катеров и 25 человек экипажа.
- Около Гарницкого маяка на рейде стоял сторожевой катер, который курсировал до Сенной Губы и Кижей.
- В деревне Леликово находилось 20 солдат.

Все заставы были связаны между собой и штабом гарнизона в Сенной Губе телефонной связью³⁸.

Кроме того, финское командование, напуганное партизанами, срочно приступило к эвакуации населения с Большого Клименецкого острова и деревень окрестностей Кижских шхер³⁹. Населению разрешалось брать с собой только постельные принадлежности, необходимую одежду и продовольствие на две недели. Все остальное оставалось в руках финнов. В Петрозаводске было организовано 6 лагерей. Туда и повезли заонежан, в том числе и кижан. Везли через Онежское озеро в открытых грузовиках. По приезде, через несколько дней еду у всех прибывших отобрали и посадили на голодный паек, который включал в себя только 150 г муки на человека⁴⁰.

Несмотря на принятые финским командованием меры, партизаны постоянно беспокоили оккупантов. В апреле 1942 г. отряд им. В. И. Чапаева разгромил вражеский гарнизон в д. Конда⁴¹. 16 января 1943 г. два партизанских отряда им. Т. Антикайнена и В. Чапаева, две диверсионные группы Широкова и Артемьева под командованием В. М. Лопаткина разгромили гарнизон противника в районе д. Линдома. Противник потерял 143 человека убитыми. Было уничтожено или захвачено 6 пушек, 3 миномета, 4 станковых пулемета, 3 склада с артснарядами, 2 склада с продовольствием, склад схозпринадлежностями, 2 радиостанции, прожектор, 20 лошадей, не менее 130 автоматов, свыше 100 винтовок, 250 пар лыж. Партизаны потеряли 11 человек. Огромную роль в подготовке операции сыграл разведчик Н. А. Ермилкин⁴². А через 10 дней с пудожского берега в район Кижских шхер вышла спецгруппа «Овод» в составе А. М. Орлова, С. Д. Игодина и Г. А. Лихачева. Перед ними была поставлена задача

³⁸ КГАНИ. Ф. 2730. Оп. 1. Д. 27. Л. 27–28.

³⁹ Там же. Ф. 213. Оп. 1. Д. 620. Л. 19–20.

⁴⁰ Там же. Ф. 5425. Оп. 1. Д. 287. Л. 1.

⁴¹ Там же. Ф. 276. Оп. 1. Л. 55.

⁴² Там же. Ф. 213. Оп. 1. Д. 276. Л. 2–3.

совершить диверсию на лесобирже в Песках и захватить документы полиции, обслуживающей Кижскую волость. Через П. Ф. Дегтярева, рабочего лесобиржи, разведчики выяснили все детали о жизни финской администрации в Липовицах. Группа уничтожила всех представителей оккупационной администрации, оказавшихся в зоне, забрала все документы местной полиции, земельного отряда, финские марки и военные директивы⁴³. Не менее дерзкий налет на финскую администрацию в Ламбасручье был совершен отрядом «Мстители» под руководством А. М. Орлова и И. С. Новоселова в ночь с 15 на 16 октября 1943 г. В результате операции был убит управляющий Перанен, несколько человек из администрации и солдат. Партизаны забрали с собой документы, финские марки, ценности. В бою был убит командир И. С. Новоселов⁴⁴.

Я коснулся только наиболее ярких, на мой взгляд, моментов активного сопротивления оккупантам в пределах Кижского и частично Сенногубского сельсоветов. Успешные операции партизан и разведчиков были бы невозможны без поддержки местного населения, с которым разведчики проводили колоссальную пропагандистскую работу.

Группа Фахрутдинова

В конце лета 1946 г. житель д. Еглово А. С. Семенов на маленьком безымянном острове близ деревни обнаружил останки шести погибших воинов, которые затем перенесли на о. Кижы и предали земле. Так кто же похоронен на о. Кижы и каковы обстоятельства гибели этих людей? На основании изученных мною документов я предлагаю свои результаты по персонализации людей, захороненных в братской могиле⁴⁵.

4 февраля 1943 г. из местечка Марнаволок в Пудожском районе вышла диверсионная группа в составе 10 человек с заданием дойти до линии железной дороги, подорвать ее и по возможности уничтожить один из поездов. Группой руководил Хиззат Георгиевич (Гилясович) Фахрутдинов. 8 человек из группы перед этим обучались на учебном пункте в Беломорске. Два человека были переданы Фахрутдинову из партизанского отряда «За Родину!». Дойдя утром до о. Шуневский (в тексте он назван Шунгским), группа после краткого привала в девятом часу двинулась на о. Еглов. Так как впереди по направлению группы была слышна стрельба, то Х. Фахрутдинов принял решение, оказавшееся роковым: переждать на острове до вечера, а потом двинуться дальше. В 17 часов по лыжне группы пришли финны, около 25 человек. По ходу боя два человека – Ш. Мухамедзянов и И. Юркин – были убиты. Сам Х. Фахрутдинов и политрук

⁴³ Там же. Оп. 1. Д. 276. Л. 2–3.

⁴⁴ Там же. Д. 3. Л. 85.

⁴⁵ Там же. Д. 380. Л. 13–15 (Рапорт от 14. 02. 1943 начальника опергруппы партизанского движения при 32-й армии Аристовая); КГАНИ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 173. Л. 147 (Собственноручное показание бывшего переводчика отдела надзора при главной квартире финской армии в Заонежском районе Павлова от 29. 08. 1944).

Волченко были смертельно ранены. Фахрутдинов отдал приказ взорвать рацию и всем уцелевшим отходить. На поле боя остались четверо: Х. Г. Фахрутдинов, Ш. Мухамедзянов, И. И. Юркин, политрук Волченко. Уходили шестеро уцелевших бойцов. Первая группа: В. Т. Заплатин, Ф. Н. Никитин, В. С. Михайловский. Вторая группа: Г. И. Садковский, радист Токуев, С. Н. Еремеев (раненый). Первая группа прибыла на базу 6 февраля около 11 часов утра. Из второй группы пришел только Г. И. Садковский. Радист Токуев и С. Н. Еремеев пропали без вести. Исходя из этих данных, я делаю вывод, что в бою у д. Еглово были убиты и похоронены: Х. Г. Фахрутдинов, Ш. Мухамедзянов, И. И. Юркин, политрук Волченко. Можно предположить, что раненый С. И. Еремеев и радист Токуев были взяты финнами в плен и после допроса расстреляны в Еглове, где и были похоронены. Исходя из показаний переводчика Павлова о том, что на Волкострове допрашивали трех человек из группы Фахрутдинова, один из которых был татарин, можно предположить, что этим татарин был Ш. Мухамедзянов или сам Х. Фахрутдинов. Так что, по моему предположению, в братской могиле на о. Кижы похоронены:

1. Фахрутдинов Хиззат Георгиевич (1917–1943).
2. Юркин Иван Иванович (1924–1943).
3. Мухамедзянов Шарипьян (1924–1943).
4. Еремеев Сергей Николаевич (1924–1943).
5. Волченко, политрук (.... – 1943).
6. Токуев, радист (.... – 1943).

* * *

В 20-х числах июля 1944 г. части 32-й армии под командованием генерал-лейтенанта Ф. Ф. Гореленко освободили Медвежьегорск и повели наступление на запад и юго-запад. Финские войска заблаговременно без боев эвакуировались из Заонежья. Сразу отметим, что с начала и до конца оккупации в районе Кижских шхер не было значительных боев, могущих причинить большой материальный ущерб, но тем не менее военная обстановка и оккупационный режим никак не способствовали процветанию края⁴⁶. Погибло большое количество людей, причем не только на фронте,

⁴⁶ Статистические данные свидетельствуют, что в результате оккупации материальный ущерб в Заонежье составил: жилые здания – 233365 м³, надворные постройки – 112752 м³ (обратим внимание на то, что указывается не площадь, а объем, в результате чего цифры увеличиваются); скот: лошади – 3, коровы – 1396, молодец – 337, свиньи – 121, овцы и козы – 1628, птица – 415, пчелы – 14 семей. Сельхозпродукты: зерно – 91961 ц, мука – 87,9 ц, картофель и овощи – 2058,86 ц, прочие продукты – 386,1 ц. По колхозам Кижского сельсовета ущерб составил: «Северная искра» (Мальково) – 1308,5 тыс. руб.; им. Куйбышева (Ямка) – 852,8 тыс. руб.; «Красная заря» (Телятниково) – 853,9 тыс. руб.; «Память Кирова» (Пустой Берег) – 879,9 тыс. руб.; «Новое поле» (Боярщина) – 591,6 тыс. руб.; «2-я пятилетка» (Середка) – 433,8 тыс. руб.; «1-е Мая» (Кургеницы) – 1585 тыс. руб.; им. Калинина (Воробы) – 693,2 тыс. руб.; «Пробуждение» (Липовицы) – 451,8 тыс. руб. (КГАНИ. Ф. 29. Оп. 1. Д. 328. Л. 21).

но и от голода и болезней в концлагерях, куда силой было загнано большинство жителей Заонежья, оказавшихся в оккупации. Если учесть значительные масштабы репрессий в Заонежье в 1930-е гг., то наряду с оккупацией эти два фактора, на мой взгляд, являются главными для понимания того, почему Заонежье так и не воспряло после Великой Отечественной войны, хотя бы на уровне начала 1930-х гг.

Приложение 1

**Воспоминания малолетних узников финского концлагеря № 5
в Петрозаводске 1941–1944 годов Вилена Ивановича Мишина
и Александры Александровны Мишиной**

В. И. : Нас у матери было трое. Я самый старший. Одной сестре было три года, другая только родилась. Папа в армии. Куда нам бежать? Когда финны пришли, нас они из Вознесенья вывезли в Петрозаводск в ноябре 1941 года. Снегу еще не было, а морозы уже сильные стояли.

В Петрозаводск привезли на площадь Ленина к Парку пионеров, где двухэтажные дома: меня, двух сестер, маму, дедушку и бабушку. Они на барже ходили, дедушка шкипером, а бабушка помощником шкипера. А перед оккупацией они пришли в Вознесенье. Их и взяли вместе с нами. Дедушку в Петрозаводске куда-то забрали и от нас отделили. Мы сначала жили в одном из домов недалеко от Парка пионеров. Лагеря не были построены еще. А потом нас перевели в 3-й лагерь на улице Льва Толстого, от железнодорожной линии вниз. Дома были обнесены колючей проволокой.

Дедушку к нам привезли только в январе 1942 года. Он недолго пожил, быстро умер. А мама умерла 2 августа 1942 года. Сестры умерли, еще дедушка был жив. Я остался вдвоем с бабушкой.

Как мама умерла, бабушка сходила и попросила, чтобы нас перевели в 4-й лагерь, где кинотеатр «Сампо», станция Голиковка. Там у мамы сестра была. Нас туда и перевели. Но жили мы там недолго. Нас направили в 5-й лагерь. Это там, где сейчас Пятый поселок. До войны он назывался Новый железнодорожный поселок, а уж после финского лагеря так и остался Пятым поселком. Нас туда привезли осенью 1942 года. На лошадях везли через ямку и площадь Ленина.

Мы жили в 33-м бараке. Теперь этих бараков нет. В бараке было 13 комнат. Нас в комнате размером примерно 20 квадратных метров было четыре семьи. Мы с бабушкой и тетя, одна женщина с сыном и свекровью, еще одна женщина и еще одна. Туалет был на улице через дорогу. Воду приносили из большого бака на улице.

Взрослые ходили на работу под конвоем. Детей на работу не гоняли. В лагере были в основном женщины, старики и дети. Мужчины были в лагере между Виллагорой и Кутижмой. Продукты давали один раз в месяц.

А. А. : Готовили баланду, мука с водой да соль. Иногда хвост гнилой селетки давали. Потом уже стали кормить хорошо благодаря Красному Кресту. Это уже в 1943 году. Маннергейм тогда же, летом 1943 года, приехал. В лагере было восемь тысяч людей, осталось четыре тысячи. Умерли в основном в первый год.

В. И. : Маннергейм приехал летом 1943 года на старый вокзал. Машин очень много подъехало. А в лагерь они прошли вдвоем по главной нашей улице Профсоюзной. Заходил он в мастерскую, где женщины корзины плели, пояса ткали. В мастерской он поздоровался с девочками, которым было лет по 16: «Здравствуйте, дети солнца». Мне об этом сами девочки рассказывали. А с нами он не разговаривал.

А. А. : Был он высокого роста, плечистый, красивый мужчина. Одной руки, наверное, нет. Она в перчатке была. Народу за ним очень много ходило. И мы в том числе. Никто не разгонял.

После этого стали давать галеты, сыр, вкусный такой, в деревянных коробочках, муку. Мы ватрушки стали печь. Всего стало хватать. От голода и холода умирать уже перестали. Кто в лагере родился, тем молоко давали. Вообще, кто из детей был посильнее, те и выжили.

В. И. : Нам финны разрешили играть в лагере, но только, чтобы после себя никакой грязи не было. Чтобы вся грязь была убрана. Играли в лапту, чижика, зубарики. А утром все дети знали свое дело. Брели метлы, лопаты и начинали убирать территорию. У нас всегда было очень чисто. Мы, дети, занимались уборкой всегда с удовольствием. Надо ведь было что-то делать. Просто так финны нас никогда не обижали. Но если под ключочую проволоку сбежишь в город и тебя поймают, то розги и в будку (карцер).

А. А. : У меня брат (р. 1930) с сестрой (р. 1928) часто под проволоку ходили. Просили хлеба в городе.

В. И. : Я сам тоже ходил, просил. Отбой был в 9 часов. Если к 9 кто-то не явился, поймают – и розги. На улицу весь лагерь выведут – провинившегося на скамейку и 25 розог. Кто-то вынесет, а кто-то и нет. Умирает. Шлангом били. Штаны не снимали. Наказанные в будке сидят. Утром староста приходит и спрашивает, кто за что сидит. И назначает от 10 до 25 розог.

Один парень по кличке Ляпа как-то, провинившись, наложил себе в штаны кожи, а палач Вейкко, когда начал пороть (15 розог), почувствовал, что там что-то подложено, и заставил снять штаны. Когда кожа была обнаружена, начальник лагеря приказал дать ему 50 розог. Недели три он лежал после этого.

У нас в лагере финны сделали «дивизию» из пацанов восьми лет и старше. К 8 часам утра мы должны были приходиться в свои «полки». Особенно ничего такого не делали, в основном занимались строевой подготовкой с 8 до 12 часов. Занятия проводил старичок из лагерников. Изредка нашу «дивизию» построют и проверяют, кто как ходит. По Профсоюз-

ной улице маршем ходили. А потом соберут нашу «дивизию» и под конвоем на Сулажгору драть новую кору. Такая дивизия только в 5-м лагере была. Больше такого не было.

А. А. : Вокруг лагеря были вышки, стояли вооруженные охранники. Сестре 14 лет было. Она как-то под проволоку лезла. Это заметил охранник и выстрелил. Бабушка потом эти дробины у нее из ноги выковыривала. В баню гоняли целыми бараками: мужчины, женщины, дети. Один таз воды давали. Что хочешь с ним, то и делай. А белье – в жарилку. У кого вшей найдут, того крест-накрест выстригут и во «Вшивый городок». Это, где сейчас школа милиции, на улице Щорса. У меня волосы длинные были, косы толстые. Мама мне их керосином мыла, а потом водой с мылом. Когда выгоняли в баню, то в нашем бараке жгли серу. Иногда целую неделю. А мы в другом бараке. В бараках на полу не разрешали держать ни половиков, ни дорожек, чистота была. Финны платочком проверяли. Проведут белым платочком, и чтобы ни пылинки не было.

Школа у нас была зимой 1943/44 года на Щорса. Преподавала Раутио, жена Виктора Адамовича Раутио, переводчика. Школа была до трех классов. Большинство из нас было в первом классе. Одна учительница всем преподавала русский язык и закон Божий. Церковь была в 34-м бараке, служил старичок из лагеря. Со стороны никого не брали.

В. И. : Все знают о том, что в Петрозаводске было шесть лагерей. Но был и 7-й. О нем мало кто знает. Двухэтажный дом буквой «П» на Перевалке. Секретный. Там в основном были приговоренные к смерти. В лагерьх было много молодых замужних женщин, которые убежали и пытались перейти линию фронта. Их ловили – и в этот лагерь. А мужчин молодого возраста было очень мало в лагере. Почти не было.

Для меня самые страшные воспоминания о войне не лагерь, а обстрелы Вознесенья, когда стреляют и финны, и немцы, и наши. Особенно страшно, когда наши. Вдруг да в нас попадут.

А освободили нас как? Утром проснулись – финнов уже нет. Накануне староста барака предупредил: «На улицу не выходите. Будет стрельба». Финны ушли ночью, около 4 часов утра. За собой взорвали линию и водокачку. Кусок лестницы от водокачки залетел на барак. Когда они ушли, наши катера подошли вечером в тот же день. Одна женщина из нашего барака из окна выставила красный флаг. Так что сразу было видно, что здесь свои. Мы увидели наши катера, когда они еще были у Ивановских островов. Увидели и побежали встречать. Встретили и с моряками шли до площади Ленина, где был митинг.

(Записано автором в Петрозаводске 18 января 2002 г.)

Из личного архива

Воспоминания жительницы Медвежьегорского района Александры Михайловны Ворониной, уроженки деревни Сенная Губа, 1915 года рождения, об Оленеостровских разработках*, оккупации Заонежья и жизни в финском концлагере

До 1935 года я работала в колхозе, а потом вышла замуж за Василия Владимировича Воронина (р. 1904) и переехала на Оленьи. Сперва, правда, в Воробьи переехали, где жил свекор. Корова да нетель была. Корова отелилась, две коровы стало. Бабка корову доила, хлеб пекла. А я жила здесь до осени 1935 года, а муж с Оленьих ходил домой. Это километров шесть, наверное. Каждую ночь приходил.

А осенью переехали на Оленьи. Корову нам свекор дал. Муж работал бурщиком, а потом мастером-взрывником. В 1935 году я родила мальчика. Четыре с половиной месяца жил и помер. Родимец был. Муж очень любил детей. Говорил, что пятеро-шестеро должно быть. «Ребят нет, так какая жизнь?»

В Оленьих я сперва работала на разных (работах. – *Б. Г.*). До меня выпиливали за смену по шесть кубометров дров. А мы стали выпиливать по 20 кубов за смену, а потом даже по 45 кубов. Муж был мастером. Говорил, что не буду записывать: столько невозможно. Невозможно так работать. А Ульмер (он до сих пор жив, в Кургеницы летом приезжает) говорил, что не силой надо работать, а ловкостью. Он может подтвердить.

Финнов было много. Они все работали рабочими, мастерами не работали. Работали очень хорошо. Нормы и заработки ежедневно выводили. Женщины-финки были такими же стахановками, как и я. А в праздники нам почет и уважение: бесплатно нас угощали. Когда началась война, то финны, которые остались, говорили, что под финнами не оставайтесь: у них очень жесткая политика.

Перед войной жили неплохо. Корова была, две козы, поросенка держали. Колбасу свою делали. Хорошо жили. Но вот... Работала все. Двоих детей похоронила. В ясли принесешь, а их там так оденут... Простужаются дети. В 1941 году в сентябре эвакуация. Хлеб на дорогу давали. Я хлеб-то получила, а 14 сентября и родила Галю. Никуда и не поехала. Семей десяток осталось. Никуда не поехали. Приехал татонька (свекор) и говорит: «Поедем в Воробьи». А мужика-то моего еще 4 августа взяли в армию. До этого косить не разрешали, а тут разрешили косить. Я еще сена корове успела накосить, а через месяц родила. Мебель, которая была, свекор тоже в Воробьи перевез: стол красного дерева; шкаф платяной, по заказу сделанный, письменный стол, кровать с пружинным матрасом. Мы работали на скотном с Ольгой Конашковой доярками. Финны хотели нас

* История Оленеостровских известковых разработок у автора посвящена специальная статья, опубликованная в шестом выпуске «Кижского вестника».

здесь и оставить. Землю стали делить, бывшую колхозную. Свекор пришел с собрания и говорит: «Я земли много отхватил». А я ему и говорю, что землю-то надо обрабатывать, а кто у нас ее обрабатывать-то будет.

Свекор, когда сдал лошадь в колхоз, то и работал в колхозе с лошадьми. Всегда свою берег. Если кому давал, то всегда говорил: «Вы, ребята, осторожно, особенно на поворотах, ноги ей не сбейте».

Коня обратно свекор со скотного привел. Хотелось единолично пожить. Да и коров привел. Тогда 30 финнов жили у Трофимовых, а 30 – где-то на Оленьих. Каждый день баню топят, голые по льду катаются. Время от времени они менялись: те туда, эти оттуда. Про наших коров финны сказали: «Они ваши? Ваши. Вот и держите их у себя».

Мы с Ольгой как-то носили воду на скотный, смотрим, финны бегут, кто как, кто на дровнях, а на дровнях печка топится. Сами, как сумасшедшие, в Великую гонят, маскхалаты не застегнуты. Оказывается, наши пришли в Сенную, а финны оттуда удрали. А если бы наши тогда не пришли, то и нас бы в лагерь не отправили.

Наши пришли. Попьянствовали в Сенной да и ушли. А нас собрались в лагерь отправлять. Мы узлы уже собираем, тут приходят два финна, лялякают. Один и говорит: «Воронина это ты, что ли?» «Я». Оказывается, Тойвола в Оленьих с нами работал. Дети, жена были. А тогда, еще даже никого не эвакуировали, а финнов всех с Оленьих вывезли. «А ты можешь остаться с коровами?» – «Одна не останусь. Только если татоньку оставите» – «Оставим. Сено возить будет». Ушли, а в деревне им сказали, что как она будет ходить к коровам, у нее ведь ребенок маленький. Снова финны приходят и говорят: «Вы не можете ходить за коровами, так как у вас ребенок маленький. Может быть, вас в Сенную портничой?» А как я до этого за коровами ходила? Оставили. И меня, и свекра. Ходили за коровами. И все равно. Начали эвакуировать. Коров приказали сдать всех в Сенную. Сперва колхозных, потом своих. Свекор поехал, корову к дровням привязал, а козы в ящике в дровнях. Корова мычит, козы кричат. Как люди. И вот в одно прекрасное время: «Справляйтесь. Повезем вас».

Привезли в Лонгасы. И там оставили. Три недели там жили. Думали, там и проживем. У Мясниковой жили. Ольхина Варуша, пятеро детей, тоже с нами на Оленьих работала. Дед их пойдет в Сенную, принесет коровью голову, разделает, и все едим. Лошадей пригнали с Великой. Скоро Пасха. Баню натопили. Думали, тут и останемся. А нас вот на дровни и в Петрозаводск. Вещей почти что никаких не разрешили. И швейную машинку, и все-все оставили. На лошадях нас привезли в Клименицы. На лошадях только узлы клали, а мы пешком шли до Климениц. Пришли машины из города. Щели во льду были, так доски на лед клали. Апрель месяц. Валенки новые были, так до голенищ воды. Машин десять было. Галя военный на руки взял. Я испугалась. До Петрозаводска ехали: я с Галей на одной машине, узлы на другой, свекор на третьей.

Подъехали к одному лагерю. Нас не принимают. Места нет. Разгрузили у штаба на Олонецкой улице и в лагерь № 7. Варуша начала ругаться, так ее финн плеткой по заду огрел.

Лагерь № 7 на Перевалке, улица Фурманова. Пожили в седьмом, потом нас в № 6 на Чапаева перевели. В квартиру трехкомнатную. 12 человек жило. Маленькие дети. Работали не все. Кто работал, тому паек давали больше. Нерабочих назначали полы мыть или вагоны разгружать. Норму хлебную давали мукой или галетами.

Свекор вместо меня ходил вагоны разгружать. С ребенком все равно кто-то должен оставаться. Хлеб давали чаще мукой, иногда прямо чистые отруби, а иногда белая мука, чистая пыль. Свекор сказал: «Не ходи куда, пеки хлеб, а я вместо тебя». Я пекла хлеб типа французских булочек. Булочка одна на двоих. Да эту половинку еще надо разделить на три части, на три раза в день. «Татонька, давай еще по кусочку». – «Режь для себя – у тебя ребенок, а мне хватит».

В 1942 году финны сказали, кто хочет рожь убирать, езжайте к себе домой на осень. Свекор и поехал. Как их в Кургеницах заперли, так он дома своего и не увидел. Привез немного ржи. По колоску собирал. Из дому сушику (сушеная рыба. – *Б. Г.*) немного было взято. Дед меленку кофейную маленькую нашел. Я на меленке намелю сушику да похлебку и сварю. Нам иной раз и колбасу давали. Говорят, что человеческие ногти и пальцы в них находили. Галя маленькая любила колбасу. Она ее и ела. За нормой Маруська Муратова к штабу ходила. С мужиками пойдет к штабу и принесет. А потом черпали муку. Последнюю уже ложкой черпают. А вместо гирь камни были. Вывешенные. Весы были. Сахар давали, рафинад. Напоследок, барахло какое было, стала выменивать. Гале – сахар, масло. У нее желудок больной был. Вот ей и надо было.

А свекор, когда на погрузку первый раз пошел вместо меня, пришел живой такой, удачно сходил, говорит. А потом второй раз пошел, а меня снова хлеб печь оставил. В тот раз он бревна на станции разгружал. Вечером в парилку надо, а он говорит, что живот болит, лежал уже все. «Вели, – говорит, – ребятам, которые одежду в жарилку возят, меня в больницу свезти». Его и свезли. Я к нему ходила. «Лучше, лучше, – говорит, – стало». У него оказывается грижа была, а он не сказал врачам об этом. А вскоре после этого приходит соседка и говорит, что свекор твой просит ему сушица сварить и принести. Только я собралась к нему идти, приходит женщина одна и говорит, что свекор умер. Прихожу. «Где дед?» – спрашиваю. «Убился, – говорят. «Как так? «А так. Пошел в туалет, пал, головой стукнулся, в сарае лежит». Мария Мореходова говорит: «Пойдем. Вымоем да оденем честь по чести». А на кладбище увозят только в похоронный день. Два дня в неделю похоронные были. Норму на него еще два дня давали. Я испекла немного да соседей помянуть пригласила. Последний год в лагере это уже был. Финны стали мягче. Наши крест

сделали. Оставили на могиле. А Галю ведь я все это время грудью кормила. А тут я ее отучать стала. Как она кричала!

Жили за колючей проволокой. Если куда-то выходить, то только по пропуску, который надо было выписывать. Гоняли нас в парилку. По несколько домов загоняли. Что было из вещей привезено, то все нужно было отдавать в жарилку. Потом они снова отдают. Только брать нужно сразу же, иначе потом не найдешь. В домах стали жечь серу для дезинфекции. Выгонят всех из дому в другой большой дом. Причем выгоняли ночью. Вповалку все лежат. Утром встанешь – «уходите домой». Домой придешь, дышать нечем. Тошнит.

Ночью квартиры не закрывались. Заходи в любую квартиру. Если у кого-то заперта, сразу сломают. Постоянно ходили с плеткой. Чуть что, сразу плеткой об пол. Я, как раздевалась на ночь, так сразу одежду рядом клала. Как только слышу финны идут, за секунду оденуть и встречаю финнов. А другие бабы, если не успеют одеться, на мороз в чем есть, и вокруг дома гонят, плеткой подгоняют. Не дай Бог, если вши у кого обнаружили. Приезжают, хоть и ночью. Все вещи в жарилку. Сперва проверяли, у кого вши или гниды. Сразу же стригли наголо. Некоторые долго ходили с волосами. И я тоже. А потом всех приказали наголо стричь. Галька, была такая, молодая, красивая была, кудрявая. Никак не хотела стричься наголо. Все равно остригли, как и всех. Заходишь в комнату. Финны по стенам сидят на лавках, а в середине комнаты табуретка. Голую тебя посадят и стригут наголо. А потом заставляют убрать все до единого волосика. Убираешь, наклоняешься, а они хохочут.

Мыло перед парилкой давали жидкое. Маленькое, в чем-то мягком, как кусочек сахара. И в парилку. А мы один раз перед этим с Ванькой, ему лет 13 было, свекра покойного вещи на вышку (чердак. – Б. Г.) спрятали.

«Ванюшка, помоги мне на вышке пол отворотить, да я одежду деда спрячу». Спрятали. Нас сразу в парилку после этого загнали. А туда раньше не зайдешь и раньше не выйдешь. Выдавали только один ковшик воды на все мытье и один ковшик после мытья. Мужчины и женщины все вместе мылись. Галя, когда болела у меня, я соседку просила взять мне с собой ее девочку, здоровую. Только я с ней выхожу из парилки, а мне говорят, что финны у вас на вышке столько вещей нашли и все выкидали. Из байны придете, кому-то плеткой достанется. Я думаю, что вот сейчас и получу плеткой. Иду с Галей, смотрю, все выкидано, а финн плеткой хлещет по одежде. Я подхожу, а он спрашивает: «Твое?» Я и говорю: «Мое. Свекор умер, я этого носить не могу. Мне это не надо. Можете себе взять». Отдельные слова я по-фински говорю, сама плачу, Галя на руках. А у него глаза на меня вывалены и говорит: «Матушка, спрячь обратно, я скажу, что дед помер, и это использоваться не будет». Самый злой финн был, а тут чего-то пожалел. Наверное, потому, что сама создалась. Мы с Ванькой все обратно выносили, и больше нас не трогали с вещами.

Мы жили на Фурманова, 15. Напротив нас у финнов землянки были. Девки к ним ходили в карты играть. Ванька как-то взял зеркальце да зайчиков им и навел в землянку. Финны испугались, что такое, выбежали и кулаками Ваньке грозить начали. Недалеко от нас вышка была, где патруль всегда ходил. Патрули всегда смотрели, как ребята в войну играли. Маленькие ребята вечером палок, камней наберут, а с той стороны карельские ребята придут. Вот и воюют друг с другом. Наши-то ребята за колючей проволокой, а карельские на воле. Как карельские ребята уйдут, наши кричат: «Ура, победа! Русские победили!» Если у кого родственники были карелы или финны, то их из лагеря выпускали. В городе они жили не за колючей проволокой. А так же работали, если не больше. Только это не за колючей проволокой. А тут как-то и патруля нет. Самолеты наши кружатся, а мы выбежали из домов, ума-то нет, и кричат многие: «Бомбите их, бомбите». А ведь и в нас попадет. А финны все взяли да и уехали на велосипедах. Тут мы и поняли, что вот теперь мы свободны.

Мы не голодовали в лагере. Хотя, конечно, еды было очень мало. Но мы всегда укладывались в норму, и я не сбивалась с нормы никогда. А многие получают норму и все сразу съедали. Они-то и гибли.

Где-то после лагеря муж приехал с войны. Он в городе поступил начальником пожарной охраны на Урицкого. Домик дали на Урицкого маленький, захудалый. А потом снова поехали на Оленьи. В 1946 году я родила Витю...

(Записано в деревне Воробьи в сентябре 2001 года.)

В. А. Гущина

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О РЕМОНТЕ ДЕРЕВЯННЫХ ЦЕРКВЕЙ МЕТОДОМ ПЕРЕБОРКИ

Для плотников прошлых столетий переборка церквей была явлением не слишком частым, но довольно обычным. Перебирались церкви сложных и упрощенных планово-объемных конструкций. В настоящей статье предлагается обзор некоторых сведений о ремонте деревянных церквей методом переборки, которые наглядно свидетельствуют, что этот способ издревле применялся плотниками.

Известна «Порядная запись плотников» на разборку и возведение вновь Троицкой церкви в селе Уна Архангельской области 1653 года. В ней сказано: «... розпятнати ... церковь с ысподи от земли и до верху..; и роспятнав тот храм сверху, роскласть весь до подошвы и те старые храмовые брёвна розносить по сторонам, и то церковное храмовое и олтаре место изровнять и храм новыми брёвнами по прежнему ж церковному окладу на то ж место обложить и под те окладные брёвна с ысподи подкласти крепкая слань для крепости, чтоб храм и олтаре в землю не осяжал, и на те окладные церковные брёвна срубить и сомшить новых шесть или семь рядов и с тех новых рядов повести вверх прежние храмовые старые роспятнанные стенные бревна и скласть и сомшить та церковь...», «... те гнилые и дряблые и безугольные все брёвна переменить и в теж место новые брёвна вставить...», «где будет згодитце старый лес, а где и в коих местах не згодитце и нам из нового лесу поделати и тот храм и олтаре скласть и сомшить и доспеть до 162 (1654) году летом совсем на отделку добро и стройно мастерски безоухльно, как водитце и как у того храму наперёд доспето было»¹. Заканчивается Порядок записи 1653 года просто: «К сей записи ... поп Иванов вместо плотников Елисея, Иосифа и Михайла по их велению руку приложил. 163 (1654) году октября 16 день по сей записи мы, церковные плотники Елисей, Иосиф и Михайло, оделав церковное зделье всё сполна...»²

¹ Мильчик М. И. Ремонты деревянных церквей в XVII в. по порядным записям // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 1989. С. 128–130.

² Там же. С. 130.

В последующем к переборке церковей подключились специалисты-архитекторы. Их мнение стало решающим для судеб многих памятников. Понятна озабоченность ученых выбором способов сохранения церковей, преодолевших к этому времени 200–300-летние рубежи своего существования. Подтверждением этому являются выдержки из протоколов «Известий Императорской археологической комиссии» за 1915 год. Согласно данным публикациям способ раскатки и переборки церковей у специалистов-архитекторов не вызывал сомнений.

Крупный исследователь деревянного зодчества Д. В. Милеев считал, что «... не желательно разрешать разборку церковей без исследования их». Е. А. Сабанеев выразил мнение, что «... при разборке церковей малого значения можно удовлетвориться чертежами». По мнению известного архитектора П. П. Покрышкина: «... исследование всех разрешаемых к разборке церковей было бы чрезвычайно желательно, но на это дело не найдется ни средств, ни исполнителей». Т. И. Котов считал что «...на компетентность в этом деле местных архитекторов нельзя рассчитывать»³.

Тем не менее древние деревянные церкви настойчиво требовали к себе внимания и нередко подвергались полной переборке с заменой подгнивших бревен новыми. Практика переборки церковей на Севере имела довольно значительное распространение. Рассмотрим это на конкретных примерах переборки древних церковей Карелии (Заонежье, Прионежье, Пудожский и Олонецкий районы), а также Вологодской, Архангельской, Ленинградской и Горьковской областей.

Карелия (Заонежье)

Церковь в деревне Яндомозеро во имя Великомученицы Варвары (1650 год) перебиралась в 1860 году в возрасте 210 лет⁴. После переборки стены церкви были поставлены «по-прежнему без конопатки»⁵ (рис. 1).

Кроме переборки на месте практиковалась также переборка церковей, колоколен и часовен с переносом на другое место.

Известно, что в Клименецком монастыре церковь во имя святого Николы, построенная в 1719 году, в 1848-м была перенесена на несколько сажен со своего прежнего места, а в 1877-м по разрешению епархиального начальства была перестроена вновь и установлена на каменный фундамент с известью⁶.

³ Известия Императорской археологической комиссии. СПб, 1915. Вып. 52. С. 64; КГКМ. Рукописный фонд. № 1654. Л. 36.

⁴ Архив ИИМК. Ф. 29. Ед. хр. 1391. Л. 2 (Романов К. К. Сведения о церквях Олонецкой епархии, построенных раньше XIX в.).

⁵ Известия Императорской археологической комиссии. СПб, 1915. Вып. 57. С. 167 (Вопросы реставрации. Вып. 15).

⁶ НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 79/38. Л. 24 (Клименецкий монастырь).

Рис. 1. Варваринская церковь. 1650. Деревня Яндомозеро. Медвежьегорский район КАССР (по проекту реставрации А. В. Ополовникова)

В Палеостровском монастыре деревянная церковь 1795 года также была перенесена со своего первоначального места на пять сажень⁷.

Известно, что деревянную колокольню, построенную в 1780-е годы в Толвуйском погосте, крестьянин Герман Афанасьев пожертвовал в Кузаранду, так как «в своем Толвуйском погосте собственным капиталом воздвигнул новую больше сей колокольню»⁸.

В Заонежье наряду с церквями и колокольнями перевозились также часовни («часовню в память церковного отца Василия из Великой Нивы в 1913 году перевезли в деревню Ботвинщина»)⁹.

⁷ Палеостровский монастырь // Известия Императорской археологической комиссии. СПб, 1915. С. 159.

⁸ ГИМ ОПИ. Фонд Барсова Е. В. № 450. Ед. хр. 696. Л. 138–139 (Кузаранда. Исторические сведения).

⁹ Пийройнен Э. В часовенной Карелии. Пер. с фин. 1984. Л. 16 (Рукопись хранится в библиотеке музея-заповедника «Киж»).

В 1912 году велась переписка с Духовной консисторией о переборке колокольни XVII — XVIII веков в Тихвинском приходе Повенецкого уезда с целью ее установки на каменном фундаменте, если подведение фундамента без разборки сруба будет невозможным¹⁰.

Карелия (Прионежье)

Разборка и перевозка древней церкви в память Василия Великого (1693 год) с острова на материк (в деревню Машозеро) в 1874 году была вызвана тем, «...что в осеннее и весеннее время переезд на остров был крайне неудобен, даже опасен при ветре, и богослужение поэтому не совершалось иногда по месяцам...»¹¹

Другая, Ильинская, церковь в Машозере, построенная по преданию в царствование Ивана Грозного, была «возобновлена в 1873 году по прежнему плану и фасаду петрозаводским первой гильдии купцом Евдокимом Пименовым»¹².

Карелия (Пудожский район)

В 1880 году в связи с аварийным состоянием Варваринской церкви (1605 год) в Челмужах было заведено дело о подготовке этой церкви к реставрации путем переборки сруба. Смета на ремонт церкви способом переборки была разработана инженером-технологом А. М. Гриневичем¹³.

Карелия (Олонецкий район)

В 1851 году священник Самсон Каргопольцев с прихожанами решили «переделать на теплую» древнюю Никольскую церковь (1620 год) в Туломозере, «перебрав ее всю на мох согласно прежнему плану и фасаду». То же предполагалось сделать и с колокольней¹⁴. Согласно разрешению епархиального начальства Никольская церковь была переделана из холодной в теплую, колокольня также была возобновлена. Под всю церковь был подведен фундамент из дикого камня, «с подружкой новых четырех венцов снизу и со вставкою в самих стенах вместо сгнивших новых бревен и храм поставлен в прежнем виде». Были перебраны полы с настилом их на новые балки, сделаны новый престол и жертвенник (в связи с ветхим состоянием прежних). Также был разобран иконостас¹⁵.

¹⁰ КГКМ. Рукописный фонд. № 1654. Л. 1.

¹¹ Машозеро. Древние храмы // ОГВ. 1903. № 126. С. 3.

¹² Романов К. К. Сведения о церквях Олонецкой епархии. Л. 2.

¹³ НА РК. Ф. 235. Оп. 1. № 72/1318. С. 51–53, 59 (Челмужи. Варваринская церковь. 1605 г. Дело о подготовке и реставрации путем переборки. 1912).

¹⁴ НА РК. Ф. 25. Оп. 5. Д. 4/106. Л. 5, 8, 13 (Об исправлениях в древней церкви в селе Туломозере Олонецкого уезда в 1851 г.).

¹⁵ КГКМ. Рукописный фонд. № 1652. Л. 78 (Об исправлениях в древней церкви в селе Туломозере Олонецкого района).

Древнюю церковь в Мегорском погосте разбирали «до церковной подошвы и окладной венец из нового леса рубили на старом церковном месте»¹⁶.

Вологодская область

Предшественница Преображенской церкви в Кижях 18-главая Покровская церковь (1708 год) в селе Анхимово была разобрана в 1793 году в связи с оседанием стен из-за отсутствия фундамента. После раскатки церковь была поставлена на каменный фундамент¹⁷. В 1963 году церковь сгорела, находясь в хорошем техническом состоянии (рис. 2¹⁸).

**Рис. 2. Покровская церковь. 1708. Село Анхимово.
Вытегорский район Вологодской области**

¹⁶ Чернякова И. А., Черняков О. А. Писцовые и переписные книги XVI–XVII веков как источник по истории деревянного зодчества Карелии // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 1988. С. 55–75.

¹⁷ Партанский С. Вытегорская Покровская церковь в Вытегорском погосте (Краткий очерк) // ОГВ. 1873. № 19. С. 212.

¹⁸ Здесь и далее иллюстрации воспроизводятся по изданию: Забелло С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. М., 1942.

В селе Ухтомское древняя деревянная Знаменская церковь (1742 год) в 1912 году была перенесена на новое место и поставлена на каменный фундамент, причем с церкви была удалена поздняя тесовая обшивка¹⁹ (рис. 3).

**Рис. 3. Знаменская церковь. 1742. Село Ухтомское.
Вашкинский район Вологодской области**

В 1890 году в 70 верстах от города Вытегры состоялось освящение церкви, перенесенной на материк с острова, расположенного на Ковском озере²⁰.

¹⁹ Забелло С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. С. 143. Рис. 325.

²⁰ ОГВ. 1890. № 75.

Архангельская область

В начале данной статьи упоминалось о переборке в 1653 году Троицкой церкви в селе Уна. Церковь существовала до 1848 года²¹.

Значительно позднее, в 1894 году, была разобрана, перенесена на другое место и вновь собрана Никольская церковь в селе Сура (1695 год) на реке Пинеге²² (рис. 4).

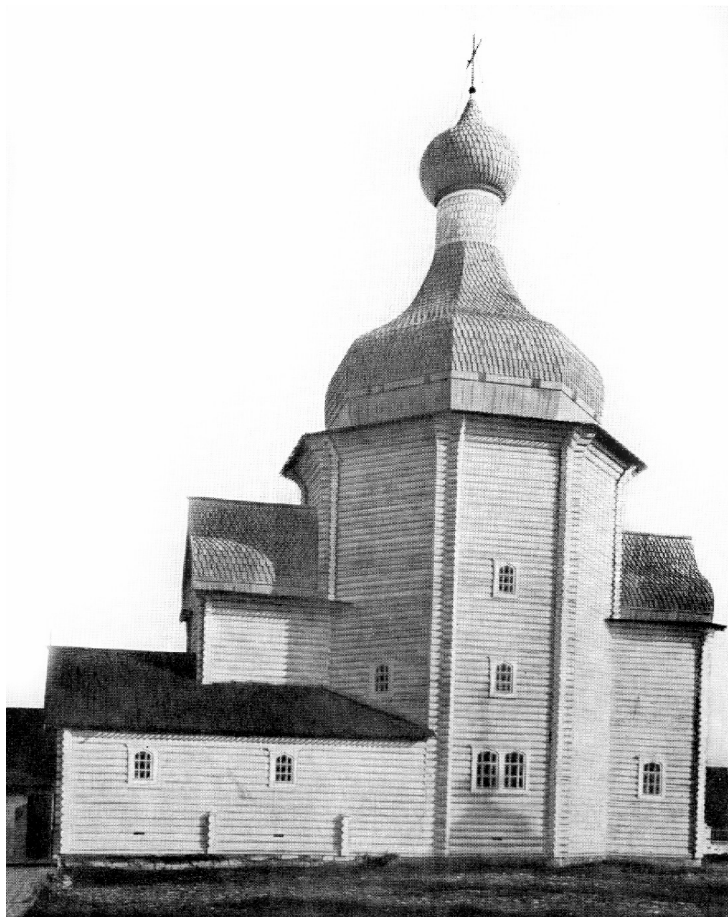

**Рис. 4. Никольская церковь. 1695. Село Сура (Сурское)
Вологодской области**

²¹ Мильчик М. И. Ремонты деревянных церквей в XVII в. С. 128–130.

²² Забелло С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. С. 128. Рис. 293.

В 1904 году архитектор А. А. Каретников перебрал Никольскую церковь (1687 год) в селе Зачачье, при этом он удалил «безобразившую церковь тесовую обшивку»²³ (рис. 5).

*Рис. 5. Никольская церковь. 1687. Село Зачачье.
Емецкий район Архангельской области*

В 1906 году Археологическая комиссия разрешила перенести подальше от берега Петропавловскую церковь (1698 год) в селе Пучуга в связи с тем, что ей угрожал подмыв водами Северной Двины. Сборка церкви на новом

²³ Забелло С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. С. 154–155. Рис. 348.

месте производилась по чертежам архитектора Д. В. Милеева, выполнившего ее обмер до разборки²⁴. Церковь сгорела после 1945 года (рис. 6).

**Рис. 6. Петропавловская церковь. 1698 (?). Село Пучуга.
Верхне-Тоемский район Архангельской области**

Богоявленская церковь (1756 год) в селе Орлово разбиралась поэтапно. Сначала в 1886 году разобрали трапезную, а в 1907-м предполагалась разборка самой церкви²⁵.

²⁴ Там же. С. 100–101. Рис. 224.

²⁵ Там же. С. 111.

В 1908 году архитектор А. А. Каретников перебрал с заменой подгнивших венцов новыми Никольскую церковь (1600 год) в селе Панилово²⁶ (рис. 7). Она была обмерена архитектором Д. В. Милеевым. Никольская церковь сгорела в 1940-х годах. Известно, что в Панилово были две церкви и обе они дважды переносились на другие места. После первого перенесения церкви были затоплены водой при разливе Северной Двины, после чего их построили на высоком безопасном месте²⁷.

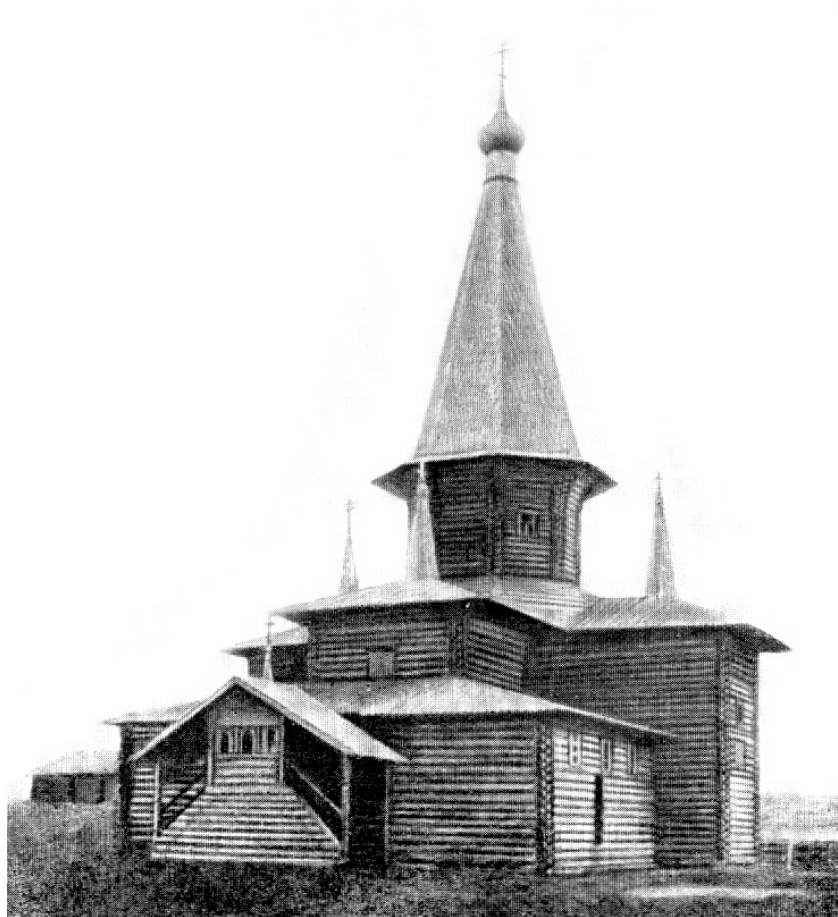

**Рис. 7. Никольская церковь. 1600. Село Панилово.
Холмогорский район Архангельской области**

²⁶ Забелло С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. С. 88–89. Рис. 192.

²⁷ КГКМ. Рукописный фонд. № 1655. Л. 59–61.

В 1908 году по чертежам архитектора Д. В. Милеева перебиралась с заменой подгнивших венцов новыми Богородицкая церковь XVII(?) века в селе Верховье²⁸ (рис. 8).

**Рис. 8. Богородицкая церковь. XVII(?) век. Село Верховье.
Архангельской области**

Дважды перебиралась Дмитриевская церковь (1784 год) в селе Верхняя Уфтюга. Первый раз в 1912 году по чертежам, выполненным в 1900-е годы архитекторами Д. В. Милеевым и К. К. Романовым. При

²⁸ Забелло С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. С. 96–97. Рис. 212.

этом церковь поставили на кирпичный фундамент²⁹ (рис. 9). В 1980-е годы церковь вновь перебиралась московским архитектором А. В. Поповым, удостоенным за выполнение реставрации церкви в Верхней Уфтьюге Государственной премии РСФСР.

*Рис. 9. Дмитриевская церковь. 1784 (?).
Село Верхняя Уфтьюга. Красноборский район Архангельской области*

²⁹ Забелло С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. С. 104. Рис. 236.

Ленинградская область

В 1910 году в селе Важины плотники подрядились разобрать колокольню, сделать каменный фундамент и на нем снова восстановить ее, используя старый сруб³⁰.

Горьковская область

Деревянная Воскресенская церковь (1652 год), имевшая сложную планировку («восьмерик с четырьмя прирубями», «о сорока углах») переносилась дважды. В 1911 году архитектор А. Н. Полтанов согласно разрешению Императорской археологической комиссии «принял надзор за работами по перенесению церкви в деревню Костылиху», расположенную в 8 км от села Водоватово (по преданию в с. Водоватово Воскресенская церковь была перевезена из г. Арзамаса). Перенесение церкви началось в августе 1914 года. Из-за войны 1914–1918 годов сборка и отделка церкви закончилась только в 1919 году³¹.

Все вышеприведенные примеры свидетельствуют о многовековом опыте ремонта наиболее ценных в историческом и художественном отношении древних деревянных церквей способом переборки. Полной переборке подвергались не только церкви, колокольни и часовни, но и крестьянские дома, бани, риги, мельницы (водяные и ветряные), кузницы и поклонные кресты, что делается и сейчас при перевозке памятников в музей под открытым небом.

³⁰ Андреева Л. В., Коляда М. И., Кондратьева Е. В. По Ленинградской области. Л., 1978. С. 73.

³¹ Агафонов С. К вопросу об открытых внутри шатрах в русском деревянном зодчестве // Архитектурное наследие. М., 1952. № 2. С. 187–192.

Е. И. Яскеляйнен

НАРОДНЫЙ КОСТЮМ РУССКИХ КЕМСКОГО ПОМОРЬЯ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в. В КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ «КИЖИ»

В настоящей работе делается попытка рассмотреть костюм русских жителей Поморья, населяющих берег Белого моря от с. Нюхча до г. Кеми, ныне входящего в состав Республики Карелия. В данном случае используется термин «Кемское Поморье», существовавший еще в середине XIX в. «Поморским берегом» или Поморьем называли «западную часть Онежского залива между двумя уездными городами [б. Архангельской. – Е. Я.] губернии: Онегой и Кемью. Дальние поморы, мезенские и терские, обыкновенно зовут этот берег Кемским [...] По м о р ц а м и, п о м о р а м и называли исключительно жителей Кемского берега»¹ [разрядка авт.].

Мы рассматриваем народный костюм как комплекс, в который входят одежда, головной убор, обувь и дополняющие костюм детали и украшения.

Следует отметить, что до настоящего времени не было издано специального труда по костюму Кемского Поморья. Среди имеющихся работ представлены лишь обрывочные сведения по интересующей нас теме. В 2000 г. вышел в свет каталог «Ткани и одежда Поморья»², представляющий коллекцию Соловецкого музея-заповедника. Издание описывает ткани и одежду поселений, находившихся на всем побережье Белого моря, в том числе и на Поморском берегу. В связи с этим введение в научный оборот материалов кижской музейной коллекции сделает представление о поморском костюме более полным.

Среди прочих изданий интересными для нас источниками конца XVIII – начала XX в. явились путевые очерки Н. Я. Озерецковского (экспедиция 1785 г.)³, К. Случевского (путешествия 1884–1885 гг.)⁴,

¹ См.: Максимов С. Год на Севере // Максимов С. В. Избранные произведения. М., 1987. Т. 1. С. 254.

² Ткани и одежда Поморья в собрании Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника: Каталог/Автор вступительной статьи и составитель каталога Г. А. Григорьева. Архангельск, 2000.

³ Интересным для нас является описание Даниловского староверческого монастыря: Озерецковский Н. Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск, 1989.

⁴ Случевский К. По Северу России. СПб, 1897. Т. II.

А. П. Энгельгардта (1895 г.)⁵, А. Г. Слезкинского (1897 г.)⁶. В 1859 г. вышла в свет двухтомная книга «Год на Севере» С. В. Максимова⁷, писателя, обследовавшего в 1856 г. побережье Белого моря. Это издание до сих пор уникально по богатству фактического материала. Русское географическое общество удостоило этот труд, описывающий жизнь и быт поморов в середине XIX в., золотой медали. Все перечисленные литературные источники XVIII – нач. XX в., в отношении описания костюмов, тем более их деталей, очень немногословны, но высказанные их авторами впечатления от знакомства с жителями Поморья, точное датирование записей, сопутствующие путевым очеркам рисунки, позволяющие нам рассмотреть одежду поморов, – все это дает возможность представить красочную картину поморских одеяний. «Наряжаться любят жены и дочери не только хозяев, но и простых работников – „покручников“, т. е. если верить рассказам, то почти все, что остается свободным от заработков, идет на одеяние. Яркость цветов действительно поразительна; как и во многих местах Севера, местный жемчуг [...] составляет одно из любимейших украшений; шелков и золотой ткани тоже очень много»⁸. «Из прибылей от всех этих сельдей, семги (...) женское население Сумского Посада снаряжает свои роскошные одеяния. Говорят, не редкость, что сумлянка к Рождеству изготовляет себе наряд в 300 рублей стоимостью, вышивать они великие мастерицы. В зиму, в долгую зиму, у них здесь в ходу беседы «рябишек» и «рябчиков», женихов и невест, и златотканые наряды имеют в них, конечно, свое воздействие»⁹, – так писал К. Случевский в 1880-х гг.

В 1908 г. было создано Архангельское общество изучения Русского Севера. В издаваемых им журналах («Известия АОИРС») представлены разнообразные этнографические материалы, в том числе и по интересующей нас теме. Подобные материалы продолжали появляться и в 1930-е гг. на страницах «Известий изучения Карелии» (например, очерки по Кемскому Поморью И. Дурова и Г. Цейтлина с краткими, но довольно яркими характеристиками женских ручных ремесел в Поморье – золотошвейного, кружевного и вышивального¹⁰; праздничного наряда девушек и парней на поморских вечеринках; поморских поверий, в т. ч. касающихся и народного костюма¹¹).

⁵ Энгельгардт А. П. Русский Север. СПб, 1897.

⁶ Слезкинский А. Г. Поездка на Мурман. СПб, 1898.

⁷ Максимов С. В. Год на Севере.

⁸ Случевский К. По Северу России. С. 29.

⁹ Там же. С. 161–162.

¹⁰ Дуров И. Очерки Кемского Поморья (из поездки по Белому морю в карбасе) // ИОИК. Петрозаводск, 1924. № 1, 2.

¹¹ Цейтлин Г. Свадьба в Поморье (очерк из быта поморов) // ИАОИРС. 1910. № 20. Он же. Знахарства и поверья в Поморье // Там же. 1912. № 1. С. 8–17; № 4. С. 156–164.

В этнографических очерках Т. А. Бернштам, посвященных русской народной культуре Поморья кон. XIX – нач. XX в., изучению одежды отводится отдельная глава¹². Автор стремился ввести поморский материал в виде дополнения к историко-этнографическому атласу «Русские», т. к. относил Поморье к одному из северных районов, который «систематически не обследовался ни в прошлом, ни в советское время»¹³. При столь широком охвате материала (всего побережья Белого моря) трудно выявляются некоторые особенности, присущие костюму именно Кемского Поморья. Естественно, что при этом исчезают подробности, относящиеся к деталям костюма, их местным названиям (не упоминаются, например, широко распространенные до сих пор местные названия: «мат`ерья», «шелк`овник», «пол`ушубки», «бус» и др.), не рассматриваются подробно традиционные способы одевания поморских головных уборов и т. п.

Прекрасными источниками для работы по изучению народного костюма служат фольклорные материалы, записанные в 1963–1965 гг. в северной части Карельского побережья Белого моря¹⁴. В монографии «Русская свадьба Карельского Поморья (в с. Колежма и Нюхча)»¹⁵ имеется большое количество сравнительного материала по традиционному костюму, бытовавшему в этих поморских селениях (что тем более важно, так как наши экспедиции не затронули эти села).

Главными же источниками для нашей работы послужили коллекция народного костюма музея-заповедника «Кижы» и полевые экспедиционные материалы, собранные автором в 1991, 1994, 1995 гг. в селениях Кемского Поморья: Сумском Посаде, Беломорске (быв. Сороче), Шуерецком, Вирме, Шижне, Лапино, Нюхче)¹⁶. Также использовались материалы, хранящиеся в фондах музеев г. Беломорска, с. Сумский Посад и Шуерецкое и фотоматериалы XIX – нач. XX в., из фондов Кижского музея-заповедника.

Кижская музейная коллекция поморского костюма насчитывает около сотни предметов. Среди них девичьи и женские головные уборы – косынки, платки, повойники; одежда – рубахи, сарафаны, кофты, передники, пальто, венгерка; женская и мужская обувь, а также кресты, пуговицы, запонки, броши, серьги. С этой группой предметов связаны моленные принадлежности поморских староверов, дополняющие их

¹² Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX – нач. XX в. Л., 1983. С. 42–64.

¹³ Там же. С. 4.

¹⁴ Русские народные песни Карельского Поморья / Сост.: А. П. Разумова, Т. А. Коски, Л. А. Митрофанова. Л., 1971.

¹⁵ Русская свадьба Карельского Поморья (в с. Колежме и Нюхче). Петрозаводск, 1980.

¹⁶ Экспедиции музея «Кижы»: март 1991 г.: Б. А. Гушин, В. В. Маслов, Е. И. Яскеляйнен – Беломорск, Шижня, Лапино; март 1994 г.: Р. Б. Калашникова, Е. И. Яскеляйнен – Беломорск, Сумский Посад, Шижня; март 1995 г.: Р. Б. Калашникова, Е. И. Яскеляйнен – Беломорск, Шуерецкое.; февр. 1994 г. – экспед. выезд в с. Деревянка – Р. Б. Калашникова, О. А. Набокова, Е. И. Яскеляйнен – информант из с. Нюхча. Полевые дневники хранятся в архиве автора.

костюм: староверческие четки («лестовка»), надеваемые на руку или перебираемые пальцами рук во время счета молитв, коврики-«подручники», находящиеся при молении в руке или «под челом» при отбивании поклонов.

Кижская музейная коллекция дает возможность для изучения традиционного поморского костюма, позволяет проследить его изменения в течение столетия, с середины XIX до середины XX в.

Основой девичьего и женского костюма в Кемском Поморье была **рубaha** («сороч(ц)ка»)¹⁷. В коллекции имеются четыре рубахи из Кемского Поморья (с. Нюхча, Колежма, Гридино). Но во время экспедиционных поездок нам часто показывали старые поморские рубахи (с. Сумский Посад, д. Лапино, с. Сорока).

Женская рубаха была значительно длиннее мужской, ниже колен, и, как правило, составлялась из двух частей, соединенных поперечным швом чуть выше линии пояса. Нижняя часть рубахи («стан»)¹⁸ меньше вынашивалась, поэтому с одной нижней частью могли использовать несколько верхних частей, заменяя их одну за другой по мере старения. Эта верхняя часть сорочки называлась «рукава»¹⁹:

*Шила наша Катенька – да трои новы рукава,
Сошила рукавчики...*²⁰

– подобные слова встречаются в песенных публикациях уже в XVIII в.

«Стан» обычно изготавливали из нескольких прямых полотнищ («трест») дотканого холста²¹. Холст неокрашенный, отбеленный; по подолу рубаха могла украшаться полосой ручной вышивки. Фондовая сорочка из с. Нюхча (фото 1) орнаментирована полосой вышивки, выполненной в технике настила по сетке белой нитью («бумагой»). Орнамент вышитого узора имеет трехчастную композицию: фигуры птиц по сторонам от вазона с загнутыми в виде завитков краями.

Нижние части других фондовых поморских рубах сшиты из фабричных х/б белых тканей – из «белого ситцу»²².

Верхняя часть сорочки, т. н. рукава, представляет собой собранные к вороту в мелкую сборку переднее и заднее полотнища, а также два рукава. Впереди, в центре, – разрез с застежкой (в виде пуговицы и петли или резе крючка, кнопки). Рукава, как правило, очень пышные по верху

¹⁷ Эксп. дн. Яскеляйнен Е. И., 1994 г., Сумский Посад, инф. З. А. Евшина, С. 15; А. В. Овсянникова. С. 25.

¹⁸ Там же. Сумский Посад, инф. З. А. Евшина. С. 15.

¹⁹ Там же. Лапино, инф. Н. П. Позднякова. С. 21; 1994 г., Сумский Посад, инф. К. И. Королькова. С. 48; 1995 г., Беломорск (Сорока), инф. Р. И. Соколова. С. 35.

²⁰ См.: Русские народные песни Карельского... С. 69.

²¹ В коллекционной сорочке – из 4 трест (с = 29 см), со вставками по бокам (=17 см): КП-3273, из с. Нюхча, нач. XX в.

²² Эксп. дн. Яскеляйнен Е. И., 1995 г., с. Шуерецкое, инф. Е. И. Лежева. С. 8.

Фото 1. Женская рубаша («сорочка») из с. Нюхча. Нач. XX в.

Изготовитель и пользователь: О. Д. Корельская, 1900 г.р. Фонды музея «Киж»: КП-3273

Еще один крой рукавов, вероятно, более поздний, был широко распространен во второй половине XIX в. Рукава шились очень широкими, не зауженными к кисти. Длина их доходила до локтя или чуть ниже, где они на некотором расстоянии от края собирались на вздержку и, как правило, подвязывались лентой. Нижний край таких рукавов украшался пришитым вязаным белым кружевом. Довольно часто нижняя часть рукава украшалась ажурной вышивкой по выдергу белого цвета²⁶.

и обязательно с ластовицей. Длина рукавов могла быть различна: у древних «плакальных» рубаш (в коллекции музея их нет) достигала 100–120 см²³, в других случаях могла доходить до кисти рук или до локтя. Упомянутая рубаша из с. Нюхча – это т. н. долгорукавка, с длинными зауженными к запястью рукавами, которые заканчиваются высокими застегивающимися на три пуговички манжетами. Сшита она была О. Д. Корельской, 1900 г. р., не ранее 1920-х гг. Подобные долгорукавки, по мнению исследователей, в кон. XIX в. уже, видимо, не шились, а лишь донашивались²⁴. Сохранению старых форм одежды способствовала старореческая среда, для которой характерно стремление во всем придерживаться старых обычаев. Подтверждает это и бытование в Поморье рубаш-долгорукавок с рукавами «с колотья» (м. н.). В таких рубашах рукава от кисти до локтя украшаются ажурной («кóлотой» – от слова «проколоть») белой вышивкой с довольно мелким растительным узором²⁵.

²³ См.: *Тазихина Л. В.* Север европ. части РСФСР (Олонецкая, Архангельская губ.) // Крестьянская одежда. Определитель. М., 1971. С. 132–133.

²⁴ Там же. С. 132.

²⁵ См.: Эксп. дн. Яскеляйнен Е. И., 1995 г., с. Шуерецкое, инф. Л. А. Зайкова. В фольклорной группе музея «Киж» сделаны копии трех поморских рубаш-долгорукавок: одна без вышивки, две с белым «колотьем».

²⁶ Там же. 1994 г., Сумский Посад, инф. К. И. Королькова. С. 46–50.

В литературе рубахи с подобными короткими и широкими рукавами назывались «польскими», в отличие от «русских»²⁷ с длинными рукавами. До сих пор пожилые люди в Поморье так и называют: «польские рубаха», «польская сорочка»²⁸.

Традиционно поморские девушки дополняли праздничную белую рубаху т. н. борком, украшением из присборенной ленты и кружева, которое пришивалось по краю ворота. Называлось это также «обраный борок»²⁹ (вероятно, от «обратъ» – убрать, т. е. приукрасить или «собрать» – присборить) или «борок с колотья»³⁰ (т. к. кружево выполнено словно с «проколотым» узором).

Многие информанты утверждали, что изготовлением борков занимались только девушки³¹. Рассказывали об этом так: «Ленту длинную берут и сборочками собирают вокруг ворота сорочки, «говорили: „Борочек надо сделать”, – и специально ходили прострочить на машинке (к тем, у кого она была. – Е. Я.) несколько строчек борка»³². «Борок собирали так: снижут ленту и кружево...; лента голубая или розовая; розочками снижут...»³³, «... перед Святками – а Святки мы ждали, как Христа!»³⁴ – «... девчата только и крахмалили рукава сорочек да борочки лентой украшали...»³⁵

Древнейшим видом рубахи, бесспорно, была рубаха без воротника («голошейка»). Сорочки из Поморья в коллекции Кижского музея – без воротников, с округлым вырезом по шее (некоторые из них довольно глубокие).

Девичья и женская рубаха – это вид одежды, которая одновременно была и нательной, и т. н. горничной (т. е. комнатной). «Стан» рубахи не был виден, эта часть всегда закрывалась сверху подолом сарафана или юбки. «Рукава» же были открыты, они лишь частично прикрывались лямами сарафанов. Традиционно на плечи накидывался шелковый платок, в таком случае открытыми оставались лишь рукава сорочки.

Рубахи-долгорукавки в старину украшались вышивкой на плечах («намышники»). Те же рубахи, которые нам приходилось видеть в поморских селах в настоящее время, а также рубахи из фондов музея «Кижы» – без намышников. По свидетельствам последних владельцев этих вещей, такие рубахи (без намышников) считались нижними, поверх которых надевались кофты с длинными рукавами.

²⁷ Зеленин Д. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 232.

²⁸ Эксп. дн. Е. И. Яскеляйнен, 1994 г., Сумский Посад, инф. Е. Ф. Махилева. С. 29.

²⁹ Там же. С. 29.

³⁰ Там же. 1995 г., с. Шуерещкое, инф. А. Ф. Зайкова. С. 9.

³¹ Там же. 1994 г., Сумский Посад, инф. А. В. Овсянникова. С. 25.

³² Там же. 1991 г., д. Лапино, инф. Н. П. Позднякова. С. 20.

³³ Там же. 1994 г., с. Сумский Посад, инф. А. В. Овсянникова. С. 18.

³⁴ Там же. 1995 г., Беломорск, инф. А. П. Попова. С. 27.

³⁵ Там же. 1991 г., д. Лапино, инф. Н. П. Позднякова. С. 20.

Обычай украшать подола рубах вышитыми узорами, вероятно, имел магическое значение оберега, так как не существовало традиции выпускать нижнюю одежду из-под верхней. В XIX в. девушки, копируя в вышивке старинные («досольные») узоры, донесли до нас древнейшие молитвы о плодородии, благополучии, счастье. По мере того как забывался первичный смысл изображений, они превращались в подобие «древа», «птицы», «вазона», «цветка» и т. п. В этих фигурах с отростками и завитками исследователи видят изображения божеств (т. н. рожаниц), покровительствующих рождению, плодovitости и плодородию³⁶. Основными признаками таких изображений являются: вензелеобразная фигура с вертикальным стержнем посредине; стилизованные изогнутые в разных направлениях ноги, часто превращающиеся в завитки; раскинутые руки или руки-завитки, опускающиеся книзу; сильно стилизованная голова, нередко украшенная рогами или возвышающаяся над рогами, как бы закинутыми за спину; часто изображается выпуклое чрево (обычно в виде ромба)³⁷. Нередко изображения рожаниц дополнены символами плодородия – всевозможными «ромбами с крючками», квадратами с семенами и т. п., а также соседствуют с небесными светилами и птицами. Подобную вышивку мы находим и на подоле упоминавшейся рубахи-долгорукавки из с. Нюхча. Такие композиции вышивались не только на подолах рубах, но и на головных уборах – кокошниках, повойниках. В отличие от рубах с вышитыми подолами, которые сейчас встречаются в Поморье очень редко, вышитые повойники еще можно увидеть в поморских селениях.

Сарафан является одним из основных видов традиционной женской одежды жителей северных губерний. Носили сарафаны с раннего детства и до глубокой старости: надевали их и по будням, и по праздникам. Постепенно видоизменяясь, эта одежда сохранилась до XX в. В селениях Поморья сарафаны довольно широко бытовали до 1920-х гг., причем не только использовались старинные сарафаны, но и изготовлялись новые. Позже для девушек сарафаны уже почти не шили, но старинные (бабушкины, материнские и т. п.) тщательно хранили. Их молодежь надевала в Святки, на Масленицу, на гулянья по случаю больших престольных праздников. Активно использовались старинные одежды участниками фольклорных групп, которые появились в поморских селах уже в конце 1930-х годов.

Староверческое население Поморья не только использовало, но и постоянно самостоятельно изготовляло себе одежду, в том числе и сарафаны по старому крою, вплоть до последнего времени³⁸.

³⁶ См.: Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 471–527.

³⁷ Там же. С. 482–484

³⁸ В фондах Беломорского музея имеется один глухой косоклиный сарафан, сшитый и использовавшийся в последнее десятилетие XX в. В кижской коллекции поморские сарафаны датируются след. образом: кон. XIX – нач. XX в. – 1; 1910-е гг. – 4 ед. хр.; 1920–1930-е гг. – 8 ед. хр.; 1935–1936-е гг. – 2 ед. хр.; 1940–1950-е гг. – 2 ед. хр.

Наиболее архаичен по форме косоклинный сарафан, т. н. костыч, который имел шов посередине переднего полотнища, косые клинья и подкладки по бокам, лямки и цельнокроенную спинку³⁹. Эта спинка, переходящая в лямки, имеет форму, напоминающую перевернутую трапецию. Многие исследователи рассматривают наличие такой спинки как пережиток древнего «глухого» сарафана. Такие глухие сарафаны шили из перегнутого по плечам полотнища ткани, со вставленными по бокам слегка скошенными или продольными клиньями. «Сарафаны-долгоплечи с клиньями по бокам», «сарафаны широкоплечи», – так говорили нам в разных селах Поморья.

Именно сарафаны-костычи во второй пол. XIX – первой пол. XX в. явились отличительной одеждой пожилых женщин-староверок, хотя среди православного, церковного, населения в это время были уже широко распространены т. н. круглые прямые сарафаны. Причем новых костычей, как правило, не шили, а донашивали старые.

Косоклинные сарафаны могли быть распашными с застежкой впереди по всей высоте из небольших оловянных, медных или серебряных пуговиц (фото 2а,б). Но полотнища переда могли быть и сшитыми вместе (а не распашными), тогда по шву они имели декоративную застежку в виде нескольких пуговиц и накидных петель из шнура. Старались пришить побольше пуговичек – «это как краса была...» «На праздничный сарафан пуговицы «как под золото», а сверху узор «решеточкой»; а вот на костычи для будней – так и пуговички попроще, без узоров...»⁴⁰ Пуговицы, как известно, отливались из серебра и меди в мастерских Даниловского монастыря на Выге наряду с другими предметами домашнего обихода⁴¹. Края подолов, лямок и верха сарафанов обшивались в тон ткани тесьмой, лентой или бейкой, обычно другого цвета.

Существовали костычи «выходные» («выездные»), в которых отправлялись на праздничные моления. Назывались они в зависимости от использованного для шитья материала «г`арусники» (из шерстяной, тонкой ткани), «шелк`овники», «мат`ерьи» (из шелковых, в т. ч. муаровых). Старушечьи костычи были темных цветов: коричневые, темно-зеленые, синие, черные; костычи девушек-староверок – светлыми: «голубы, розоваты, бордовы»⁴².

³⁹ Термин «костыч» встречается в документах XVII в., что не исключает существование косоклинного сарафана и в более раннее время под другими названиями. См.: *Тазихина Л. В.* Русский сарафан // Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР. М., 1955. XXII. С. 21.

⁴⁰ См.: Научный архив музея-заповедника «Кижь» (*Яскеляйнен Е. И.* Коллекция тканей и одежды в собрании музея-заповедника «Кижь» как источник для изучения староверческой культуры. Рукопись. С. 6).

⁴¹ *Кружковский М. А.* Олонецкий край. СПб, 1904. С. 194. Досюльная свадьба. Песни, игры и танцы в Заонежье / Собр. и изл. В. Д. Лысановым. Петрозаводск, 1916. С. 68; *Максимов С. В.* Год на Севере. С. 175.

⁴² См.: *Яскеляйнен Е. И.* Коллекция тканей и одежды в собрании музея-заповедника «Кижь»... С. 7.

а

Фото 2а. Старушка в костыче
 Фотография из книги: «Досюльная свадьба. Песни, игры и танцы в Заонежье. Олонецкая губ». Собр. и изложено в драмат. форме В. Д. Лысановым. Петрозаводск, 1916. С. 68

б

Фото 2б. Литые металлические пуговицы
 Фонды музея «Кижы»: КП-4337, КП-4335

В коллекции музея «Кижь» имеются три костыча: гарусник черного цвета из с. Шижня (фото 3а)⁴³, темно-зеленый костыч из узорной шерстяной ткани (Сумский Посад)⁴⁴, сарафан из синего сатина с семью медными пуговицами посредине по шву из д. Нильмозеро (фото 3в)⁴⁵.

Косоклинные сарафаны постепенно вытеснялись из употребления более поздними по времени возникновения «прямыми» («круглыми») сарафанами. Они были проще в изготовлении и шились из четырех и более (в зависимости от ширины ткани) прямых полотнищ. Нестароверческое население Поморья во второй половине XIX – первой трети XX в. носило именно такие прямые сарафаны.

Изучение кижской музейной коллекции⁴⁶ позволяет выявить существенные детали местных сарафанов, не отмеченные ранее исследователями. В частности, все поморские сарафаны сшиты из полотнищ одинаковой длины (в виде юбки на лямках), без т. н. грудины (удлиненного квадрата переднего полотнища), наличие которой характерно для русских Заонежья и Пудожья.

Рассматривая музейную коллекцию, можно выделить характерную особенность поморских сарафанов: их спинки, как правило, выкраивались вместе с лямками и были значительно крупнее, чем у подобных сарафанов карел Олонецкого уезда и Сегозерья, а также русских Пудожья и Заонежья (Пудожского, Петрозаводского и Повенецкого уездов). Обращает на себя внимание то, что спиночка поморских прямых сарафанов выкроена так же, как и в староверческих костычах (фото 3б). В этом возможно сказалось влияние староверческой культуры. Спинка сарафана, как уже отмечалось, напоминает по форме трапецию и могла пришиваться к заднему полотнищу или выкраиваться вместе с ним.

По верху заднее полотнище сарафана набиралось односторонними встречными складками, направленными к центру спины. Спереди, на груди, складки значительно крупнее, чаще всего они двусторонние (бантовые). Складки по верху сарафанов из Поморья выделяются тем, что они более крупные как впереди, так и сзади. При этом они обязательно закрепляются несколькими горизонтальными, обычно машинными, строчками и подшитой с изнанки полосой ткани.

Разрез для застежки в поморских сарафанах, как правило, делался сбоку, чаще всего слева⁴⁷. Застежка на разрезе имела вид металлических крючка и петли, иногда пуговицы и петли.

⁴³ КП-3599, принадлежал Т. В. Лежневой, 1904 г. р.

⁴⁴ КП-476, принадлежал П. А. Корольковой, 1885 г. р.

⁴⁵ КП-203/12.

⁴⁶ Всего в коллекции около 60 сарафанов, из них: 17 сарафанов из Поморья, 3 костыча, 14 прямых (из Нюхчи – 3, из Гридино – 2, остальные по 1 из разных сел) – по данным 1995 г.

⁴⁷ В прямых сарафанах из других районов Карелии часто разрез бывает в центре переднего полотнища, а в том случае, когда его нет или он сбоку, предполагается, что это девичий сарафан.

а

б

в

*Фото 3а, б. Сарафан-костыч: «гаруснюк»
черного цвета из с.Шижня
Фонды музея «Кижы»: КП-3599.
От Т. В. Лежневой, 1904 г.р.
а – вид сзади, б – фрагмент: спиночка с лямками*

*Фото 3в. Синий сатиновый костыч
из д. Нильмозеро
Фонды музея «Кижы»: КП-203/ 12.
От А. Е. Лангуевой, 1883 г. р.*

По подолу прямые сарафаны могли украшаться высокими (от 17 до 36 см) оборками. Иногда оборки делались двойными. Вероятно, оборки были довольно поздним явлением, т. к. о сарафанах без оборок в деревнях говорят как о более старых. Как правило, это сарафаны, которые носили матери нынешних бабушек или же их бабушки. В староверческих одеждах никогда не шили оборок по подолу сарафана, оборка считалась «грехом», видимо, как явление чуждое, позднее. В семьях, где кто-либо был старовером (дед, бабушка, родители, дяди, тети и т. д.), даже не крещенные в старую веру девушки, старались одеваться как можно скромнее, по старой традиции. Именно поэтому, видимо, для Поморья, с его сильным влиянием староверческой культуры, были характерны праздничные прямые сарафаны без оборок, сшитые даже в столь позднее для традиционной одежды время – первой трети XX в.

Прямые сарафаны также шили из различных тканей: штофных, шерстяных, в т. ч. узорных, шелковых («шумящий» – тафта) и хлопчатобумажных (ситец, сатин, канифас, кисея и др.)⁴⁸. Они имели те же названия, что и костычи: «гарусник», «шелковник», «матерья», «штофник», «тканевой»; «праздничный», «выходной», «будничный» («за вся носить, таскать...»)⁴⁹.

Сарафаны из шелковых тканей в поморских селах и деревнях назывались «матерья»⁵⁰. Вероятно, привозная красивая шелковая «с морямы», «с отливом» ткань имела среди поморов название «матерья», соответственно и сарафан из нее получил то же название.

Случай будет в Москву ехать – привезу подарок /.../

Ежель любишь, душа, купишь

Аленьку матерью...⁵¹

Я по осени приеду, подарочек

привезу...

Из Архангельска матерью

семишелковую...⁵²

⁴⁸ В XIX в. для шитья использовались разнообразные ткани фабричного производства – разные сорта штофов, тафты, атласа, бархата, парчи, полушелковых тканей. Хлопчатобумажные («бумажные») ткани прочно вошли в обиход села в XVIII в. и еще больше – в XIX в. Первоначально подобные ткани шли на праздничную одежду, позже из них шили и будничную. Нужно отметить, что ассортимент тканей, ввозимых в Россию в XVI–XVII вв., был довольно разнообразен – это не только хлопчатобумажные, но и шерстяные, шелковые ткани. В XVIII в. появляется все больше тканей российского производства. В первой половине XVIII в. осваивается промышленное производство шелковых тканей (тафта, штоф, атлас, бархат). Во второй половине XVIII в. – хлопчатобумажных (бязь, миткаль, пестрядь, китайка, кумачи, ситцы).

⁴⁹ Эксп. дн. Яскеляйнен Е. И., 1991 г., д. Лапино. С. 22; 1994 г., Беломорск; 1995 г., с. Шуерцкое. С. 9 и др.

⁵⁰ «Матерья» – ткань, аршинный товар, и собств. шелковая ткань. «Матерья» – в народе материя; в значении шелковой ткани. (См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. СПб, 1996. С. 305).

⁵¹ Русские народные песни... С. 80 (с. Гридино).

⁵² Там же. С. 16.

Так поется в «утушных» песнях, в которых «ярче, чем в других песенных жанрах Поморья, нашли отражение черты местного колорита»⁵³.

До сих пор поморы употребляют этот термин: «В котором мама венчалась – сарафан шелковый, с морямы; светло-лиловый, звали матерья»⁵⁴; «Матерья-то у тя готова?»; «Платок держала со второй матерье...»; «на Святочную вечерину... надевали еще лучше сарафаны – «матерьи» называются...» и т. п.⁵⁵

Верх прямого сарафана, края лямок, спинки и подола обшивались фабричной шерстяной или х/б тесьмой или тканью. По подолу чаще всего темного цвета, верх – в тон ткани. Любили обшивать край подола «бахромочкой»⁵⁶ (фабричная тесьма с пушистым краем). Подол дублировался на высоту до 0,5 м другими тканями (ситцем, сатином, коленкором) – это называлось «оподолье». Говорили, например: «Оподолье у матерьи – высокое...»⁵⁷ Оборки сарафанов нередко украшались белым или черным кружевом. Многие сарафаны были без каких-либо украшений по подолу (кроме обшивки края черной тесьмой). В коллекции музея часть сарафанов украшена оборками, дополнена нашивками атласных, бархатных лент (как правило, в тон цвета материй).

Прямые сарафаны более разнообразны по расцветке, чем косоклинные. Пожилые люди носили сарафаны темных цветов: коричневые, сиреневые, темно-зеленые, а девушки и женщины – более светлых оттенков зеленого («болтный», «капустный», «на зеленое»), сиреневого («на сирень»), различных оттенков светло-коричневого цвета, голубого, вишневого⁵⁸.

В описаниях поморских вечеринок начала XX в. мы находим упоминания о желтых, синих, красных, зеленых и розовых сарафанах, дополненных большими платками таких же цветов и «целым ворохом» розовых, голубых, красных и желтых лент, заплетенных в косы (...) и привязанных к сарафанам и рукавам рубашек»⁵⁹.

В песнях Поморья также упоминается алый⁶⁰ цвет сарафана. Интересно, что во время экспедиций нам не пришлось встретить или услышать упоминания о красном сарафане или белофонном ситцевом. Нынешние информанты не могли вспомнить у кого-либо таких сарафанов: «красных никогда не видела; белые в цветочек – если только у детей?!» Вспомина-

⁵³ Русские народные песни...

⁵⁴ Эксп. дн. Яскейянен Е. И., 1994 г., Сумский Посад, инф. К. Махилева. С. 28.

⁵⁵ Там же. 1991 г., д. Лапино. С. 27; 1994 г., Сумский Посад. С. 35, 17.

⁵⁶ Там же. 1994 г., Сумский Посад. С. 29.

⁵⁷ Там же, 1994 г., Сумский Посад. С. 29; 1991 г., д. Лапино. С. 37.

⁵⁸ Там же. 1995 г., Беломорск, инф. Р. П. Соколова; 1994 г., Сумский Посад, инф. А. В. Овсянникова. С. 18 и др.

⁵⁹ Цейтлин Г. Поморские вечеринки... С. 29.

⁶⁰ Т. Берштам также упоминает кумашные сарафаны XVIII–XIX вв., которые можно было увидеть на летних хороводах или свадьбе. (См.: Берштам Т. Русская народная культура Поморья. С. 44–45.)

ли «малиновую матерью»⁶¹. В это время (нач. XX в.) белофонные ситцевые сарафаны были распространены в деревнях Заонежья и Сегозерья. Красные сарафаны были характерны для Заонежья, Пудожья, Олонецкого уезда как праздничные, а также как сенокосные или жатвенные⁶².

За время экспедиционных поездок сотрудникам музея приходилось видеть в поморских семьях еще довольно много сарафанов⁶³. В с. Вирма, например, в двух домах – по 10 сарафанов в каждом! Причем сарафаны эти в одной из семей надеваются во время выступлений фольклорной группы, а в другой – тщательно хранятся и совершенно не используются. Владельцы охотно показывали нам сарафаны, но желания передать их в музей не было. Во многих семьях хранятся по одному-два сарафана как память о тех людях, кому они когда-то принадлежали.

По свидетельству поморских женщин, под сарафан, на сорочку надевали еще и светлую **нижнюю юбку** («подъюбник»)⁶⁴. Она шилась из покупных тканей (например, коленкора, миткаля), с прорехой сзади, с завязками и довольно широким вязаным кружевом по подолу⁶⁵. Завязки юбки перекрещивались сзади и завязывались впереди⁶⁶.

Поскольку в Кемском Поморье лен выращивали мало, ткани в основном были покупные. В начале XX в. очень широко распространилась одежда из фабричных тканей.

В с. Сорока, местная жительница рассказывая нам о том, как в 1926–1928 гг. плотники из Заонежья («шуньжаки») строили мосты в их селении, вспоминала, что «они ходили в домотканых грубых одеждах, и верхних и нижних». Когда один из плотников захотел посвататься к местной девушке, то она заявила своим родителям: «Я в Шунью замуж пойду?! Деревянные юбки носить? Ангел меня сохрани!»⁶⁷ Видимо, в Кемском Поморье к этому времени домотканая льняная одежда уже совершенно вышла из употребления, в то время как в Заонежье она еще широко бытовала.

Со времен глубокой древности обязательной частью любой (особенно нижней) одежды считался **пояс**. Сакральное значение его, очевидно, имеет тесную связь с верой в магическую силу круга, замыкающего пространство⁶⁸. По своему значению пояс приравнивался к нательному

⁶¹ Эксп. дн. Яскеляйнен Е. И. (см. сноска № 57).

⁶² Сенокосная и жатвенная одежда чаще всего была специально сшитой. Эта рабочая одежда приближалась к праздничной, нарядной: «на сенокос, как на праздник», – говорили в деревнях.

⁶³ Среди увиденных преобладали светлые цвета: бежевый, зеленый различных оттенков, розовато-оранжевый.

⁶⁴ Эксп. дн. Яскеляйнен Е. И., 1994 г., Сумский Посад, инф. А. В. Овсянникова. С. 25.

⁶⁵ Там же. 1994 г., инф. З. А. Евшина. С. 9 и др.; 1995 г., Беломорск, инф. Р. И. Соколова. С. 35.

⁶⁶ Там же. 1991 г., д. Лапино, инф. Н. П. Позднякова. С. 25.

⁶⁷ Там же. 1994 г., Беломорск, инф. О. Г. Редькина.

⁶⁸ См.: *Кремлева И. А.* Об эволюции некоторых архаичных обычаев у русских // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 257.

кресту: «без креста, без пояса...» Благодаря поясу-оберегу, как считалось, человек мог оградить себя от нечистой силы, и потому в обрядах, где необходимо было с нею общаться, он снимался одновременно с крестом. В поморских «присушениях»-заговорах, употреблявшихся для того, чтобы заставить кого-либо полюбить себя, встречаем такие слова: «... если потеряешь – сойдешь с ума и попадешь прямо за тридевять морей в тридцатое царство, которому я служу и верую, когда снимаю крест и пояс...»⁶⁹ «Видимо, ношение пояса непосредственно на теле является древнейшей формой традиции. Позднее роль оберега сохраняет и пояс, надеваемый поверх одежды»⁷⁰. И. К. Инха, описывая традиции Беломорской Карелии 1890-х гг., отмечает, что без креста и пояса никогда нельзя было находиться – даже во время сна, без пояса нельзя было выходить из дома: «через три порога переступить». При этом на рубаху, чтобы не совершить греха, полагалось надевать «нижний пояс» («alusvuo»), а на сарафан – другой, верхний⁷¹.

Нательный пояс был неотъемлемой частью староверческого костюма, как женского, так и мужского. Подробно о поясах в одежде староверов острова Ковжино (с. Сорока) рассказывала нам О. Г. Редькина. Надевали пояс на сорочку, под сарафан и не снимали его даже на ночь. Снимался такой пояс лишь вместе с крестом в бане. При этом для хранения креста и пояса (на время мытья в бане) в предбаннике существовала специальная полочка⁷².

Пояса были разнообразны по материалу и технике изготовления. Их могли плести или ткать из разноцветных окрашенных льняных или шерстяных нитей, с кисточками на концах. «У бабушки был тканый, разноцветный и с кисточками; все время носила его...», «тоненькой пояс на сарафан; задернет его (подол сарафана. – Е. Я.) спереди, чтоб не наступать...»⁷³. «Шнурок на кудели – такой же, как на сарафане у бабушки пояс...»⁷⁴

Широко распространены были и пояса покупные, монастырского изготовления, с вытканными словами молитв. С. В. Максимов отмечает, что ими «издревле снабжалось» Поморье, упоминает «неизменный и обязательный шелковый поясок в палец шириною, с молитвой, вытканной бе-

⁶⁹ Цейтлин Г. Знахарства и поверья в Поморье (очерк из быта поморов) // ИАОИРС. 1912. № 1. С. 15.

⁷⁰ Кремлева И. А. Об эволюции некоторых архаичных обычаев у русских. С. 252.

⁷¹ См.: Inha I. K. Kalevalan laulumailta. Helsinki, 1999. S. 54 (SKS).

⁷² Эксп. дн. Яскеляйнен Е. И., 1994 г., Беломорск, инф. О. Г. Редькина. См.: Яскеляйнен Е. И. Коллекция... С. 7. Традиция снимать крест в бане, по свидетельству О. Фишман, существует до сих пор у тихвинских карел-старообрядцев: Фишман О. М. О таинстве крещения у тихвинских карел-старообрядцев // Международная научная конференция по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения'95»: сб. докладов. Петрозаводск, 1997. С. 403–404.

⁷³ Эксп. дн. Яскеляйнен Е. И., 1991 г., д. Лапино, инф. Н. П. Позднякова. С. 28.

⁷⁴ Там же. С. 38.

лыми руками девушек-старочек», который дается в подарок заезжим в Топозерский скит людям. Девушки отправлялись в скит для обучения грамоте и рукоделиям⁷⁵.

Поверх сарафана-костыча надевали другой пояс (когда куда-либо шли по улице...), чтобы «костыч не болтался...», «пояском подвяжешь, чтобы туго-туго; кругом себя сарафан-то не ходил, он же тяжелый...»⁷⁶ Такие верхние пояса снимали на время службы, когда шли на исповедь, «отвязывают пояс (знак-де разрешения от грехов)»⁷⁷.

В «утушных» песнях Поморья упоминаются покупные, привозные («с Норвеги», как говорят поморы) поясочки:

*Я по осени приеду, тебе подарок
привезу,
Подарочек дорогой да перстенечек
золотой,
Я из гавани платок да
саморфистый поясок...⁷⁸*

В конце XIX – начале XX в. пояса («ремни») в Поморье были широко распространены. Ими подпоясывали праздничные сарафаны и кофты под грудью или по талии⁷⁹. Во многих поморских семьях сохранились подобные ремни. Очень характерны прорезиненные или бархатные черные пояса (шириной ок. 6–6,5 см) с большими пряжками из желтого металла (их размеры: 6×8,5; 6×8; 6,5×7 и др.), которые орнаментированы рельефными растительно-геометрическими узорами. Пояса были не только черного, но и светло-коричневого цвета, могли орнаментироваться вышитым узором, известны также кожаные пояса⁸⁰.

Мужские рубахи перепоясывались длинными узкими разноцветными поясами. В конце XIX – первой трети XX в. носились и кожаные пояса: узкие – поверх рубах, а более широкие – по верхней одежде.

Такой элемент поясной одежды, как **фартук** («фартоцек»⁸¹), в праздничном поморском костюме, видимо, не имел того значения, как, например, в костюме Заонежья и Пудожья конца XIX – начала XX в.⁸²

⁷⁵ Максимов С. В. Год на Севере. С. 270, 274.

⁷⁶ Инф. О. Г. Редькина... // Яскеляйнен Е. И. Коллекция... С. 8.

⁷⁷ 26 замечаний о староведах. Свящ. Петропавловский. Этнографические сведения о Янгозерском погосте Повенецкого уезда. Рукопись 1855 г. // Зеленин Д. Описание рукописей ученого архива Импер. Русск. географ. об-ва. Петроград, 1915. Вып. 2. С. 924.

⁷⁸ Здесь имеется в виду пояс, привезенный из Гоморфеста (Народные песни... С. 16).

⁷⁹ В коллекции музея лишь один поморский пояс для сарафана. Он шит из тонкой шерстяной ткани сиреневого цвета и орнаментирован вышивкой с черным стеклярусом.

⁸⁰ Эксп. дн. Яскеляйнен Е. И., 1994 г., Сумский Посад, инф. З. А. Евшина. С. 11–12; А. В. Овсянникова. С. 20.

⁸¹ Там же. 1991 г., д. Лапино, инф. Н. П. Позднякова. С. 23; 1994 г., Беломорск, инф. О. Г. Редькина; 1994 г., Сумский Посад, инф. Е. Ф. Махилева. С. 28.

⁸² В коллекции музея «Кижы» – три поморских фартука (с. Гридино, 1935–1936; с. Калгалаша: 1910–1920-е гг.).

«Это в Заонежье передники носили, это у них такая мода была»⁸³, – часто говорили нам в поморских селениях. В костюме старOVERов Кемского Поморья фартук занимал незначительное место. Связано это, видимо, с тем, что на косоклинные сарафаны, широко используемые старOVERерами, не полагалось надевать передник, а только пояс. В начале XX в. передник не было принято надевать на «большой» праздничный наряд, но его надевали на «малый» наряд – на выход, в воскресные дни. СтарOVERы шили обычно атласные или гарусные фартуки черного, синего и коричневого цвета. К концам пояса фартука могли пришивать «рипсовые ленты, под цвет...». Завязки традиционно обводили фигуру по талии, перекрещивались сзади, проводились вперед и завязывались на узел и бантик⁸⁴.

Судя по воспоминаниям поморок, праздничный фартук надевался лишь с гарусным или другим «тканевым» сарафаном, но не с шелковым. «В простом уж сарафане не пойдешь без фартука, только в хорошей одежде без фартука можно...»⁸⁵ Видимо, именно сарафаны-«матерьи» в нач. XX в. могли носить без фартука (фото 4а,б), но праздничные «гарусники», которые тоже считались нарядными, все же надевали с праздничным передником (фото 4в). Специально для этого вышивали черным стеклярусом и бисером большую часть подола фартука на высоту 10–20 и более см (до- полуфартука)⁸⁶ (фото 5). Орнамент вышивки был растительно-геометрический, основным мотивом которого являлись довольно крупные цветы⁸⁷. «Передники, вышитые стеклярусом, играющим бриллиантами...» – упоминает в нач. XX в. Г. Цейтлин в описании наряда поморских девушек на вечеринке⁸⁸. «По черному шелку – черным бисером вышивка как зеркало сияла!» – так рассказывают сейчас в Поморье⁸⁹. Ткань «фартука» могла быть любого цвета, не только черного, но и разных оттенков бордового, зеленого, коричневого, сиреневого. Обычно это были шелковые, шерстяные, иногда кисейные, но всегда покупные («торговские») ткани⁹⁰. Вышивка стелярусом могла дополняться вышивкой нитями, защипами (поперечными и продольными), нашивками в виде атласных лент и полос бархата, а также пришитой по краям фартука бахромой или кружевом (чаще всего черного цвета)⁹¹.

⁸³ Эксп. дн. Яскеляйнен Е. И., 1994 г., инф. О. Г. Редькина. Беломорск. *Яскеляйнен Е. И.* Коллекция... С. 8.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же. 1994 г., с. Вирма, инф. А. Коппалина. С. 9.

⁸⁶ Там же. 1991 г., д. Лапино, инф. Н. П. Позднякова. С. 23.

⁸⁷ Такого фартука в фондах нашего музея нет, но о них многократно рассказывали поморские жители (см. Эксп. дн. Яскеляйнен Е. И., 1991 г., д. Лапино, инф.: Н. П. Позднякова. С. 23, О. И. Свинына. С. 15; 1995 г., Беломорск, инф. А. Л. Попова. С. 25. Подобные передники хранятся в музеях с. Шуерецкое, г. Беломорска; также об этом свидетельствуют фотографии из фондов музея «Кижы».

⁸⁸ *Цейтлин Г.* Свадьба в Поморье. С. 29.

⁸⁹ Эксп. дн. Яскеляйнен Е. И., 1991 г., д. Лапино, инф. Н. П. Позднякова. С. 23.

⁹⁰ Там же. 1994 г., с. Вирма, инф. А. Коппалина. С. 6.

⁹¹ Там же. 1991 г., д. Лапино, инф. Н. П. Позднякова. С. 23.

а

б

в

Фото 4а. Портрет

Фонды музея «Кижичи»;

б) Житейные Василий Михайлович и Федосья Григорьевна, Сумский Посад. 1920-е гг. Фонды музея «Кижичи»: КП-3832;
в) жители д. Лапино (слева направо): Титова Наталья Федоровна (в сарафане-«гаруснике»), ее внук и дочь Федосья Григорьевна Житейная (в сарафане-матери)

1920-е гг. Фонды музея «Кижичи»: КП-3829

Фото 5. Семья из д. Лапино. 1914 год
Фонды музея «Кижы»: КП-3842. От Н. Поздняковой

Покрой фартука (передника) очень прост: в виде одного, двух или трех прямоугольных полотнищ ткани с поясом и пришитыми к его концам длинными завязками. Все передники шились без каких-либо карманов. Полотнища ткани могли быть соединены швами без соблюдения симметрии. Наверху, по бокам, «фартук» закладывался несколькими неглубокими складочками (реже – выточками) и собирался на пояс. Передники могли быть различной длины: и по подолу сарафана, и значительно короче (фото 6). Будничные передники изготавливались из материй «попроще» – «все больше из черного сатина...»⁹², «простые, тканевы, сатиновы...»⁹³

В конце XIX в. в Поморье также бытовал кожаный фартук – элемент промысловой поясной длинной одежды мужчин и женщин, который надевали при разделке рыбы. Такой фартук назывался «передница»⁹⁴. Вполне возможно, именно «передница» представлена на фотографии конца XIX в. в книге А. П. Энгельгардта⁹⁵.

⁹² Эксп. дн. Яскеляйнен Е. И., 1994 г., Сумский Посад, инф. Е. Ф. Махилева. С. 9.

⁹³ Там же. 1994 г., Беломорск, инф. О. Г. Редькина.

⁹⁴ Описание заонежской артели см.: Куликовский Г. И. Из общинно-артельной жизни Олонецкого края. 1897 // ИОИК. 1924. № 1. С. 34.

⁹⁵ Энгельгардт А. П. Русский Север. С. 131.

Верхней одеждой, которую надевали на сарафан, были **кофты** с длинными рукавами, суженными к кистям. Кофты могли иметь или не иметь манжеты и воротники, быть приталенными или прямыми. Кофты были распашными (этим они отличались от мужских рубаш, у которых был лишь небольшой разрез у ворота), они застегивались на пуговицы или металлические кнопки.

По словам информантов, любые короткие одежды подобного вида назывались «кофты»: и те, в которых выходили на улицу, и те, в которых ходили дома. Прямые кофты (их носили лишь старенькие бабушки) назывались «простушки»⁹⁶.

Девушки и женщины носили по праздникам кофты «в талию», короткие, с «буфом» – рукавом очень пышным по верху и зауженным к кисти, на кокетке, с различными защипами на груди. Шили такие кофты из красивых гарусных, атласных, шелковых тканей различных цветов; украшали кружевом и особо любимой в Поморье вышивкой стеклярусом и бисером⁹⁷.

Стеглярус и бисер могли быть разноцветными. Часто использовали черный – тогда рисунок вышивки очень ясно «читался» на поверхности ткани. Узоры вышивки в основном геометрические плетенки, сетки, составленные из фигур в виде крестов, звезд, ромбов⁹⁸. Такую кофту надевали поверх сарафана и опоясывали «ремнем» с большой пряжкой. Дополнением в наряде мог быть фартук с оборками, также вышитый стеклярусом и бисером.

В коллекции музея пять кофт из Поморья. Две из них поступили в комплекте с сарафанами и сшиты из той же материи (одна из розовой х/б ткани, другая из серовато-синей шерстяной). Остальные кофты принадлежали одной семье из с. Шуерецкое. Две из них короткие, до талии, с защипами на груди, с отложным воротничком, сшиты они из шелковых тканей золотисто-коричневого и розовато-коричневого цветов. Третья кофта,

Фото 6. Портрет (поморская женщина с дочерьми)
Фонды музея «Кижы»

⁹⁶ Эксп. дн. Яскеляйнен Е. И., 1994 г., Беломорск, инф. О. Г. Редькина.

⁹⁷ Там же. 1991 г., д. Лапино. С. 35; 1994 г., с. Шижня. С. 13; 1994 г., Беломорск. С. 5 и др.

⁹⁸ Там же. Беломорск, 1994 г., инф. О. Г. Редькина. С. 5.

В книге К. Случевского¹⁰³ можно увидеть душегрею на рисунке, изображающем портрет «сумлянки». Покрой душегреи напоминает крой кокошиного сарафана на узких лямках. Отличает ее короткая длина (чуть ниже талии), а также спинка, заложённая вертикальными плотными складками – валиками. Шились душегреи, как правило, на подкладе, с прокладкой из кудели, ваты или ткани. Полы душегреи – гладкие, без запаха, с застежкой на крючки. По краям (верх и полы) душегрея обшивалась галуном с золотными узорами.

Описывая женщин Сумского Посада, К. Случевский говорит о том же «блеске одеяний, пестроте лент и золоте кокошников», которую он видел в Кеми и Коле. А говоря ранее о Коле, так описывает «кацавейку», называемую там «коротенька», которая не имеет талии и «снабжена массой прямых жестких складок, идущих, как во времена Марфы Борецкой, от шеи вниз, как бы полураскрытым веером»¹⁰⁴.

Возможно, что душегреи были распространены когда-то по всему Кемскому Поморью, во всяком случае в 80-х годах XIX в. в Кеми и Сумском Посаде их носили многие женщины, видимо, по самым большим праздникам (рис. 7).

Другим видом старинной женской одежды была «шубка»¹⁰⁵ – длинная, значительно ниже талии, верхняя одежда с длинными рукавами и воротником. Шубки шились на заячьем меху и покрывались штофом или черным плиссом. Воротник пришивался лисий, куний, а иногда и соболий¹⁰⁶. В коллекции музея «Кижы» «шубок» нет.

В поморской коллекции музея «Кижы», кроме уже описанной «венгерки с трубамы», есть черное **бархатное пальто** «с трубамы», а также **плюшевое**

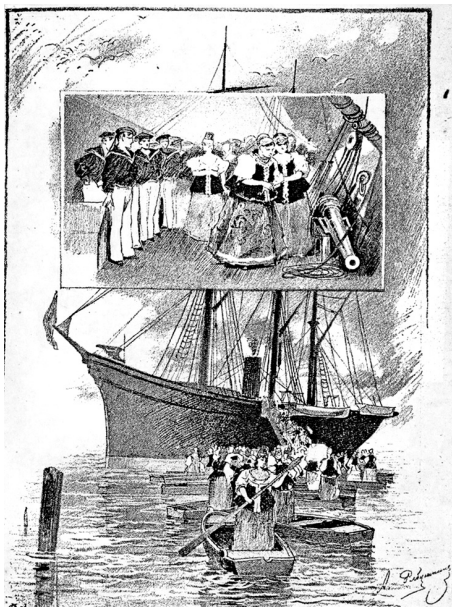

Рис. 7. Посещение «Забянки» кемлянками 1880-е гг.

Из книги К. Случевского «По Северу России»

¹⁰³ Случевский К. По Северу России. Вклейка на с. 164.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Следует подчеркнуть, что данный термин мог относиться и к прямому штофному сарафану с грудиной.

¹⁰⁶ Памятная книжка Олонецкой губернии на 1866 год. Петрозаводск, 1866. С. 32.

пальто. Они датируются кон. XIX – нач. XX в., первое происходит из Сумского Посада, второе – из с. Шуерецкое. Оба пальто довольно длинные (ок. 1,5 м), однобортные, с отложным воротником, с заууженными кисти рукавами; простеганы на вате и посажены на саиновый подклад. Бархатное пальто зауужено в талии, сзади образуются крупные складки – «трубы». Застежка у этого пальто потайная, на 2 крючка и 12 пуговиц. Плюшевое пальто не имеет таких крупных складок, застегивается на 4 крупные пуговицы и накидные петели из плюша. Подобные пальто часто встречаются в поморских селах, ими пользуются до сих пор, т. к. ткани, из которых они сшиты, очень добротны, а шитье качественное.

Именно такие бархатные и плюшевые «п`ольта» надевали как выходную, праздничную одежду, когда шли в церковь или на гулянья. «Дамы в гаржетках, лисах, муфтах... Катались на лошадях в заговенье, ... гуляли кругом села». «Лисиные шубы – сверху сукно, польта красивые с воротником...»¹⁰⁷

В первой половине XX в. были также широко распространены жакетки из плюша на вате. По покрою они такие же, как плюшевые пальто, но значительно короче. Ими пользуются до сих пор. Но постепенно подобная верхняя одежда превратилась из праздничной в будничную. В коллекции музея жакеток из Поморья нет.

Головной убор – удивительно многозначная и глубоко традиционная часть народного костюма. Коллекция музея насчитывает чуть больше двух десятков головных уборов, происходящих из различных поселений Кемского Поморья и датируемых XIX – первой половиной XX в. Именно головной убор (в широком своем смысле, включая прическу и ее украшения и дополнения) явился отражением древнейших народных представлений о магической силе волос и защитной, оберегающей роли одежды.

В Поморье (так же, как и в других районах Русского Севера) строго отличались девичьи и женские прически и собственно головные уборы. В древности, как известно, считалось возможным воздействовать на человека посредством волос¹⁰⁸. Волосы никогда не выбрасывали «на ветер», их сжигали или собирали, чтобы они не могли попасть кому-либо недоброму в руки. Этот обычай до сих пор сохранился в селах Поморья среди староверческого населения. Во время экспедиции в марте 1995 года в с. Шуерецкое мы встретились с пожилой староверкой, которая аккуратно собирала свои волосы, складывала их в мешочек и хранила в сундучке с приготовленными «на смерть» погребальными принадлежностями¹⁰⁹.

¹⁰⁷ Эксп. дн. Яскеляйнен Е. И., 1994 г., запись сделана в с. Деревянка, инф. Г. Елисеев. (урожд. с. Нюхча). С. 10–11.

¹⁰⁸ О значении волос, прическах, головных уборах на Севере России упоминают П. С. Ефименко (1877), М. Забылин (1880), Д. К. Зеленин (1920-е), а также многие современные исследователи костюма.

¹⁰⁹ Экспедиция музея «Кижь» в Беломорский р-н РК, 1995 г.: Калашникова Р. Б., Яскеляйнен Е. И. См.: Экспед. дн. Яскеляйнен Е. И., 1995 г., с. Шуерецкое. С. 8.

Замужние женщины не должны были оставлять свои волосы открытыми, их заплетали в две косы и тщательно закрывали различными головными уборами. Девушки показывали свои волосы «на людях», не закрывали их (особенно затылок). Заплетали они волосы в одну косу или в особо торжественных случаях (например, в церкви во время венчания) распускали волосы по плечам.

В старинных поморских свадебных причитаниях («вопах») даются многочисленные поэтические описания девичьей прически, заплетания и расплетания косы девушки-невесты. В день «рукоданья» (когда жених со своей родней приходит в дом невесты «взять руку»), рано утром невеста причитывала своей матери так:

*Еще найди-кошь дорогой, белой кости гребешок,
Заздыни-кошь свою легкую правую рученьку
На мою-то на буйну головушку,
На тонку косу красовитую.
Уж зачеши-кошь, загладь
Мою тонку косу красовиту
По одному да по единому русому волосу
По моим белым плечам могучим.
Возьми-кошь с дорогого, белой кости гребешка
Очески да обрывки моих русых волосов,
Да не бросай их на тонкий дубовый мост, на тиленный –
Завяжи-кошь во плат во тальянский, во узел во немецкий;
Подержи-кошь до крутой до красной весны...¹¹⁰*

Коса являлась символом девичества, что особо ярко проявляется в свадебном обряде, в частности, в ритуале заплетания и расплетания косы невесты. При расплетении косы из волос постепенно убирались все украшения – косоплетки, ленты и пр., что являлось символическим устранением препятствий на пути к браку, поскольку лента также была своеобразным символом девичества и девичьей воли¹¹¹.

Видимо, именно поэтому, когда жених с невестой ездили «со славой» по всему селению, чтобы показать «момент перехода девушки из краснопривольного девичества» в «женско житье подначальное», невеста была с распущенными волосами, украшенными целым ворохом разноцветных лент» (описание нач. XX в.)¹¹². В Нюхче и Колежме невеста была «снаряжена в самолучшее», волосы заплетены в одну косу, к которой, не вплетая, прикреплялись длинные широкие яркие ленты «аршина три»¹¹³.

Девичьим головным убором была **повязка** («перевязка», «перевясточка»). Этот убор, охватывая голову вокруг, оставлял ее верх (макушку, заты-

¹¹⁰ Цейтлин Г. Знахарства и поверья... С. 162.

¹¹¹ Бернштам Т. Обряд «расставания с красотой» // Памятники культуры народов Европы и европейской части СССР: Сб. МАЭ. XXXVIII. Л., 1982. С. 55. Цейтлин Г. Свадьба в Поморье... С. 9.

¹¹² См.: Яскеляйнен Е. И. Женский... С. 102.

¹¹³ Русская свадьба Карельского Поморья... С. 16.

лок) открытым. Повязки могли быть обшиты позументом, украшены вышивкой, жемчугом, могли иметь жемчужные (или бисерные) поднизы¹¹⁴.

Праздничной девичьей повязкой и головным убором невесты в селениях Кемского Поморья была **шелковая косынка** «с морямы» (разводами), свернутая в виде довольно широкой (ок. 4 см) ленты. Концы косынки обводились вокруг головы и спереди завязывались узелком, кончики узелка составляли бантик и закреплялись булавками. Поверх косынки надевалось украшение – т. н. нитки жемчужные (м. н.: «жемчуг»¹¹⁵, «нить жемчужная», «перо»¹¹⁶, «бус»¹¹⁷) – в виде соединенных между собой нескольких рядов снизанного мелкого речного жемчуга. «Нитки жемчужные» крепились к косынке («повязке») также при помощи булавок. В Колежме для того, чтобы «перо» сохраняло необходимую форму («ловчее сидело»), под него «кляли свернутую треугольником плотную бумагу»¹¹⁸. Если у девушки не было подобного жемчужного украшения, то украшением ее повязки был бантик, сделанный из концов косынки; кончики его «прихватят, приколют булавками, и на концы – по брошке...»¹¹⁹ Можно было украсить иначе: из одного конца косынки сделать бантик и приколоть его булавками, а второй конец «протянуть и булавкой тоже приколоть; и наискосок надо прикрепить брошечку. На левом боку – бантик, на правом – брошка»¹²⁰.

На невестинной вечерине в канун дня венчания (с. Колежма) главное отличие наряда невесты от наряда подруг состояло в том, что волосы ее были распущены (не заплетены в косу) и слегка скреплены узкой ленточкой (м. н.: «бархотка», «подволосник»)¹²¹, к которой прикрепляли широкую яркую атласную ленту. Головным убором невесты был уже описанный ранее убор из косынки, свернутой полосой. Но в данном случае он назывался «воля». Поверх нее надевалась жемчужная нить или брошка. В с. Нюхча (на «вечерке», подобном колежомской вечерине) девушки были «в хорошем обряде – косынки, ленты привяжут, наденут кольца, браслеты...»¹²²

После венчания в церкви, во время которого невеста стояла с распущенными волосами в девичьей повязке («шелковой перевясточке»), ее волосы делились прямым прибором на две части и туго заплетались в две

¹¹⁴ В коллекции музея нет подобных повязок.

¹¹⁵ См.: Эксп. дн. Яскеляйнен Е. И., 1991, 1994, 1995 гг., д. Лапино, инф. О. Свинына. Н. П. Позднякова, Беломорск, инф. Р. И. Соколова и др., Сумский Посад, инф. З. А. Евшина. А. В. Овсянникова.

¹¹⁶ Там же. 1994 г., Сумский Посад. С. 18, о деревне Колежме; Русская свадьба Карельского Поморья... С. 22.

¹¹⁷ Там же. 1994 г., Сумский Посад, инф. А. В. Овсянникова. С. 18.

¹¹⁸ Русская свадьба Карельского Поморья... С. 22.

¹¹⁹ Эксп. дн. Яскеляйнен Е. И., 1991 г.; д. Лапино, инф. Н. П. Позднякова. 1994 г., с. Шижья, инф. Демьяновы.

¹²⁰ Там же. 1991 г., д. Лапино, инф. Н. П. Позднякова.

¹²¹ См.: Русская свадьба Карельского Поморья... С. 21; Эксп. дн. Яскеляйнен Е. И., 1991 г., д. Лапино, инф. Н. П. Позднякова и др.

¹²² Русская свадьба Карельского Поморья... С. 22, 23.

косы из трех прядей каждая. Концы кос связывали вместе узенькой ленточкой или шнурочком («подкорешком»). Связанные концы кос поднимали наверх так, чтобы кругом охватить голову, т. е. оборачивались вокруг головы¹²³, после чего на невесту одевали повойник – головной убор замужней женщины.

Повойник (м. н. : «повойник», «карта», «кружок») широко бытовал в конце XIX – первой трети XX в. у русских Кемского Поморья (как и у карел Северной Карелии). Он имел вид облегающей голову шапочки с мягким «очельем», но твердым донцем («доньшком») (фото 8а,б). С изнанки донца проклеивались, дублировались холстом или х/б тканями, могли быть посажены на бумагу. Мягкие очелья по верху собирались мелкими складками. Шились они из различных шерстяных однотонных, часто узорного тканья фабричных материй, реже – из хлопчатобумажных, как пестрых, так и однотонных. Концы очелья не сшивались друг с другом сзади, они имели завязки в виде шнуров или тесьмы, которые стягивались и перекидывались через голову на лоб.

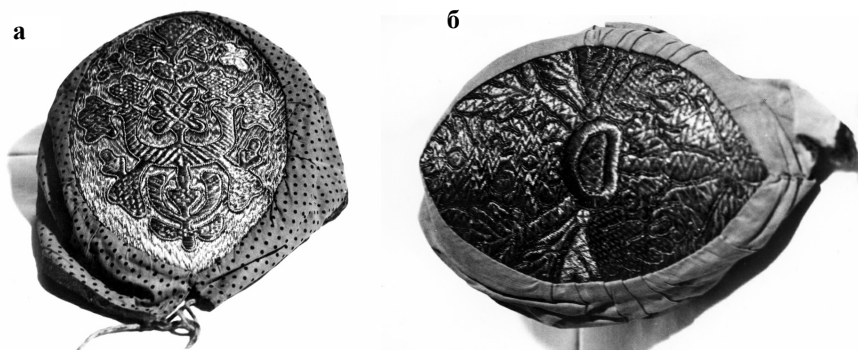

Фото 8. Женские головные уборы кон. XIX – нач. XX в. типа повойник («повойник», «кружок», «латушка»)

а) из с. Шуерецкое. Фонды музея «Кижи»: КП-2330; **б) из д. Выгостров.** Фонды музея «Кижи»: КП-3557

Донца повойников близки по форме к овалу, со стрельчатым нижним концом. Они удивительно разнообразны по своему цветовому и орнаментальному решению. Выполнены «доньшки» чаще всего из бархата темных цветов (малиновый, вишневый, сиреневый, коричневый) и орнаментированы золотой вышивкой. Материалом для вышивки служили металлические волооченые нити: «золото волооченое», «золото пряденое или

¹²³ Эксп. дн. Яскеляйнен Е. И., 1991 г., д. Лапино, инф. Н. П. Поднякова. 1994, 1995 гг., Беломорск. С. 33.

сканое», использовалась также «бить» и «канитель», блески, бисер и речной жемчуг¹²⁴.

Центры золотошвейного дела на Севере были известны с XVI–XVII вв. Применялась техника шитья «по карте» («в прикреп»), когда вырезанные из картона рисунки узоров прикладывались к ткани и застилались стежками золотых нитей, а с изнанки подхватывались бумажными или шелковыми нитями. Шили золотом и поверх стеганого узора, выполненного толстыми хлопчатобумажными нитями. Контур рисунка часто обшивались крученым шнуром; дополнительным украшением были блески, канитель и стеклышки. Вышивка обычно заполняла не всю поверхность донца, а частично оставляла фон. Изготавливались донца и т. н. кованым шитьем, без оставления фона, который вместе с узором полностью расширялся золотными нитями¹²⁵.

На вышитых донцах повойников, как правило, представлены симметричные композиции из растительно-геометрических узоров, прежде всего цветущих побегов, бутонов и раскрытых цветов. В центре композиции по вертикальной оси обычно представлено сложное полиморфное изображение: многолепестковые цветы, дерево и, что особенно важно, антропоморфные фигуры, часто повторенные два-три раза, одна над другой. Трудно в наши дни понять глубину смысла этих вышитых узоров, но очевидна их древняя магическая сущность¹²⁶.

Как считают многие поморские жители, донца (их часто называют «кружок») вышивались «в стары-стары времена...», и изготавливались они в том числе и домашним способом¹²⁷. В описаниях 1785 г., сделанных Н. Озерецковским, упоминается, что монастырские женщины (монастырь Лекса), которых называли белянками, вышивали золотом и серебром башмаки, перчатки, повойники и шапки на продажу. Занимались этим они зимой наряду с прядением и ткачеством¹²⁸.

¹²⁴ Начало изготовления волооченой и пряденой золотой нити в России относится к XVI–XVII вв., но в основном до XVII столетия включительно ее привозили из стран Западной Европы через Новгород и Архангельск. Значительное развитие крестьянской золотошвейной вышивки следует связывать с распространением в XVIII в. отечественного производства пряденой золотой и серебряной нитей. Материалом для вышивки были металлические золотные нити: «золото волоочное» – тончайшая серебряная и золоченая проволока; «золото пряденое» – шелковая или льняная нить, перевитая тончайшей проволокой; «золото сканое» – шелковая или льняная нить, перевитая тонкой серебряной, часто позолоченной проволокой. В XIX – нач. XX в. нити изготавливали на бумажной основе, обернутой тонкой металлической, чаще всего медной, проволокой, позолоченной и посеребренной. Использовали также бить – расплюснутую тонкую проволоку и канитель – бить, свитую трубочкой или спиралькой.

¹²⁵ См.: Яскеляйнен Е. И. Женский... С. 106.

¹²⁶ Там же. С. 107–108.

¹²⁷ Истории нескольких коллекционных повойников из Поморья сохранили имена их владельцев-изготовителей. В библиотеке музея «Кижы» в альбоме Управления по делам архитектуры при Совете Министров КФССР: Бытовая роспись. Золотошвейные изделия. Петрозаводск, 1950 находятся рисунки в натуральную величину с изображением повойников, два из них точно датированы и сохранили имена мастериц: 1865 г. Юшкова из с. Сорока; 1900 г. Михалева из с. Сумский Посад.

¹²⁸ Озерецковский Н. Я. Путешествие по озерам... С. 177.

Как правило, донце повойника по сравнению с очельем значительно больше не изнашивалось и в дальнейшем могло пришиваться к новому убору. Донце могло быть подарком невесте во время вечерины в канун венчания (с. Нюхча) от своей будущей свекрови наряду с платком и мотком золотных ниток для вышивания узора на повойнике («цепки золота»)¹²⁹. На налобную часть повойников (м. н. «очелье») требовалось полметра ситца, которым невесту также одаривали знакомые¹³⁰.

В очерке о кустарной промышленности в Поморье 1912 г.¹³¹ особо выделяются золотошвейные женские ручные работы, названные наряду с кружевными и вышивальными. По утверждению автора, это ремесло в Поморье существует с незапамятных времен. Вышитые золотом по бархату и шелку изделия, по преимуществу «кружки», имели сбыт лишь на внутреннем рынке, а за границу почти не экспортировались¹³².

Повойники плотно сидели на голове благодаря стягивающим завязкам и уложенным надо лбом косам. Этому же способствовала и узкая лента из бархата (м. н. «бархотка»), как правило, черного цвета, 2–3 см шириной, с застежкой сзади на крючки, которую надевали на лоб, под повойник. При этом бархотка должна была несколько выступать из-под головного убора¹³³. Но и это был еще не полный убор. Дополнительно повойник укреплялся на голове шелковой косынкой, свернутой в виде полосы так же, как и в девичьей повязке. Эта косынки была несколько шире девичьей, т. к. ею старались полностью закрыть очелье повойника, оставив при этом открытым донце. Как и в девичьей повязке, концы косынки перекрещивались сзади, проводились вперед и закреплялись надо лбом различными способами. Это могли быть प्रदेशные через кольцо и украшенные брошками бантики, которые крепились при помощи булавок¹³⁴. Сверху на косынку надевались «жемчужные нитки» («бус», «жемчуг», «перо») (фото 9).

Внутри повойников, прямо по вертикали по центру (надо лбом) пришивалась или прикалывалась вставленная т. н. тычка, тычок – свернутая туго, в виде брусочка, бумага или ткань. За счет нее верх повойника получал «треугольное», острое завершение (см. фото 4б,в; 5). Такой повойник называли «угловой». По свидетельствам жителей Поморья, кроме таких «угловых» с косынкой и «жемчугом» повойников носили и «прямые» или «круглые» повойники. Они были «накруговую» все украшены вышивкой мелким, часто разноцветным бисером¹³⁵. На фотографиях кон. XIX – нач. XX в. можно увидеть на поморских женщинах такие головные уборы.

¹²⁹ Русская свадьба Карельского Поморья... С. 31.

¹³⁰ Там же. С. 21.

¹³¹ Дуров И. Несколько слов о кустарной промышленности в Поморье // ИАОИРС. 1912. № 24. С. 1115.

¹³² Там же. С. 1116.

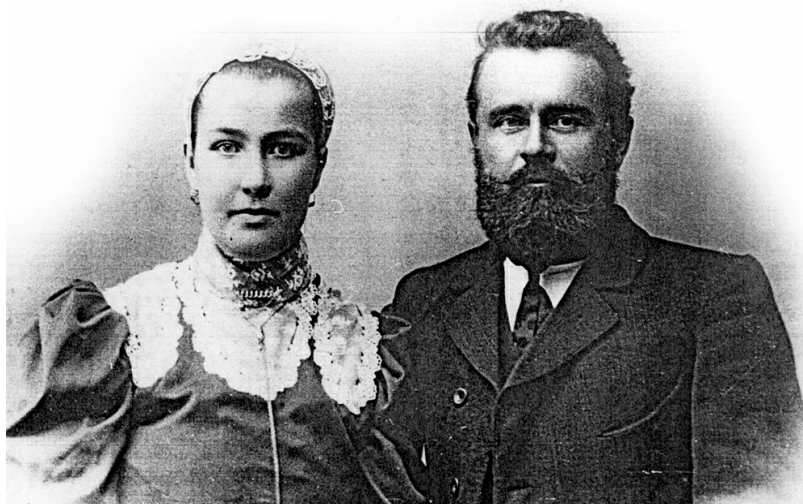
¹³³ Эксп. дн. Яскеляйнен Е. И., 1991, 1994, 1995 гг., Лапино, Сумпосад, Беломорск.

¹³⁴ Там же. 1991 г., д. Лапино, инф. Н. П. Позднякова.

¹³⁵ Там же. 1995 г., Беломорск, инф. Р. И. Соколова. С. 34.

а

б

*Фото 9а,б. Поморские женские головные уборы из с. Шуерцкое.
Фонды музея «Кизи»*

Праздничные головные уборы девушек и женщин бытовали в Поморье еще в 1930-х годах, в послевоенное время уже не использовались и надевались «только любителями». Хорошо помнят шуеречане поморскую женщину из Кемь, которая в 1950–1960-е годы приезжала

в село на праздник Параскевы Пятницы «вся в наряде», в том числе и в полном головном уборе¹³⁶.

Кроме специально сшитых, описанных выше головных ubоров, до сих пор повсеместно распространены в Поморье разнообразные покупные платки и шали. У каждой женщины «в покруте» (наряде, одежде) было много атласных, гарусных, ситцевых платков, косынок и шалей. Платки были не только головными, их носили и наброшенными на плечи. Они могли надеваться поверх повойника, несколько одновременно – один на другой и повязываться по-разному. В 1995 г. в с. Сорока на о. Ковжино старушка, собираясь на службу в церковь, прежде всего убрала волосы – «накрутила покорешек» (своеобразный шнурочек), обвив им голову дважды. Сверху надела черную «бархотку», связав ее концы сзади тоненькими завязочками на бантик, поверх бархотки – небольшой тонкошерстной клетчатый серо-оливковой расцветки платок – концами назад, «шапочкой» (как чепец), а сверху – еще один черный тонкий гарусный платок с кистями, завязав его узлом под подбородком. Поверх всего (на улицу) – большой серый пуховый платок. Та же женщина, рассказывая о старинных нарядах, многократно упоминала о любимых поморками шалях: «больших, как ковры, с кистями – по полуаршина»¹³⁷.

Многие поморы рассказывают о том, как по-разному в селениях и деревнях относились к цветовому соотношению в наряде. Платок, косынка, шаль, ленты играли в этом не последнее значение. Сорочанки, сумлянки, по многочисленным свидетельствам, одевались с большим вкусом, ими были любимы светлые шелковые шали (бежевые, светло-коричневые), которые подходили для сарафанов любых цветов.

Таким образом, нужно отметить, что платок, шаль, косынка могли быть как самостоятельным головным убором, так и его составной частью. Постепенно вытесняя старинные головные ubоры, именно платок становится преобладающим убором девушек и женщин в первой половине XX в.¹³⁸

Все головные ubоры разделялись на будничные¹³⁹ и праздничные, при этом праздничные также различались между собой («большие», «свадебные», «выходные», «выездные» и т. п.) – аналогично другим частям костюма. Будничные ubоры были изготовлены из более простых фабричных х/б тканей (ситца, коленкора, миткаля и др.).

Особо нужно отметить головные ubоры староверческого населения Кемского Поморья. Традиционными были все те же косынки, платки, чепцы, повойники, бархотки, ленты. В девичестве носили опоясывающую голову перевязку (повязку) в виде косынки, перегнутой по ширине ленты. По рассказам жителей с. Шижня, в с. Сухом староверческая наставница

¹³⁶ Там же, с. Шуерецкое, инф. А. Ф. Зайкова. С. 11.

¹³⁷ Экспедиция 1995 г., Беломорск, Ольга Григорьевна Редькина, 1908 г. р. Эксп. дн. Яскеляйнен Е. И. С. 31, 33(об).

¹³⁸ См.: Яскеляйнен Е. И. Женский... С. 109.

¹³⁹ В коллекции музея нет будничных поморских головных ubоров.

Фекла «... всю жизнь, лет до 70, носила узенькую косыночку на голове, не очень яркую, шелковую» – девичий головной убор, т. к. никогда не была замужем¹⁴⁰. О подобном же рассказывали и в с. Шуерецкое: «... прическа у тети, которая Богу посвятила всю свою жизнь (т. е. староверки. – Е. Я.), была, как у старой девы, – не плела косы, а обводила голову «бархоткой», повойник не носила никогда»¹⁴¹.

Новоженки (женщины замужние, недавно присоединившиеся к старой вере, «не прошедшие всего искусства, не вникшие во все правила соглашения»¹⁴²), могли надевать повойник¹⁴³. В пожилом возрасте женщины-староверки завязывали на голове платок «шапочкой». Как говорили нам в Поморье, только вдова, которая жила отдельно, становилась «настоящей староверкой». Она уже никогда не надевала золотного повойника, основным головным убором для нее был платок¹⁴⁴.

Платок надевался староверками особым образом – «на покровку». Он перегибался с одной стороны «по кромке», при этом два угла скреплялись под подбородком, а два других угла оказывались в развернутом виде на спине. Платки попроще завязывались под подбородком в узел, а нарядные шелковые закалывались булавками. На праздничные службы надевали более красивые платки, причем для каждого большого праздника платок мог быть особый. «Выходные», «выездные» (в дорогу) платки были очень большими, ткаными из шерстяных, шелковых нитей, орнаментированными узорами и с длинными кистями¹⁴⁵. На ежедневные моления, чтобы избежать жары, надевали легкие сатиновые или шелковые платки темных цветов: черные, коричневые, бордовые и др. Ярких платков не использовали.

Таким образом, головной убор староверок традиционно сохранял свой знаковый характер, указывая на возраст и семейное положение женщины.

Мужской костюм жителей Олонецкой и Архангельской губерний, в отличие от женского, видимо, значительно раньше, уже в первой половине XIX в., попадает под сильное влияние городской моды. Кроме того, мужской народный костюм всегда был более однотипен, чем женский, как в старых, так и в новых своих видах.

В музее «Кижи» коллекция мужской одежды и головных уборов значительно меньше, чем девичьей и женской. Поморский мужской костюм

¹⁴⁰ Эксп. дн. Яскеляйнен Е. И., 1994 г., с. Шижня, инф. Демьяновы.

¹⁴¹ Там же. 1995 г., с. Шуерецкое. С. 20 (об).

¹⁴² Максимов С. Год на Севере. С. 269.

¹⁴³ В коллекции музея есть несколько повойников именно из староверческих поморских семей.

¹⁴⁴ Яскеляйнен Е. И. Коллекция... С. 10.

¹⁴⁵ Там же. С. 9. Нужно иметь в виду, что платки были в основном покупными, фабричного изготовления. В коллекции музея есть большой черный гарусный платок с кистями, орнаментированный каймой из шелковых черных нитей в технике букле. Предмет происходит из Сумского Посада, принадлежал семье староверов, Ф. Королькова (?–1914), поступил вместе с костычем.

практически отсутствует, он представлен лишь единичными предметами одежды и обуви, а также такими дополнениями костюма, как, например, накулачник для шитья парусов, который во время работы надевался на ладонь.

В путевых очерках о Поморье 1890-х гг. находим следующие описания жителей Кемского уезда: «... поморы – народ гостеприимный, коренастый, здоровый, лица у них широкие и вечно красные, т. к. большую часть года они проводят на воздухе, на море. Летом мужчины носят картузы, пиджаки и кожаные сапоги, а во время промысла – бахилы и норвежские куртки-фужайки, зимою – валенки и тулупы»¹⁴⁶. Более подробное описание сделано А. Слезкинским (1896 г.), к уже упоминавшимся добавляются детали зимней одежды: «валенки, полшубки от собственных овец и на головы (надеваются. – Е. Я.) шарообразные шапки с длинными ушами из песцового или заячьего меха, умощенные для украшения разноцветными лоскутками. Во время сильных морозов, доходящих до 40° и более, вместо полшубка крестьяне надевают оленье сапоги (пимы) и оленье малицы (рубашки) и совики (рубашка с колпаком для головы)»¹⁴⁷.

В путевых очерках К. Случевского дается общая характеристика одежды поморских мужчин, которые надевали на промыслы «темные различнейших фасонов шапки, сапоги, лапти»¹⁴⁸. В книгах К. Случевского¹⁴⁹ и А. Энгельгардта (1897 г.)¹⁵⁰ представлены рисунки и фотографии, запечатлевшие одежду поморов.

Собственные полевые записи также представляют подобную одежду: «в море выходили: была брезентовая одежда, проолифеная, чтоб дождь не проходил... Штаны и бушлат (как пиджак) – парусный материал. Сапоги яловые из своей кожи, сами шили... Носки и рукавицы: тягловы (ярус тянуть), шерстяные толстые, наверх кожаные...»¹⁵¹ Такая одежда изображена на рисунке «Типы поморов» в книге К. Случевского¹⁵²: два рыбака, вероятно, в брезентовых штанах с высокой грудью, на широких лямках, и, видимо, в такой же брезентовой верхней одежде (типа пиджака). На головах – картузы, на шее – шейные шарфы, платки.

На другом рисунке трое промысловиков одеты в вязаные свитера и брюки, заправленные в кожаные сапоги, на головах – картузы, у одного – шапка с меховым отворотом¹⁵³. Свитер на одном довольно длинный, на других – до талии, причем из-под свитеров виден длинный подол светлых рубах. Рубахи не заправлены в штаны, а надеты

¹⁴⁶ Энгельгардт А. П. Русский Север. С. 46.

¹⁴⁷ Слезкинский А. Промыслы беломорского населения. СПб, 1896. С. 61.

¹⁴⁸ Случевский К. По Северу России. С. 48.

¹⁴⁹ Там же. С. 50, 52.

¹⁵⁰ Энгельгардт А. П. Русский Север. С. 46, 131.

¹⁵¹ Эксп. дн. Яскеляйнен Е., 1994 г., февр., с. Деревянка, инф. Г. И. Елисеев. С. 7–8.

¹⁵² Случевский К. По Северу России. Рис. на с. 50.

¹⁵³ Там же. С. 52.

навыпуск. На снимках в книге Энгельгардта – поморы в зимних меховых одеждах: в малицах и совиках, на ногах пимы¹⁵⁴. На другой фотографии поморы и поморки изображены на «посолке и укладке трески». Поверх верхних (видимо, суконных) одежд надеты длинные поясные передники с завязками на спине. На головах у мужчин в основном картузы, у женщин платки¹⁵⁵.

У ловцов жемчуга¹⁵⁶ также существовало «нечто вроде особого одеяния»¹⁵⁷. Хотя эта одежда и не описана в книге Случевского, но приведен рисунок, изображающий ловца жемчуга, позволяющий рассмотреть детали его костюма. Мужчина средних лет, с бородой и усами, одет в шерстяной вязаный свитер с длинными вышитыми рукавами (линия плеча спущена) и с косым разрезом ворота слева. Вязание узорное, при этом видно, что вязка (в верхней части по крайней мере) – в довольно широкую резинку. Рисунок узора: широкие горизонтальные полосы в верхней части и мелкие, расположенные в шахматном порядке клетки в нижней части одежды. Брюки, вероятно, из кожи. На поясе подвешен нож в ножнах и мешочек (холщевый или кожаный). На ногах кожаная обувь. На голове темная шапка без полей с плоским верхом.

В селениях Поморья шили также и «своедельную» (домашнего изготовления) одежду – кафтаны из домотканого черного или темно-серого сукна. Надевали их на рыбалку, говорили: «одень кафтан, дак не холодно будет...»¹⁵⁸

Одежда, которую носили поморы вне промыслов, была совсем иной. Как повсеместно вспоминают в Поморье, одевались мужчины «по норвежскому фасону»: «худобедно у каждого был костюм, рубашки, карманные часы с двумя крышечками, со звоном...»¹⁵⁹ Описание праздничного костюма молодых парней на поморской вечеринке приводится в очерках начала XX в.: «Возле самых дверей у поперечного воронца тесной группой стоят парни ... в легких летних пиджаках, из-под которых виднеются вязаные норвежские рубашки и вывязанные в виде галстука на шее шелковые платки – кашне»¹⁶⁰. На многочисленных фотографиях кон. XIX – нач. XX в. поморские мужчины в костюмах-тройках с жилетами и пиджаками, с манишками, воротничками, шейными косынками,

¹⁵⁴ Энгельгардт А. П. Русский Север. С. 46.

¹⁵⁵ Там же. С. 131.

¹⁵⁶ Добыча жемчуга в Поморье с XV–XVI вв. являлась традиционным промыслом и в кон. XIX – нач. XX в., по мнению С. Максимова, еще не потеряла своего значения. Но лов этот «не составляет исключительного занятия всех жителей», большинство из которых «не дают этой отрасли промыслов особой доли участия и внимания» (Максимов С. Год на Севере. С. 258–259).

¹⁵⁷ Случевский К. По Северу России. С. 30.

¹⁵⁸ Эксп. дн. Яскеляйнен Е. И., 1994 г., с. Деревянка, инф. Г. И. Елисеев. С. 4; 1991 г., д. Лапино, инф. Н. П. Позднякова. С. 27.

¹⁵⁹ Там же. 1994 г., Сумский Посад, инф. П. И. Андронов. С. 40.

¹⁶⁰ Цейтлин Г. Поморская вечеринки... С. 29.

платками или галстуками; брюки обычно заправлены в высокие кожаные сапоги, реже опущены поверх ботинок; на голове шляпы различных фасонов или картузы; обязательны часы на цепочках, различные украшения в виде запонок¹⁶¹, колец, перстней и заколок для галстуков и воротничков (фото 10; 11а,б; 12).

Наиболее древней частью мужского славянского костюма была **рубаша**. Особенностью русской одежды, как считают исследователи, была т. н. косоворотка – туникообразная рубаша с разрезом для головы на левой стороне груди. Д. Зеленин датировал появление такой рубашки не ранее XV в.¹⁶² Более старой разновидностью общеславянской рубашки, возможно, была туникообразная с разрезом посредине груди. В XIX в. у русских крестьян она уже встречалась очень редко. В поморских селах часто упоминают именно такие рубашки. Бытовали рубашки без воротников (более древний тип) и косоворотки со стоячим воротником. Особенностью кроя рубах было наличие ластовиц – вставок под мышками из 4-угольных, реже 3-угольных кусков материи. Рукава могли быть прямые или с манжетами. Нередко рубашки шились «на подплеке», т. е. подшивались с изнанки полотном на груди и спине от плеча до пояса.

Рубашки подпоясывались поясками и кожаными ремнями. Старинные рубашки были длинными, они обязательно подпоясывались и носились поверх штанов. С костюмами тройками рубаху заправляли в брюки, сверху надевали жилет и пиджак.

Верхняя одежда мужчин разнообразна. По покрою она делится на несколько видов. Специально сшитой верхней рабочей и дорожной одеждой были кафтаны, тулупы и полушубки. Кафтан изготовляли часто из домашнего сукна, распашным, с застежкой на пуговицы, с длинным вшивным рукавом, с воротником (стойкой или отложным), а также часто с карманами.

В свадебных величальных песнях, записанных в Поморье, упоминаются «кафтаны синия, кушаки камзотовыя...»¹⁶³ Очень красиво и точно описывается крой праздничной одежды для жениха:

*Да вы берите голубое сукно, да ееехи,
Да вы раскроите на Ивана пальто, да...
Чтобы то пальто не долго было, да...
Да чтой не долго, не коротенько...
Да по подолу раструбисто,
Да на коня скакать легошенько,
Да со коня хорошоохонько¹⁶⁴.*

¹⁶¹ В фондах музея хранится коллекция запонок для мужских воротничков и манжет из с. Сумский Посад.

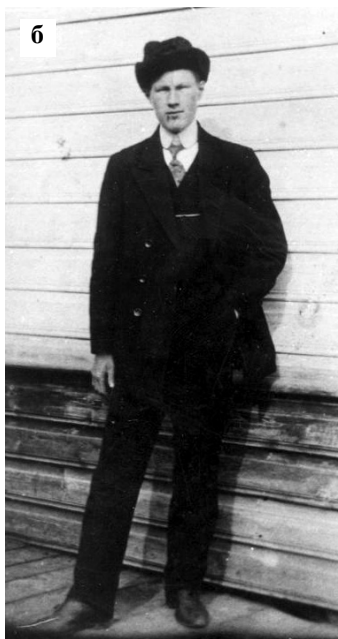
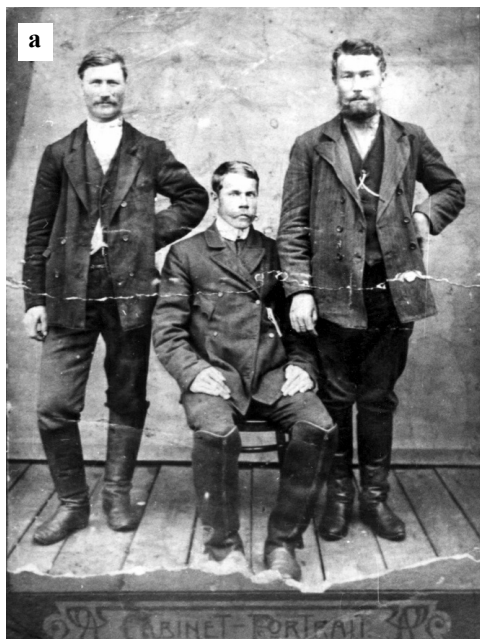
¹⁶² Зеленин Д. Восточнославянская этнография. С. 224.

¹⁶³ Русские народные песни Карельского Поморья. С. 116.

¹⁶⁴ Там же. С. 116. № 153 (зап. в с. Гридино).

*Фото 10. Поморские мужчины: кон. XIX – нач. XX в. Село Шуерецкое
Фонды музея «Кижь»*

*Фото 11. Поморские мужчины: кон. XIX – нач. XX в.
а) д. Лапино. КП-3841. От Н. Поздняковой; б) мужчина из Колежмы.
КП-3840. От Н. Поздняковой. Фонды музея «Кижь»*

Фото 12. Поморские мужчины: кон. XIX – нач. XX в. Село Шуерецкое
Фонды музея «Кижы»

В середине XIX в. мужской одеждой также была сибирка – длинный двубортный сюртук, отрезной по талии, с небольшим отложным воротничком и отворотами¹⁶⁵.

Зимняя верхняя одежда изготовлялась из мехов, иногда покрывалась сверху фабричным сукном (полушубки, шубы и тулупы).

Мужчины-староверы, судя по свидетельствам информантов, в кон. XIX – нач. XX в. также носили костюмы «по норвежскому фасону». Старая традиция сохранилась в наличии специальных молельных кафтанов «полушубков», бытовавших еще и в первой трети XX в. Они были темных цветов, с раскошенным подолом, длинные¹⁶⁶. В с. Шуерецкое старожилы помнят старовера Михайло Ивановича, который «все ходил в ситцевом черном кафтане до пят...»¹⁶⁷

В число особых ритуальных предметов, в определенное время дополняющих костюм староверов Поморья и являющихся неотъемлемой его частью, входили **лестовки** – четки для подсчета молитв и поклонов и **подруч(с)ники** – простеганные на вате плоские подушечки или коврики, которые во время молений подкладывались на пол или на скамеечку, потому что не допускалось отбивать поклоны, касаясь

¹⁶⁵ *Корицунова Т. Г.* Костюм в России XVIII – нач. XX в. из собр. ГЭ. Л., 1979. С. 15.

¹⁶⁶ Эксп. дн. Яскеляйнен Е. И., 1994 г., Беломорск, инф. О. Г. Редькина.

¹⁶⁷ Там же. 1995 г., с. Шуерецкое, инф. А. Савин. С. 7, 11.

лбом земли или пола. Они были необходимы для староверческих молений (см. прил.).

К дополняющим костюм частям относятся обувь, рукавицы и носки. Основными видами **обуви** в XIX – первой пол. XX в. в Поморье были сапоги, валенки, пимы, ботинки, поршни и туфли-ступни. В качестве материала для их изготовления использовали шкуры животных, дубленую кожу, реже мех, а также шерсть для валяния. Древнейшей следует считать кожаную обувь, «которую собственно не шьют, а закладывают складками, морщат, т. е. стягивают кусок кожи веревкой таким образом, что по бокам у него образуются сборки, морщины. Такую обувь привязывают к ноге длинной веревкой, название этой обуви – „поршни” (вероятно, из „моршни” от глагола „морщить”). Поршни в большинстве случаев делают из сыромятной кожи, с одним швом на носке или на пятке. К ноге их привязывают ремнями или шнурами длиной до двух метров (рус. „обора”, „оборка”). Оборы обвивают вокруг голени до самого колена»¹⁶⁸. Многократно в экспедициях по Поморью приходилось слышать о поршнях (Сумский Посад, Шуерецкое, Беломорск, Лапино и др.), которые носили повсеместно как обувь для сенокоса, для ходьбы в лес, на большие расстояния. Житель с. Нюхча сообщил, что такие поршни назывались «упаки». Изготавливались они из очень мягкой кожи, могли быть с голенищами¹⁶⁹. В коллекции музея «Кижы» имеются поршни из д. Сумостров. Сзади, на пятке, и спереди по бокам пришиты специальные ушки из кожи для длинных шнурков.

Кожаные сапоги с высокими голенищами можно было носить круглый год. Голенища сапог были прямые, чуть расширенные сверху, со швом сзади по центру. Перед и задники сапог делались цельнокроенные. Подошвы и наборные каблуки были кожаные и могли состоять из нескольких слоев. Все детали низа крепились при помощи деревянных шпилек, а каблуки дополнительно могли подбиваться коваными гвоздями. Голенища сапог обязательно доходили до колен, длинные голенища праздничных сапог позволяли собрать их «гармошкой» ради щегольства. «Сапоги носили в трубочку, в гармошку»¹⁷⁰. Праздничные сапоги – «смазные» («купит батюшка смазные сапоги...»), т. к. их чернили – смазывали дегтем.

Особый вид промысловых сапог, широко распространенный в Поморье, – это «бахилы». Это т. н. выворотная обувь: «подметка пришивалась к сапогу изнутри, после чего весь сапог смачивали изнутри водой и выворачивали. Такие сапоги неминуемо получаются очень широкими и неуклюжими»¹⁷¹. В середине XIX в., по свидетельству С. Максимова, было «общее для всех жителей Белого моря прозвище „красными голенищами”, за то, что обычно носят они самодельные простые сапоги-бахилы (с круглыми носками и без ранта). Их не чернят; сшитые из нерпичьей

¹⁶⁸ См.: Зеленин Д. Восточнославянская этнография. С. 267.

¹⁶⁹ Эксп. дн. Яскеляйнен Е. И., 1994, запись в с. Деревянка, инф. Г. Елисеев. С. 9.

¹⁷⁰ Там же. Сумский Посад, инф. Андронов. С. 40.

¹⁷¹ Зеленин Д. Восточнославянская этнография. С. 267–268.

кожи, они в самом деле отгибают красноватым цветом, даже если оглядеть помора издали»¹⁷². Бахилы имели очень высокие голенища «четверти на две выше колена»; их можно было носить с отворотами или развернуть наверх по всей высоте ноги.

Зимой использовали валянную из овечьей шерсти обувь (валенки, катанки). Изготавливать их начали сравнительно недавно – в начале XX в.

Женщины в Поморье носили короткую кожаную обувь, т. н. ступни¹⁷³. Праздничной женской обувью в конце XIX – первой трети XX в. были разнообразные сапожки (валяные, на резиновой подошве) и кожаные ботиночки на шнуровке.

Повсеместно в Поморье как мужчины, так и женщины носили различные **рукавицы** («варежки»¹⁷⁴, «дельницы», «дельница»¹⁷⁵) и носки («чулки») ¹⁷⁶.

Рукавицы или варежки могли быть вязанными из шерсти, сшитыми из кожи или меха. Поморским мужчинам и женщинам для ловли рыбы при сильных ветрах и морозах незаменимы были промысловые вязанные из домашней овечьей шерсти (из серых, коричневых или черных нитей) «удебны рукавицы – одного сорта, «тягловы» рукавицы – другого сорта»¹⁷⁷. Именно в шерстяных рукавицах, по словам поморских жителей, удобно было вытягивать рыболовные снасти. «Ярус тянут – сила нужна: шерстяные, толстые рукавицы наденут, а наверх – кожаные; а кто бывало даже и кожаных не надевал, только шерстяные, тогда мягче руки...» Такие варежки «вязали с широкой резинкой, вывязывали ладошку». «Придешь с моря, сунешь их в кипяток: опять варежки мягкими становятся...»¹⁷⁸. Вязанные рукавицы назывались также «дельницы» («дернички»). Такое название встречаем у С. Максимова при описании обряда разлучения с девичьей повязкой (с. Шуерецкое), который приводит слова плача невесты: «матушка дернички сошила...» и в примечании объясняет, что это «вязанные шерстяные нарукавники – тепло в них рыбу ловить...»¹⁷⁹

Исследователи обращали внимание на то, что сваты в Поморье (как и во многих других районах северных губерний) приходили к родителям невесты в обычной одежде, но обязательно в больших рукавицах¹⁸⁰, при этом в с. Шуерецкое считали, что сват должен быть непременно в белых

¹⁷² Максимов С. Год на Севере. С. 322

¹⁷³ О них нам рассказывали многократно, в музее с. Шуерецкое хранится пара женских ступней.

¹⁷⁴ См. Эксп. дн. Яскеляйнен Е. И., 1994 г., Сумский Посад. С. 44, с. Деревянка, инф. Г. Елисеев. С. 8 и др.

¹⁷⁵ Дуров И. Очерки Кемского Поморья. С. 51; Максимов С. Год на Севере. С. 340.

¹⁷⁶ См. Экспед. дн. Яскеляйнен Е. И., 1994 г., Беломорск, инф. О. Г. Редькина. С. 5.

¹⁷⁷ Там же. 1994 г. Сумский Посад. С. 44.

¹⁷⁸ Там же. 1994 г., с. Деревянка, инф. Елисеев Г. С. 8.

¹⁷⁹ Максимов С. Год на Севере. С. 340.

¹⁸⁰ Об этом же нам рассказывали и в Беломорске: Экспед. дн. Яскеляйнен Е. И., 1994 г. С. 10; 1995 г. С. 27.

рукавицах¹⁸¹. При благословении жениха и невесты (когда они стояли, низко склонив головы, на коленях на шубе) родители невесты гладили дочь по спине шерстяной варежкой: «по спине протянут шерстяной варежкой, а невеста в ноги кланяется...»¹⁸². На разных этапах свадьбы жених и невеста, сваты и другие ее участники касались друг друга через предметы одежды (платок, рукав, полы), в том числе и через рукавицы. Обычай не касаться друг друга голыми руками в свадебном обряде, возможно, был связан с представлениями о том, что это могло сулить бедность (сравн. : «оголить»). Обернутая полый одежды или закрытая рукавицей рука (т. е. не голая) – символ богатства, изобилия¹⁸³. Видимо, рукавицы, помимо своего основного практического назначения, входили также в число магических предметов одежды, несущих в себе значение оберега.

Кроме вязаных, бытовали меховые рукавицы, а также кожаные («кожаные»), которые шились «с оленьей шкуры и использовались в переездах на лошадях»¹⁸⁴. Они были довольно короткими (до запястья) и широкими. Под кожаные рукавицы надевались шерстяные вязаные. Варежки с узорами вязали не все, а лишь отдельные мастерицы. Такие «выходные» (праздничные) рукавицы украшались узорами из нитей разных цветов. Для вязания использовали тонкие нити (норвежский гарус). По свидетельствам поморов, были мастерицы, которые вязали узорные рукавицы на заказ¹⁸⁵.

«Чулки» (м. н.) – высокие **носки** до колен, так же, как и рукавицы, были вязаными. Будничные вязались из шерстяных нитей домашнего изготовления, а праздничные – из гарусных. Традиционную для Поморья обувь – кожаные поршни – надевали именно на такие вязаные чулки («в мох за подснежной клюквой бабушка бегала: шерстяные чулки и поршни на ногах...»)¹⁸⁶.

Интересной деталью поморского староверческого костюма являлись сшитые из тканей **подвязки для вязаных чулок**. Подвязки украшались разноцветной ручной вышивкой, подобной вышивке на ручках-петлях молельных староверческих ковриков-подручников. Сами же «выходные» чулки вязались из темных гарусных нитей: коричневых, черных или синих¹⁸⁷.

Рассмотрев основные элементы народного костюма жителей Кемского Поморья, обратимся к его обрядовому, охранительному значению. Традиционная одежда использовалась вплоть до 1940-х гг. для выполнения раз-

¹⁸¹ Русская свадьба Карельского Поморья. С. 11.

¹⁸² Там же. С. 39.

¹⁸³ В гаданиях, если «почудится» коснулась рука голая – к бедному жениху, мягкая и волосяная – к богатому мужу и т. п.

¹⁸⁴ Эксп. дн. Яскеляйнен Е. И., 1994 г., Сумский Посад. С. 44.

¹⁸⁵ Там же. 1994 г., Беломорск. С. 5.

¹⁸⁶ Там же. 1994 г., Сумский Посад. С. 4.

¹⁸⁷ Там же. 1994 г., Беломорск. С. 5.

ных обрядов, а староверческая, как уже отмечалось, не потеряла своего значения и сейчас.

«Выйдут поморы в праздник на Троицу (с. Сорока) – красиво одеты, день солнечный: блестит все, особенно жемчуг на косынке...». «Девочки все в больших матерях, морямы отсвечивают; ремень с пряжкой, борок из шитья, ленточки красивые и брошки... – царица, царица...»¹⁸⁸ – такие картины рисуют нам в своих рассказах жители Поморья.

Мастерицами были все женщины, которые сами шили себе наряды: «спиночки-то все выкроены; борчики-то все собраны; бахромочка по подолу...»¹⁸⁹ «Сарафан и шаль, и ленты на рукавах должны соответствовать один другому...», «косынка – по лицу или по характеру должна быть»¹⁹⁰. «Какой сарафан, такой и борок, ленты... Если серенький – ленты серенькие, и такая же в косы ленточка. Сумляне были со вкусом...»¹⁹¹ Сумляне и сорочане иногда даже осуждали жителей других деревень: «а в Нюхче-то: красивый сарафан да голубая косынка...», «деревенцы ярко: желто да оранжево любили...»¹⁹², «одевались лучше всех сумляне и сорочане – все в тон; виремчане и нюхчане – хуже, все кое-как одевались...»¹⁹³

По большим праздникам в с. Сорока гулянья проходили у церкви: «кругом ходили метров восемьсот...»¹⁹⁴ «Часов в семь вечера (в Прощеное Воскресение) выходили старики кругом (так и называлось – „кругом“) с песнями давнишними... До 12 ночи ходили... Одеты все нарядно...» Особенно нарядно одевались днем в Масленичную неделю, когда катались на лошадах: «польта, шали шелковые большие, по полуаршина, повойники, девки – в косыночках, с жемчугом...»¹⁹⁵

Вплоть до 1930 – 1940-х гг. сохранялся этот обычай как среди молодежи, так и среди пожилых поморов: надевать определенный набор праздничной «досюльной» одежды на Масленую и Пасхальную недели, на Святки и некоторые другие праздники.

Одни из самых значительных событий жизни человека – свадьба, рождение ребенка и похороны. В древности венчальная одежда являлась также и смертной. Существовали и специальные, заранее приготовленные «на смерть» одеяния. В свадебной и смертной одежде преобладали архаичные черты, не принято было использовать новую, современного покроя одежду. «Наряд невесте мама дает, старый наряд... не шили новой (т. е. по новому фасону. – Е. Я.) одежды...»¹⁹⁶

¹⁸⁸ Эксп. дн. Яскеляйнен Е. И., 1995 г., Беломорск, инф. А. Л. Попова. С. 28–29.

¹⁸⁹ Там же. 1994 г., Сумский Посад, Е. Ф. Махилева. С. 29.

¹⁹⁰ Там же. С. 39, инф. Л. И. Андронов.

¹⁹¹ Там же. С. 29.

¹⁹² Там же. 1994 г., Беломорск. С. 9.

¹⁹³ Там же, с. Сумский Посад. С. 6.

¹⁹⁴ Там же. 1995 г., Беломорск. С. 27, инф. А. Л. Попова.

¹⁹⁵ Там же, инф. О. Г. Редькина. С. 31.

¹⁹⁶ Там же, инф. Р. И. Соколова. С. 11.

На разных этапах свадьбы происходила частая перемена одежд: «иногда меняют и весь костюм, из опасения, что на него во время венчания попал дурной глаз»¹⁹⁷.

Все восточные славяне в знак траура надевали в древности белую одежду, траурный черный цвет появился в селах сравнительно поздно – в нач. XX в.¹⁹⁸ В наши дни мало кто помнит об этой древнейшей символике белого цвета, и все же интересные высказывания о них нам приходилось слышать в Поморье. Например, в Сумском Посаде говорили о старинном свадебном наряде: «хороший наряд был – не то, что сейчас: как умершие – все в белом наряде...»¹⁹⁹

Заслуживает особого внимания традиция приготовления погребальных предметов, в том числе погребальной одежды. Во многих поморских семьях до настоящего времени сохранился такой обычай: пожилые женщины стараются при жизни подготовить себе т. н. тюч'очек с погребальными вещами – натальным медным крестиком; иконкой на намогильный крест; завязанной в лоскуток мелочью – для выкупа места на кладбище; сшитой «по-старому» одеждой; лестовками и подрусником. В состав «смертной» одежды входили: рубаха с длинным рукавом, «подрячник» – глухой широкоплечий (не на узких ляпочках) сарафан-костыч; чулки и тапки, сшитые из белой материи; саван из грубоватого белого полотна, длиною «по колену» – им закрывали полностью лицо. «Подрячник» шился по тому же крою, что и любой глухой сарафан. Подобные сарафаны в XX в. надевались старовеерами лишь на молитвы, «на отпев покойных» и во время постов²⁰⁰.

В экспедиции 1995 г. 90-летняя жительница с. Шуерецкое Е. И. Лезнева, обстоятельно рассказала нам о своей приготовленной «на смерть» одежде и показала хранящийся под кроватью сундучок, где и находились все погребальные предметы. В их числе мы увидели много одежды из белых тканей. В частности, там находились сшитая белая рубаха, сплетенный из белых х/б лоскутов тоненький поясик, множество различных платков на голову, «тканевая» лестовка и подрусник, а также теплые вещи (кофты).

Многие мужчины и женщины в Поморье, всю жизнь бывшие в православной вере, на старости лет, когда чувствовали близость смерти, переходили в староверчество. Об этом явлении как о массовом в Поморье XIX – нач. XX в. пишут исследователи. Объяснялось это поверьем,

¹⁹⁷ Цейтлин Г. Свадьба в Поморье. С. 16.

¹⁹⁸ Зеленин Д. Восточнославянская этнография. С. 355 и др.

¹⁹⁹ Эксп. дн. Яскеляйнен Е. И., 1994 г., Сумский Посад, инф. П. И. Андронов. 1922 г. р.

²⁰⁰ Там же, Беломорск, инф. О. Г. Редькина; 1995 г. инф. Л. А. Зайкова, с. Сумский Посад. В фондах музея г. Беломорска имеется «подрячник» из с. Сумский Посад, принадлежавший матери Л. А. Зайковой – Марфе Петровне Воробьевой (1909–1987 гг.), до 1939 г. проживавшей в староверческой обители в Пертозере, а затем – в Сумском Посаде (сведения, полученные в переписке с Л. А. Зайковой в 1995 г.).

«что тот, кто принимает старообрядчество перед смертью, попадает прямо в царство небесное, ибо старообрядчество – это самая угодная Богу религия»²⁰¹.

В отличие от будней, в дни церковных праздников и христианских постов одевались особо. Этот обычай сохранялся долгое время (до закрытия церкви в 1930-х годах). В Поморье он сохранился и в последующие десятилетия, особенно в среде старообрядцев. Как объяснили нам жители с. Шуерецкое, после того как разрушили или закрыли в селе церкви, люди «опять стали креститься, отпеваться «старушками» (по правилам старой веры), только делали это уже тайно.

Использование и даже изготовление в первой половине XX в. специальных староверческих молевальных одежд, таких как костычи, мужские и женские кафтаны-«полшубки», использование вплоть до последних дней подручников и лестовок, в т. ч. и погребальных, а также рубах, сава-на и пр. – яркое свидетельство сохранения старой традиции в поморском костюме. Это существенно отличает, на наш взгляд, поморские селения от современных русских деревень Заонежья и Пудожья.

Завершая вышесказанное, можно сделать некоторые выводы.

В XIX – нач. XX в. в Кемском Поморье мужская одежда изготовлялась в основном из фабричных тканей, при этом она часто покупалась готовой (костюмы-тройки, галстуки, шляпы, картузы, украшения, обувь) и, безусловно, находилась под влиянием городской моды. Особенностью же поморского мужского костюма явилось существование специальной промысловой одежды и обуви. Таким образом, в мужском костюме, более единообразном по сравнению с женским, территориальные и временные различия выражались довольно слабо.

Женский костюм Кемского Поморья XIX – нач. XX в. сохранил старинные виды народной одежды. К их числу можно отнести рубахи-долгорукавки²⁰² и архаичные по крою сарафаны-костычи, традиционный поморский головной убор девушек – перевязка с «жемчугом», замужних женщин – повойник с косынкой и также с «жемчугом», особые способы использования головных уборов староверами – платок «на покромку».

Можно назвать сложившиеся и широко бытовавшие в Поморье в кон. XIX – нач. XX в. комплексы одежды. В традиционный комплекс праздничной одежды для девушек и женщин входили сарафаны («шелковник», «матерья», «гарусник» и др.), которые надевали на белую сорочку с пышными рукавами. Дополнялись они широкими ремнями с пряжками, большими шелковыми шальями, заколотыми на шее брошками. Рукава сорочки иногда перевязывались лентами у локтя. Жемчужные нити, кольца, браслеты, цепочки-«часовики» дополняли костюм девушек и женщин.

²⁰¹ Цейтлин Г. Знахарство... С. 159.

²⁰² Хотя они и изготовлялись в основном из фабричных, а не домотканых материй.

Излюбленными как у молодых, так и у пожилых женщин были праздничные «пары» («парочки») из сарафана и кофты с фартуком и ремнем.

В староверческой среде Кемского Поморья сохранились специально сшитые моленные одежды – «полушубки» (как у мужчин, так и у женщин), а также изготовленные из тканей моленные предметы, дополняющие в определенное время староверческий костюм: это четки-«лестовки» и коврики-«подручники».

До сих пор сохранился и древний обычай самостоятельного изготовления смертной одежды и принадлежностей, в составе которых обязательны: долгорукавка, костыч, пояс, нательный крест, лестовка, подручник.

В настоящее время небольшие музеи, созданные руками местных энтузиастов в селах Сумский Посад, Шуерецкое, а также фольклорные группы поморских сел помогают сохранить наряду с другими видами народного творчества и изготовление старинных поморских костюмов. Сейчас среди фольклорных коллективов особо распространен традиционный костюм в виде прямого сарафана («матерья»), сорочки с «борком» и с лентами на рукавах, с шалью, заколотой брошками на груди, а также с традиционными головными уборами девушек и женщин.

Приложение

Молитвенные предметы, дополняющие костюм староверов Кемского Поморья (коллекция музея «Киж»)»

В число особых ритуальных принадлежностей, необходимых для староверческих молений, входили лестовки и подручник. Это были предметы, в определенные моменты оказывающиеся неотъемлемой частью староверческого костюма. Лестовки надевались на руку и перебирались пальцами левой руки во время счета молитв. Подручник также находился при молении в руке (благодаря его ручке-петле, надетой на руку) или «под челом» – при отбивании поклонов. Оба вида предметов выполнялись из тканей или кожи и орнаментировались в технике, традиционной для украшения народной одежды.

Лестовки («листовка», «лествицы») (фото 13), четки для подсчета молитв и поклонов, духовно означающие лествицу спасения, символизируют образ непрестанной молитвы. Их форма в виде круга (замкнутой лесенки) является символом вечности. Счетная часть лестовок составлялась из деревянных брусочков, обшитых кожей или тканью (символическое изображение свитков с молитвами). Нижние части лестовок богато украшались: выполнялись они из хорошо выделанных кож, бархата, орнаментировались вышивкой бисером и стеклярусом, дополненной канителью и блестками. Из рассказов поморских жителей следует, что лестовками из кожи могли пользоваться повседневно, а из светлого холста (или других светлых материй) без украшений – лишь во время погребения. Они хранились вместе с одеждой, приготовленной «на смерть».

Фрагмент кижской коллекционной лестовки кон. XIX – нач. XX в. из с. Шижня²⁰³ выполнен из бархата и орнаментирован вышивкой «в прикреп» с использованием стекляруса, канители и блессток. Полностью сохранившаяся лестовка из с. Шуерецкое²⁰⁴ сделана из материи без вышивки. Ее украшением является лишь обшивка краев нижней части шелковой лентой серого цвета. Вероятно, это были лестовки для молений в пост или для отпеваний, возможно, также, что их узор просто был утрачен со временем. В том же с. Шуерецкое нам удалось увидеть и очень нарядные лестовки, которыми пользовались до последнего времени. Хранились они в избе, под иконами²⁰⁵. «Эти лестовки перебирают, пролистывают... молитвы за всех читают... в гроб не кладут», – так рассказывала нам их последняя владелица. Счетная часть лестовок выполнена из узорной разноцветной гарусной тесьмы (желтых, черных и красных нитей) с нанизанным на нее рядами прозрачным бисером. Нижняя часть лестовок – из светлого голубовато-зеленого атласа, края ее обшиты розовой шелковой лентой, а вся поверхность орнаментирована вышивкой канителью, прозрачным розовым бисером и блестками. Мотив орнамента – цветущая ветвь.

Другой обязательной принадлежностью старOVERчерческого костюма был т. н. **подручник** («подрусник»). Это простеганная на вате плоская подушечка или коврик, который во время молений подкладывали на пол или на скамеечку, поскольку не допускалось отбивать поклоны, касаясь лбом земли или пола²⁰⁶. Упоминания об этом молитвенном предмете старове-

Фото 13. Лестовка из с. Шуерецкое, кон. XIX – нач. XX в. Пользователь – А. Е. Галанина. 1850–1960-х г. р. Фонды музея «Кижь»: КП-4443. От В. А. Галаниной, 1918 г.р.

²⁰³ Принадлежал старOVERчке А. А. Демьяновой (1882–1972 гг.), с. Шижня.

²⁰⁴ Принадлежала А. Е. Галаниной. Размеры: счетная часть 24×1, 2 см, общая длина 35, 5 см, наибольшая ширина 7 см.

²⁰⁵ См.: Эксп. дн. Яскеляйнен Е. И., 1995 г., с. Шуерецкое. С. 10–11 – архив автора.

²⁰⁶ 26 замечаний о старOVERках. Свящ. Петропавловский. Этнограф. сведения о Янгозерском погосте Повенецкого уезда. Рукопись 1855 г. // Д. К. Зеленин. Описание рукописей ученого архива Императ. Русского географ. общества. Петроград, 1915. Вып. 2. С. 923–924, 924; Экспед. дн. Яскеляйнен Е. И., 1994 г., Беломорск. 1995 г., с. Шуерецкое – архив автора.

ров можно найти, например, в сочинении 1785 г. Н. Озерецковского при описании Даниловского монастыря²⁰⁷.

В экспедициях нам удалось зафиксировать, что в поморских староверческих семьях до сих пор пользуются подручниками и включают их в состав погребальных предметов. Подручники XIX – нач. XX в. кижской музейной коллекции происходят из поморских сел Шуерецкое и Выгостров, а также из Беломорска (быв. с. Сорока). Они имеют вид простеганных на вате ковриков или плоских подушечек прямоугольной или квадратной формы²⁰⁸. Два из них выполнены в технике лоскутного одеяла, с лицевой стороны имеют «поля» и центральную часть, составленные из разноцветных лоскутов различной формы: прямоугольников, квадратов, треугольников. Подручники из с. Шуерецкое имеют вид плоских ковриков. Лицевая сторона одного из них выполнена из шерстяной материи и орнаментирована разноцветной вышивкой растительного характера в технике крест на темном фоне, а также инициалами. Другой подручник не орнаментирован, а просто сшит из разноцветной пестрой материи. Несмотря на отсутствие украшений, лицевая сторона хорошо определяется: она сшита из фланелевой ткани с крупным цветочным рисунком в коричнево-желто-зелено-сиреневой гамме, в центре ее на высоте около семи сантиметров расположена петля-вешалка (9,5×1,7 см). Обратная сторона этого подручника выполнена из белофонного ситца в мелкую зеленую клеточку. Лицевая сторона подручников должна была хорошо выделяться, т. к. важно, чтобы их обратная сторона, которая касается пола во время молений, случайно не оказалась «под челом». Поэтому лицевая сторона подручников всегда украшалась.

На подручниках обязательно нашивались небольшие петли-вешалки, при помощи которых их можно было повесить на стену после моления. Обычно это было место над кроватью или рядом с иконными полками. Иногда (особенно на плотных, простеганных подручниках) на лицевой стороне нашивалась ручка-петля, в которую можно было просунуть руку, чтобы в ходе моления поднимать и опускать подручник. На ручке часто вышивались инициалы владельца. Подручники без такой ручки-петли перед молением могли находиться («затыкаться») за поясом. Особая ценность одного из подручников (фото 14) кижской музейной коллекции состоит в том, что О. Г. Редькина, передавшая его в дар музею, помнила рассказ своей бабушки (владелицы) почти о каждом лоскутке, использованном при его шитье: от какой именно одежды были взяты эти кусочки и какой была эта одежда. Этот небольшой предмет позволяет нам представить образ староверческой наставницы Анны Иосифовны Мешковой, когда-то жившей на острове Ковжино, в с. Сорока. При ближайшем рассмотрении предмета, оказалось, что внутри верхнего

²⁰⁷ Озерецковский Н. Я. Путешествие по озерам... С. 174.

²⁰⁸ Размеры подручников кижской коллекции варьируют в пределах от 30 до 45 см.

подручника находится другой, видимо, более старый. Внутренний подручник похож по манере исполнения и орнаменту на подручник из с. Шуерецкое – темный шерстяной коврик, украшенный вышивкой в виде цветущей ветви. Видимо, когда старый подручник износился, сверху его обшили вновь.

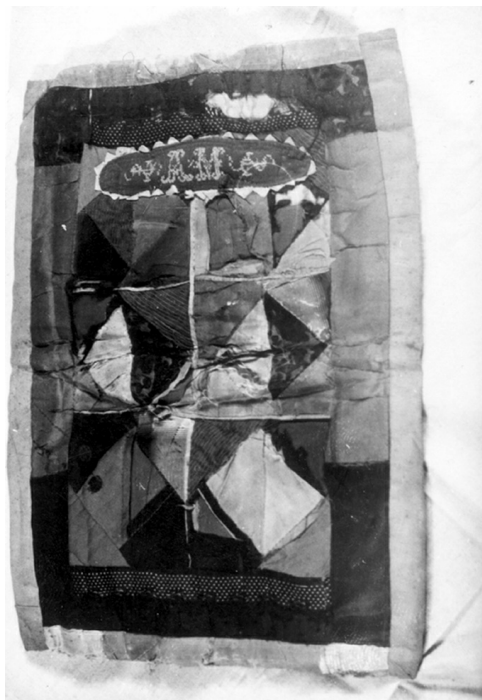

Фото 14. Подручник из с. Сорока, о. Ковжино.

Пользователь – А. И. Мешкова, прибл. 1845 г. р.

Фонды музея «Кижы»: КП-4353. От О. Г. Редькиной, 1908 г. р.

В целом для подручников из коллекции музея «Кижы» можно выделить следующие общие черты: близкая к квадрату или прямоугольнику форма; использование разнообразных фабричных тканей, в том числе и богатых шелковых (муар, тафта), бархатных, «рытого бархата» и др., а также шерстяных, ситцевых; шитье лоскутом и орнаментирование разноцветной вышивкой (часто встречающийся мотив – цветущая ветвь); наличие небольших петель-вешалок по краю подручников; наличие плотных ручек-петель, иногда с вышитыми на них инициалами владельцев.

Л. В. Трифонова

**ОДЕЖДА РУССКИХ ПОВЕНЕЦКОГО
И ПЕТРОЗАВОДСКОГО УЕЗДОВ
ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ**
(по материалам «Этнографической экскурсии»
М. А. Круковского¹)

В фондах Российской Национальной библиотеки в Санкт-Петербурге хранится фотоархив этнографа М. А. Круковского², датируемый 1899 годом. В этом году исследователь посетил несколько уездов Олонецкой губернии. Помимо районов проживания карел, он побывал также в районах проживания русского населения: Повенецком и Петрозаводском уездах. В Повенецком уезде М. Круковский обследовал деревни, расположенные по тракту Повенец – Пудож, и территории, прилегающие к озеру Выгозеро и реке Выг, в Петрозаводском уезде – заонежские селения Толвуйа, Шитики, Лебещина, Вегорукса, Толгуба. На основании фотографий, сделанных этнографом, можно составить общее представление о костюме различных социальных слоев русского населения Петрозаводского и Повенецкого уездов. Костюм Петрозаводского уезда представлен 13 фотографиями³, Повенецкого – 32⁴.

Знакомство с фотоматериалами М. Круковского позволяет сделать вывод о значительном сходстве крестьянского костюма у различных этнических групп населения, проживавших на территории Олонецкой губернии. Как и у карел, основу повседневного мужского

¹ Данная статья является продолжением работы над материалами М. Круковского. Первая статья «Традиционный костюм южной Карелии конца XIX века, по материалам «Этнографической экскурсии» М. А. Круковского напечатана в «Кижском вестнике» № 6 за 2001 год.

² Российская Национальная библиотека. Отдел эстампов. Э АЛ ЭТН 63 // 3-K221/1; Э АЛ ЭТН 63 // 3-K222/2; Э АЛ ЭТН 63 // 3-K222/3 (*Круковский М. А.* Этнографическая экскурсия. Виды и типы Олонецкой губернии). В музее-заповеднике «Кижы» хранится часть коллекции М. Круковского: НВФ-13581 Дубль негативы: 2–6, 13–44; НВФ-13623/29–33.

³ 95/2; 96/2; 73/2; 7/3; 8/3; 9/3; 10/3; 11/3; 45/3; 57/3; 59/3; 60/3; 61,3. (Далее для удобства пользования разделы «Экскурсии» будут обозначаться арабскими цифрами 1, 2, 3. В числителе – раздел «Экскурсии», в знаменателе – № фотографии.)

⁴ 60/2; 60a/2; 65/2; 66/2; 94/2; 95/2; 101/2; 102/2; 105a/2; 1a/3; 45/3; 46/3; 47/3; 48/3; 49/3; 50/3; 51/3; 52/3; 54/3; 56/3; 58/3; 62/3; 63/3; 64/3; 65/3; 66/3; 67/3; 68/3; 69/3; 70/3; 71/3; 72a/3; 72b/3; 73/3.

костюма русского населения Заонежья и Повенецкого уезда составляли рубаха и порты. В осенне-зимний сезон представители различных возрастных групп населения носили порты темного цвета, летом люди зрелого и пожилого возраста (от 40 до 70 и старше) предпочитали носить светлые холщовые порты. Порты могли быть шиты из полосатого домотканого холста. Традиционно они заправлялись в сапоги со сборами. Носили порты с рубахой-косовороткой прямого покроя с приспущенным плечом и рукавом на манжете. Расцветка – горошек⁵, клетка⁶, полоска⁷, диагональ⁸. Иногда рубаха дополнялась жилетом⁹ или шейным платком¹⁰. Для тепла надевали вязаные фуфайки. Образец такого изделия запечатлен на крестьянине из заонежской деревни Лебещина (фото 1). Фуфайка вывязана чулочной вязкой, без воротника, с разрезом с левой стороны ворота, как у косоворотки, и с застежкой на одну пуговицу¹¹. Длинная прямого покроя вязаная фуфайка надета на девяностолетнем старике из д. Данилово (фото 2)¹². Ниже талии она обвязана широким несколько раз обведенным вокруг туловища кушаком. В прохладную погоду крестьяне носили пиджаки: чаще всего двубортные с отложным воротником¹³ или воротом-стойкой¹⁴. Воротник и полы пиджака были, как правило, отстрочены¹⁵. В холодную погоду одеждой представителей различных социальных слоев общества (крестьяне, священники, учителя) был однобортный кафтан¹⁶ с воротом в виде шали¹⁷ или стойки¹⁸, из темного домашней выделки сукна. Разновидностью кафтана была кафтанушка – летняя льняная распашная одежда. На фотографии, запечатлевшей семью рыбака из повенецкой деревни Рубцово, в такую кафтанушку облачен старик лет 60 (фото 3)¹⁹.

Во время сенокосных работ мужчины могли носить старую, поношенную одежду с заплатами²⁰, в период тяжелых работ, требовавших большой физической отдачи, могли работать распоясанными, что в крестьянском быту встречалось крайне редко. Во время работ в лесу обязательно

⁵ 3/1; 3/58.

⁶ 3/46; 3/47; 3/49.

⁷ 3/58.

⁸ 3/8.

⁹ 3/1; 3/58.

¹⁰ 3/48; 3/49; 3/10.

¹¹ 3/45.

¹² 3/49.

¹³ 3/10.

¹⁴ 3/8.

¹⁵ 3/47; 3/50; 3/51.

¹⁶ 1/95; 2/73; 3/46; 3/53; 3/54.

¹⁷ 3/53; 3/54.

¹⁸ 3/46.

¹⁹ 3/58.

²⁰ 2/101; 2/102.

надевали рукавицы²¹. Одежда представителей волостных властей, выбранных из крестьян, ничем особенным, кроме нагрудных знаков, не отличалась. Волостной старшина, староста, сборщик податей и сотский из Толвуи одеты традиционно – в двубортные пиджаки, порты, войлочные шляпы (фото 4)²². Костюм волостного писаря из Толвуи состоит из полосатых штанов, рубахи, пиджака, шейного платка и сапог²³. Лесной объездчик из Толгубы Петрозаводского уезда одет в суконный кафтан, на голове каракулевая шапка с суконным верхом, на груди знак объездчика (фото 5)²⁴.

Самым распространенным головным убором русских крестьян Повенецкого уезда и Заонежья был картуз²⁵. Представители сельской интеллигенции носили летом соломенные и фетровые шляпы с полями и лентой вокруг тульи. Такая шляпа дополняет облик священника Койкеницкого погоста Повенецкого уезда (фото 6)²⁶. Соломенную шляпу с полями мы видим на фотографии земского учителя Выгозерского училища (фото 7)²⁷. Зимой и поздней осенью крестьяне предпочитали носить валяные шляпы различных фасонов (фото 8) или шапки типа ермолки²⁸. Такая шапка на старике из д. Данилово²⁹. Прически крестьян однотипные – в скобку на прямой или косой пробор. Неотъемлемая деталь внешности – окладистая борода.

Мальчики на территории Заонежья и Повенецкого уезда, начиная с 5–6 лет, одевались, как взрослые мужчины, причем рубашку могли носить с жилетом и шейным платком³⁰. Расцветка портов могла быть различной: темной, светлой, полосатой³¹. Материал – холст домашней выработки. Самый популярным детским головным убором, как и у взрослых, был картуз³², на втором месте – войлочные валяные шляпы³³. В качестве верхней одежды в холодное время года мальчики носили кафтаны³⁴. На одной из фотографий (фото 9)³⁵ кафтан на мальчике 7–8 лет сшит из светлого сукна, полы и отложной воротник обшиты темной тесьмой. Одежда маленьких детей от полутора до четырех лет летом состояла из одной

²¹ 3/49.

²² 3/3; 3/11.

²³ 3/10.

²⁴ 3/9.

²⁵ 2/102; 3/7; 3/11.

²⁶ 3/53; 3/54.

²⁷ 3/56.

²⁸ 2/40а; 3/49.

²⁹ 3/49.

³⁰ 3/69; 3/72 а, б; 2/95.

³¹ 2/102; 3/69; 2/95.

³² 2/102; 3/72 б; 3/81.

³³ 2/69; 3/72 б; 3/81.

³⁴ 2/69; 3/72 б.

³⁵ 2/69.

рубашки; портов и обуви они, как правило, не носили³⁶. Такова фотография близнецов из д. Шукты Повенецкого уезда: оба мальчика в рубашечках из набивного ситца в горошек и цветочек. Длина рубашек чуть ниже колена (фото 10)³⁷. Детям полутора-двух лет, самостоятельно не гулявшим на улице, на ноги в избе надевали шерстяные носки (см. фото 3 и 9)³⁸.

Женский повседневный костюм Заонежья и Повенецкого уезда состоял из рубахи, сарафана, передника и по своим составным элементам ничем не отличался от севернорусского костюма или костюма южной Карелии. Традиционная женская рубаха состояла из нижней части – станушки и верхней – рукавов. Рукава обычно были выполнены из ситца, станушка – из белого домашнего холста или пестряди³⁹. Рукав пышный до локтя, собран на манжете, у пожилых женщин часто длинный, до запястья. Такие типы рубах зафиксированы М. Круковским на реке Выг в Повенецком уезде на крестьянках, занятых уборкой сена⁴⁰. В рубашку с темным верхом и светлым низом одета крестьянка, сфотографированная Круковским в Челмужах за работой в хлеву⁴¹.

Сарафаны, как правило, шили из покупных материй: молодые крестьянки – из набивного ситца светлых тонов⁴², пожилые – из ситцев темной расцветки⁴³. Сарафан, независимо от возраста, дополнялся фартуком: ситцевым или пестрядинным⁴⁴. Низ фартука отстоял от подола сарафана на 15–20 см.

Пожилые крестьянки носили поверх сарафана кофты свободного покроя длиной чуть ниже талии. Такие кофты зафиксированы на четырех фотографиях⁴⁵. В трех случаях они сшиты из материала темного цвета (возможно, фланели), в одном – из ткани с ромбическим узором.

В качестве женской повседневной обуви зафиксированы сапоги и коты – низкие туфли с резиновой вставкой сбоку⁴⁶. Коты носились с шерстяными носками.

Самым распространенным головным убором заонежских и повенецких крестьянок был платок, который носили на голове или на плечах⁴⁷. Круковским зафиксировано несколько случаев ношения двух платков – одновременно и на голове и на плечах (фото 11). На плечах чаще всего носили шерстяные платки клетчатой расцветки. Иногда такой платок

³⁶ 3/69; 3/70; 3/72; 3/84 а.

³⁷ 3/70.

³⁸ 3/69.

³⁹ 2/101; 2/102.

⁴⁰ 2/101; 2/102.

⁴¹ 2/94.

⁴² 2/101; 2/102; 2/58; 1/96; 1/90.

⁴³ 2/101; 2/102; 2/58.

⁴⁴ 2/66.

⁴⁵ 1/95; 1/96; 2/66; 3/58.

⁴⁶ 2/94.

⁴⁷ 1/95; 2/66; 2/94; 2/58; 2/101; 2/102; 3/62; 3/96.

повязывали крест-накрест на груди, фиксируя свободные концы за спиной⁴⁸. Если платок на плечах носили с сарафаном, концы его заправляли за грудину⁴⁹. При одновременном ношении двух платков Круковским отмечены следующие цветовые сочетания: головной – светлый, наплечный – темный с белой цветочной каймой⁵⁰, головной – темный, наплечный – клетчатый⁵¹. Носили заонежанки и популярные в XIX в. в России драдедамовые платки. Такой платок мы видим на фотографии, сделанной в Толвуе. Он наброшен на плечи крестьянки, приехавшей на церковное кладбище хоронить кого-то из близких⁵². Головные платки могли быть разных расцветок: светлые, темные, иногда с набивным рисунком по всему полю, иногда декорированные набивной каймой. На крестьянках из окрестностей Выга надеты платки с цветочной каймой⁵³, на старухе из деревни Рубцово Повенецкого уезда – полосатый платок с клетчатой каймой (фото 12)⁵⁴.

В конце XIX в. молодые женщины не только по праздникам, но и по особым случаям, например на службу в церкви, похороны, надевали платья-парочки. Такой наряд, состоящий из приталенной, сшитой из светлого с редкими цветами кофточки и короткой, чуть ниже колена юбки из темного ситца с белым цветочным орнаментом, мы видим на фотографии «Привоз покойника на погост в Толвуе»⁵⁵.

О праздничном женском костюме мы можем судить по четырём фотографиям, сделанным М. Круковским в Толвуе, и двум, запечатлевшим праздничный костюм крестьянок из деревни Вожмасалма Повенецкого уезда.

Две из толвуйских фотографий представляют парный портрет девушек в полный рост (фото 13)⁵⁶ и семейный портрет богатого толвуйского крестьянина (фото 14)⁵⁷. На снимках зафиксирован комплекс праздничного костюма с душегреей. В одном случае⁵⁸ костюм выглядит следующим образом: тонкая белая рубаша с пышным рукавом до локтя. Рукав завершается оборкой высотой приблизительно 30 см, отороченной широкой полосой машинного кружева. Ворот рубахи не виден, т. к. на плечи девушки наброшен большой светлый праздничный платок, заколотый жемчужной булавкой. Сверху на платок надето ожерелье из 30 жемчужных или бисерных нитей, скрепленных по

⁴⁸ 2/66.

⁴⁹ 2/94.

⁵⁰ 2/101; 2/102.

⁵¹ 1/95; 2/66.

⁵² 1/95.

⁵³ 2/101; 2/102.

⁵⁴ 3/62.

⁵⁵ 1/95.

⁵⁶ 3/59; 3/60; 3/61.

⁵⁷ 3/57.

⁵⁸ 3/59.

центру замком в виде броши. Сарафан однотонный, возможно, шелковый, душегрея парчовая, в верхней части заколота брошью с жемчужными подвесками. На руках браслеты. Один из них выполнен в виде цепи. Такие браслеты были распространены в Заонежье в конце XIX – начале XX в. На голове жемчужная сетка из пяти борков и корона. В ушах серьги-бабочки. В косе две темные ленты (вероятно, цветные) и одна клетчатая.

Во втором случае (фото 13 – слева)⁵⁹ душегрея и сарафан сшиты из одного материала: затканного цветами штофа. Душегрея отделана позументом. Обшитые кружевом оборки пышных рукавов подвязаны лентами с бантами. Концы шелкового платка заправлены за душегрею крест-накрест. На платок надето ожерелье из жемчуга (бисера?), плетеного в виде сетки. В косе две ленты: темная и клетчатая. На голове поднизь с пятью борками и корона. Внутри короны венки из искусственных цветов и листьев. Точно такой же венки зафиксирован Круковским в комплексе праздничного костюма девушки из южнокарельского селения Суна⁶⁰. Возможно, это принадлежность костюма невесты.

Кроме традиционного комплекса с душегреей Круковский зафиксировал на вышеозначенных фотографиях еще три варианта праздничного женского платья. Первый отличается от предыдущих отсутствием душегреи и менее богатым выбором тканей (см. фото 13 – справа)⁶¹. Сарафан (или юбка?) имеет модное декоративное украшение в виде нашитой по подолу накладной полосы из присборенной с двух сторон ткани. Фартук довольно короткий, сшит из материи в мелкий горошек. На плечи накинута шелковый платок с кистями, застегнутый на груди в трех местах декоративными булавками. На платок надето ожерелье из 20 нитей жемчуга(бисера?), в ушах серьги лирообразной формы. На голове жемчужная (бисерная?) поднизь в сочетании с атласной лентой. На руках браслеты в виде цепи с толстыми звеньями. Второй и третий варианты представляют собой платья-парочки. В одном случае⁶² молодая женщина одета в костюм из шелковой ткани с бархатной темной отделкой (фото 14). Верхняя часть парочки дополнена белым кружевным накладным воротником, из-под которого выглядывает воротник-стойка. В другом случае⁶³ девушка лет 15 одета в парочку, состоящую из шелковой светлой юбки с накладной оборкой по низу и шелковую кофту с пелериной, отделанной кружевом (см. фото 14). Оба костюма несут на себе явное влияние городской моды рубежа веков.

⁵⁹ 3/60.

⁶⁰ См. Трифонова Л. В. Традиционный костюм южной Карелии конца XIX века, по материалам «Этнографической экскурсии». М. А. Круковского // Кижский вестник. Петрозаводск, 2001. № 6. С. 66 – 69.

⁶¹ 3/61.

⁶² 3/57.

⁶³ 3/57.

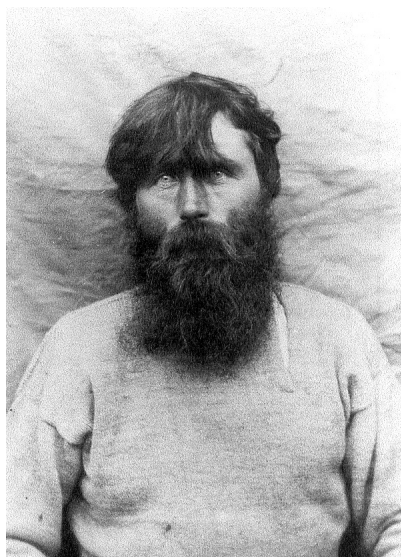

Фото 1. Крестьянин из д. Лебещина Петрозаводского уезда

Фото 2. Старик из д. Данилово Повенецкого уезда

Фото 3. Семья рыбака из д. Рубцово Повенецкого уезда

**Фото 4. Волостной старшина, староста, сборщик податей, сотский
в д. Толвуя Петрозаводского уезда**

**Фото 5. Лесной объездчик в
д. Толгуба Петрозаводского уезда**

**Фото 6. Священник Койкеницкого
погоста Повенецкого уезда отец
Федор Беляев**

Фото 7. Земский учитель Выгозерского училища Повенецкого уезда

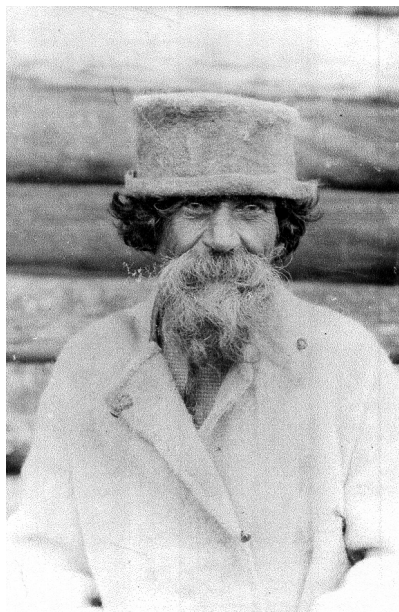

Фото 8. Крестьянин-колдун из д. Пудожская Гора Повенецкого уезда

Фото 9. Крестьянские дети д. Рубцово Повенецкого уезда

Фото 10. Близнецы из д. Шукты Повенецкого уезда

Фото 11. Девушки из д. Челмужи Повенецкого уезда

Фото 12. Крестьянка д. Рубцово
Повенецкого уезда

Фото 13. Девушки из Толвуйского
погоста

Фото 14. Богатые крестьяне д. Толвуя

В платье-парочку одеты и крестьянки из д. Вожмасалма из окрестностей Выгозера⁶⁴. На одной – юбка из темного шелка или тафты с двойной кружевной отделкой, нашитой примерно на 50 см выше края подола. На груди нарядный платок, концы которого перекрещены и завязаны за спиной. Из-под платка видны пышные рукава белой рубахи с кружевной от локтя оборкой. На голове платок, завязанный узлом под подбородком. Под платком в волосах видна лента. Фартук короткий, приблизительно на 10 см выше кружевной отделки подола сарафана. На другой молодой женщине – юбка из темного шелка или тафты, отделанная темным кружевом по боковым швам. С отступом 15 см от края юбка декорирована полосой светлого машинного кружева. Фартук тоже светлый, заложен четырьмя односторонними складками, сшит из того же материала, что и верхняя часть парочки, представляющая собой казачок с воротником-стойкой, застежкой на пуговицах и заложенной односторонними складками баской. Головной убор состоит из косынки темной тафты или шелка. Концы ее обведены вокруг головы, завязаны над лбом и заколоты тремя брошками: двумя одинаковыми, выполненными в технике эмали и декорированными по краям сканью, и одной, выполненной в технике литья (возможно из дутого золота) (см. фото 15).

Значительный интерес представляют свидетельства Круковского о детском и девичьем костюме от 5 до 15 лет. Девочки от года до пяти лет носили только рубашки⁶⁵, с 6 до 15 взрослый вариант костюма с сарафаном или юбкой⁶⁶. Одежда пятилетней девочки из повенецкой деревни Рубцово состоит из одной рубашки: рукава ситцевые в горошек, низ из белого домашнего холста с узкой полосой вышивки по подолу (см. фото 9)⁶⁷. Шестилетняя Фимка из д. Шитики Петрозаводского уезда одета в рубаху и юбку⁶⁸. Рукава рубахи из набивного ситца с манжетами, выполненными из материи другой расцветки. Ворот рубахи обшит бейкой из набивного холста домашней выделки. К рукавам снизу пришита полоса льняной полосатой ткани и белая холщовая станушка (фото 16). Юбка из набивного домашнего холста с завязками, обведенными вокруг талии и завязанными спереди.

Более распространенным вариантом повседневной одежды для девочек, начиная с 6 лет, была рубаха в сочетании с сарафаном и фартуком. Рубаха традиционного покроя, разнообразной расцветки: чаще в горошек или однотонная темная (см. фото 9)⁶⁹. Рукав повседневной рубахи пышный, до локтя, на манжете шириной 4 см, нижняя часть – станушка из белого домотканого холста. Ворот довольно открытый, присборенный на бейке, иногда из материи другого цвета, чем рукава⁷⁰.

⁶⁴ 3/65; 3/66.

⁶⁵ 3/84a; 3/69.

⁶⁶ 3/58; 3/63; 3/67; 3/69; 3/72 a; 3/84 a.

⁶⁷ 3/69.

⁶⁸ 3/67.

⁶⁹ 3/69; 3/72 a.

⁷⁰ 3/72 a.

*Фото 15. Крестьянка из д. Вожмасалма
Повенецкого уезда*

*Фото 16. Фимка, девочка из
д. Шитики Петрозаводского уезда*

Сарафаны – традиционного покроя с застежкой впереди, края грудины обшиты бейкой темного цвета. Низ сарафана с отступом 10 см от края, декорирован оборкой или полосой однотонной ткани шириной 1,5–2 см⁷¹. Детские или подростковые сарафаны шились чаще всего из светлого набивного ситца, лишь в одном случае Круковский зафиксировал на девочке 12–13 лет сарафан темного цвета с белым набивным рисунком⁷². Фартуки на крестьянских девочках в основном из ситца темного или светлого с набивным рисунком⁷³, довольно короткие (см. фото 11). В двух случаях с отступом примерно 10–15 см от нижнего края передника нашито черное фабричное кружево, в одном – полоса светлой ткани (на темном фоне).

Повседневным головным убором девочек от 5 до 15 лет был платок, хотя очень часто в будни девочки ходили простоволосыми. Расцветка платков разнообразная: светлые однотонные, светлые с широкой полосой по краю, клетчатые, темные с белым набивным рисунком⁷⁴. Что касается обуви, то почти все девочки в летнее время в будни бегали босиком.

⁷¹ 3/63; 3/72 а.

⁷² 3/63.

⁷³ 3/63; 3/69; 3/84; 3/72 а.

⁷⁴ 3/63; 3/69.

Только в одном случае девочка 11–12 лет, занятая перемоткой ниток, была обута в сапоги⁷⁵.

В качестве праздничного девичьего костюма Круковский зафиксировал платье-парочку. Такую парочку, сшитую из светлого ситца, мы видим на девушке 12–13 лет из села Челмужи⁷⁶. Юбка с оборкой, нашитой с отступом от края подола на 10 см. Верхний край оборки акцентирован полосой темного материала. Кофта тоже светлая с пышными рукавами-буфами и воротом каре, застегивающимся на одну пуговицу.

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что крестьянский костюм русских Повенецкого и Петрозаводского уездов Олонецкой губернии конца XIX века имеет много общего с севернорусским костюмом. Он сохраняет свою традиционную основу: у мужчин – порты, рубаха с поясом, кафтан и сапоги; у женщин – рубаха, сарафан, передник, головной убор. Одежда традиционно изготавливалась из холста или сукна домашней выработки, но в конце XIX века крестьяне начинают широко использовать покупные ткани вроде ситца, сатина, фабричного сукна, шерсти, шелка, кисеи и т. д. Влияние городской моды сказывается и в появлении таких составных частей костюма, как пиджаки, платья-парочки, картузы.

Детей до 5–6 лет обычно одевали одинаково: и мальчики и девочки носили рубахи без поясов, портов и других элементов взрослой одежды. С 6–7 лет детская одежда повторяет взрослую, расходится по половому признаку.

Интересно проследить манеру ношения женских платков: на плечах, с концами, перекрещенными на груди и завязанными за спиной; с концами, заправленными за грудину сарафана или душегреи; на голове, с концами, завязанными под подбородком. В праздничном девичьем головном уборе интересно отметить манеру ношения поднизи и короны с венком из искусственных цветов, зафиксированную Круковским, помимо Толвуи (Заонежье), в костюме девушки из южнокарельского села Суна.

Коллекция фотоматериалов Круковского дает нам возможность представить костюм различных социальных групп населения (учителей, священников, представителей волостных властей). Причем различия эти, исключая облачение священнослужителей, состоят только в отдельных атрибутах вроде отличительных должностных знаков или в форме головного убора (лесной обездчик).

Праздничный женский костюм Заонежья продолжает традиции русского традиционного костюма XVII в. и обнаруживает родство с праздничным костюмом Архангельской и Вологодской губерний. Он позволяет также отметить общность костюма различных этнических групп Карелии: в частности, южных карел и русских Заонежья и Повенецкого уезда.

⁷⁵ 3/84 б.

⁷⁶ 3/63.

Особая ценность фотографических материалов Круковского состоит в их точной датировке – 1899 год. Это рубежная дата, позволяющая оценить изменения, произошедшие в крестьянском мужском и женском костюме во второй половине XIX в. в связи с процессом промышленного развития России. Произошедшие изменения особенно сказались на облике крестьянского мужского костюма. Вследствие развития отходничества крестьянин активно вовлекается в процесс социальных и экономических преобразований, приобщается к жизни большого города. Женщина-крестьянка социально менее активна, чем мужчина, она продолжает оставаться хранительницей патриархальных семейных и бытовых традиций, поэтому женский костюм менее подвержен влиянию моды. Особенно бережно сохраняется праздничный костюм с душегреей и сарафаном. Новый вариант праздничной одежды в виде платья-парочки существует с традиционным костюмом параллельно, ни в чем не меняя его привычного облика.

Таковы самые общие наблюдения по поводу традиционного костюма Повенецкого и Петрозаводского уездов, сделанные на основе фотографий, входящих в состав «Этнографической экскурсии» М. А. Круковского 1899 года.

И. И. Набокова

ИНТЕРЬЕРЫ ДВОРА И ХЛЕВОВ В КРЕСТЬЯНСКОЙ УСАДЬБЕ ЗАОНЕЖЬЯ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

Жизнь северного крестьянства издавна была связана со скотоводством. На территории крестьянской усадьбы или под крышей дома обязательно находились скотный двор и хлева. Разведение скота позволяло семейству иметь полноценное питание, доход в бюджет, помощь в полевых работах, извозе и т. д. В каждой местности существовали территориальные особенности в устройстве, оборудовании хлевов, размещении животных, заготовке, хранении, раздаче кормов и заправке подстилки, в обрядности, связанной с домашними животными.

До настоящего времени особенностями этих интерьеров интересовалось не так много исследователей. Основным источником сведений о внутреннем убранстве хозяйственной части традиционного заонежского дома начала XX в. в данной работе явились экспедиционные дневники и отчеты сотрудников музея «Кижы» в 60–90-х гг. XX в. Ценный сравнительный материал содержится в работе Р. М. Габе, который в 10–20-е гг. XX в. побывал во многих местах Олонецкой губернии с целью изучения деревянного зодчества¹. Полезные этнографические сведения об интерьерах дворов в заонежских «избах-усадебках» были опубликованы в 1927 г. К. К. Романовым². Более детальным источником информации стали этнографические труды карельских авторов, посвященные сельскохозяйственным процессам, происходившим в интересующих нас помещениях, народным праздникам и обрядам, при проведении которых вносились изменения в убранство хозяйственных помещений³.

¹ Габе Р. М. Карельское деревянное зодчество. М., 1941.

² Романов К. К. Жилой дом в Заонежье // Искусство Севера. Заонежье. Л., 1927.

³ Логинюв К. К. Трудовые обычаи, обряды, запреты и приметы русских Заонежья // Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986; Научная библиотека музея-заповедника «Кижы», НРФ-1183 (Трифонов Л. В. Молочное животноводство дореволюционной Карелии. 1988); Криничная Н. А. Домашний дух и святочные гадания. Петрозаводск, 1993; Винокурова И. Ю. Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов конца XIX – начала XX века. СПб, 1994.

Побывавший в заонежских краях в 70-х гг. XIX в. исследователь В. Майнов, отметил, что «заонежанин понимает избу одноэтажную или двухэтажную, сенную связь (сени) и сарай с двором и хлевами»⁴. Подобные дома-комплексы, объединяющие жилые и двор-сарай, были типичны для Карелии второй половины XIX в. и встречались как в русских, так и в карельских районах Олонецкого края. Наиболее вероятно, что объединение жилых и хозяйственных помещений находилось в прямой зависимости от степени развития сельского хозяйства, и прежде всего скотоводства. Именно поэтому исключения составляли районы крайнего северо-запада губернии, где дворы-сарай, пристраиваемые к жилью, были совершенно неизвестны⁵. Здесь население к концу XIX – началу XX в. занималось преимущественно лесными промыслами (извозом, заготовкой дров, сплавом леса), розничной торговлей в Финляндии, рыболовством и охотой, оседлым оленеводством⁶. Животноводство, связанное со стойловым содержанием скота, в этих областях не получило широкого распространения.

Размещение хозяйственных помещений в заонежской крестьянской усадьбе, в том числе и скотного двора с хлевами, зависело от планировки дома. Традиционно они располагались за жилыми помещениями. Из сеней первого этажа всегда имелась дверь на скотный двор, представляющий собой огромное помещение прямоугольной формы. В средней открытой части двора находилось большое количество столбов, поддерживавших прогоны верхнего этажа. В отличие от других хозяйственных помещений, двор всегда оставался свободен. В зимнее время сюда выпускали скотину немного отдохнуть от душных стойл. Пол двора обычно был земляной. В зимнее время, а иногда и круглый год он покрывался слоем навоза, выгребаемого во время чисток из хлевов. Повсеместно крестьяне предпринимали меры по его обогащению. Два-три раза за сезон на двор привозились дровни с рубленным еловым или сосновым лапником, болотным сеном или папоротником (в летнее время). Эту подстилку раскидывали вилами по всему помещению. Сюда же было принято зимой заводить лошадей приезжавших гостей. Хозяин накрывал их попонами, подвешивал торбы с овсом, обильно кормил. Отчасти это делалось для пополнения запасов удобрения. «Навоз лошадиный, он самый дорогой и самый для земли... питательный»⁷.

В больших домах на дворе (дом Семенова, д. Боярщина) или в сенях первого этажа (дом Романова, д. Телятниково) выделялось специальное помещение с печью, т. н. надворная, надворье, где готовилось пойло для скота. По свидетельству хозяев, отапливалось оно, как правило,

⁴ Майнов В. Поездка в Обонежье и Корелу. СПб, 1877. С. 131.

⁵ Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии. Л., 1972. С. 52.

⁶ Там же. С. 20.

⁷ Из беседы с Н. Г. Горбуновой (в дев. Корниловой). Зап. Р. Б. Калашниковой. 26. 11. 1993.

«по-черному»⁸. Кроме того, в ряде районов зимой там стирали белье: «В длинных корытах с золой руками шоркали»⁹.

Вход в хлева, или «клевы», устраивался со двора. «Тут скотине и при-вольно и чисто, да на выкотку и теленье припасен „теплушник“, чтобы уберечь молодых с маткою от стужи»¹⁰. Количество хлевов определялось числом животных, содержащихся семей. Необходимость иметь достаточное количество удобрения для полей вынуждала крестьянина держать скота как можно больше. В зажиточном хозяйстве в конце XIX в. имелись 2–3 лошади, 7–9 коров, 6–10 овец при семье в 11–14 человек, середняк имел 2–3 коровы, бедные семьи держали одну¹¹.

Выпас скота в Заонежье обыкновенно начинался в начале мая, однако формировались стада после Николы Вешнего (9 мая по ст. ст.) и выпас продолжался до Воздвижения (27 сентября), но чаще до Покрова (14 октября). До и после этих сроков скот пасся обычно без пастуха группами, или в одиночку недалеко от деревни. В это время скот уже не запускали в хлева, а держали на дворе¹². По рассказам пожилых кижан, «первые несколько дней хозяева пасли коров сами, смотрели, когда обгуляются. И тогда устраивали праздник – пекли калитки, бескорники»¹³.

В Кижях скот часто на лето вывозили на острова. В удобном месте устраивали «стаи» – срубы, напоминающие хлева, чтобы могло стоять 5–6 коров, возле стаи – загонь. «Хозяйка в стаю загонит, отдоит и домой»¹⁴. Доили по возможности три раза в сутки: утром в 6 часов, днем в 13 и вечером в 7 часов, на острова выезжали утром и вечером¹⁵.

В ряде деревень, где поблизости не было хороших пастбищ, коров отдавали за некоторую плату в доение на весь летний период. На начало XX в. эта плата составляла от 1 до 2 рублей за голову. При этом владельцам отдавалось накопленное топленое масло и творог¹⁶.

В хлевах скотина проводила около восьми месяцев, с октября по апрель-май. Дойные коровы, быки, лошади стояли в отдельных «хлевушках» на привязи, «чтобы не толкались и не заваливались». Овцам и

⁸ Научный архив музея «Кижь» (*Воробьева С. В.* Научный отчет об экспедиции в район о. Кижь. 1983. С. 11).

⁹ Кузьмина Н. А., 1918 г. р., д. Шотозеро (Библиотека музея «Кижь» № 1122. С. 31). (*Гущина В. А.* Отчет об экспедиции в Калевальский район. 1988.)

¹⁰ *Майнов В.* Поездка в Обонежье и Корелу. С. 135.

¹¹ Научный архив музея «Кижь». НРФ-495. С. 2 (Отчет об экспедиции в Медвежьегорский район. Июль, 1979).

¹² Степанова М. П., д. Ямка (*Набокова И. И.* Экспедиционные записи. Июнь, 2000. Хранится в личном архиве автора).

¹³ Егорова А. Т. 1881 г. р., д. Оятевщина (*Воробьева С. В.* Научный отчет... 1983 г. С. 27).

¹⁴ Научный архив музея «Кижь» (*Трифорова Л. В.* Отчет об экспедиции в Медвежьегорский район. Июль, 1987. С. 19).

¹⁵ Варенова Л. И., Степанова М. П., д. Ямка (Из экспедиционных записей автора, 2000 г. Хранится в личном архиве).

¹⁶ *Бузин В., Виноградов С.* Материалы по исследованию животноводства в Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1914. С. 172.

молодняку выделяли для тепла помещение в центре, между другими хлевами, либо отгораживали «стайкой» – загородкой из жердей – место в общем коровнике. Отдельно стояли и старые, не дающие молока коровы, как говорили – «для навоза». Их держали на самом плохом корме¹⁷. В боковых хлевушках стены зимой утепляли, сгребая время от времени к ним навоз. В конюшне на стене либо при входе были предусмотрены деревянные крюки-вешалки для сбруи, которую могли оставлять здесь в летнее время. В коровниках зимой на подобных вешалках висели коровьи колокольчики-ботала, «к корове поближе». В некоторых кижских деревнях скот и в хлевах оставался с боталами.

В углу напротив входа, чаще в восточном, находилась небольшая полочка, на которой владелица коров хранила особые предметы, связанные с животноводческой магией. Это мог быть деревянный «скотий» крест¹⁸, участвовавший во многих скотоводческих обрядах, освященные в Вербное воскресенье веточки вербы, которыми первый раз весной выгоняли на улицу скот; масло в горшке, снятое с «молозива» – первого молока после отела (им лечили, смазывали вымя перед дойкой); иногда «домашний отпуск» на скотину – текст заговора в списке, игравший особую роль в обрядовых действиях, связанных с оберегом скотины. Вместо полки могло использоваться навершие дверного косяка при входе в хлевушку¹⁹.

Ясли, или кормушки – ящики прямоугольной формы из жердей или досок, располагались на задней стене помещения, напротив входа. В некоторых областях Олонецкой губернии обходились без них, укладывая корм на пол²⁰.

Основным кормом заонежского скота являлось сено, а также яровая и озимая солома. «Эдакой травы, как сейчас, не было. Косили раннюю болотину, и тростник жали серпом». Лучшей травой – «зеленой травой» считался клевер. На корм коровам шла овсяная солома – более мягкая. Для лошадей предназначалась более жесткая ржаная солома. Перед кормлением ее обязательно рубили²¹.

¹⁷ Из беседы автора с К. Е. Ворониным (д. Воробьи).

¹⁸ В коллекции музея «Кижь» имеется около десяти подобных крестов, называвшихся иногда «надвратными» (КП-2359). По данным информантов, они использовались «для освящения скота во время Пасхи» (Никитина А. М., 1890 г. р., д. Боярщина) (КП-83/8). Эти деревянные кресты иногда имели сложный декор: резные изображения креста Господня и Голгофы, монограммы: ЦРЪ; СЛВЫ; ІС;ХС;МЛ;ГА; НИКА и т. д., вставные медные литые иконки, что дает основание предположить возможное их участие в старообрядческих богослужениях.

¹⁹ Варенова Л. И., Степанова М. П. (д. Ямка), Елупов Ю. Б. (д. Ерснево), Воронин К. Е. (д. Воробьи). (Из экспедиционных записей автора. Июнь–сентябрь, 2000–2001.)

²⁰ Каллио М. И., 1906 г. р., п. Калевала (Библиотека музея «Кижь». № 1122. С. 15). (Гуцина В. А. Отчет об экспедиции в Калевальский район.)

²¹ Аникина А. А., 1917 г. р., д. Конда, Прохорова О. Н. 1928, д. Устьяндом, Костина Е. С. 1914, д. Зубово. Научный архив музея «Кижь». НВФ-1220 (Эрнте Б. К. Материалы экспедиционных отписов по теме «Сенокос». 1987).

Рабочие и ездовые лошади традиционно получали самое хорошее питание: овес в торбах, лучшее «мелкое» или «зеленое сено». Некоторых породистых ездовых коней держали на «сухом корму» – отборном зерне, в специальных стойлах на сарае²². Прочему крупному скоту доставалось так называемое коровье сено – подмоченное, плохо убранное, сено с наружной части «заколин» или стогов, кроме того, осока, рубленая солома и т. д. Только некоторое время до и после отела корова получала более питательные корма. «Телятам и коровам давали хорошее сено, что на пожнях растет, из листочков, его же давали стельным коровам»²³.

В дополнение к сену скотине ежедневно (1 раз в день) давали пойло, отчасти заменявшее пойку. В его состав входили отруби, ржаная, овсяная или ячменная мука, хлеб, мякина, соломенная резка, сухой лист, обязательно соль. Березовый, осиновый, ольховый и рябиновый лист собирали до Петрова дня, пока не загрубели ветви и сушили в вениках на сарае²⁴. Запаривали пойло в лоханях с низкими бортами. Телят поили из шаечек с одной ручкой. В зимнее время хранились они на «прилавке» или на «ошотске», чтобы не промерзли в холодных помещениях²⁵. В Муезерском и Калевальском районах готовили некое подобие силоса. В бочки до зимы складывали, пересыпая солью, березовый лист, ботву, лопухи, красноголовики (подосиновики). В пойло добавляли толченые рыбные кости²⁶. В Беломорском районе на корм скотине шел распаренный мох-ягель и мелкая морская рыба²⁷.

Преимущественно в южных районах Олонецкой губернии, в т. ч. и в Заонежье, скотину держали «на навозе» всю зиму. К концу весны его слой мог достигать 0,5 метра²⁸. В северных районах (Калевальский, Беломорский, Пудожский) хлева чистились регулярно. В Калевальском районе «за коровой ставили деревянное корыто „шириной на лопату” и сгребали навоз в окно-люк в стене ... на улицу»²⁹.

В заонежских деревнях подстилкой для животных и основным материалом будущего удобрения служил рубленый лапник, еловый и сосновый, папоротник, вялая осока, плохое болотное сено, солома (при изоби-

²² Степанова М. П., д. Ямка (Экспедиционная запись Набоковой И. И. Июнь, 2000. Хранится в личном архиве).

²³ Там же.

²⁴ Бузин В., Виноградов С. Материалы по исследованию животноводства... С. 190.

²⁵ Научный архив музея «Кижь» (Трифорова Л. В. Отчет об экспедиции в Медвежьегорский район. 1987. С. 6, 14).

²⁶ Библиотека музея «Кижь». № 1267. С. 6 (Гуцина В. А. Отчет об экспедиции в Калевальский и Муезерский районы. 1990).

²⁷ Научный архив музея «Кижь» (Набокова И. И. Отчет об экспедиции в Беломорский район. 2001).

²⁸ Научный архив музея «Кижь» (Гуцина В. А. Отчет об экспедиции в Беломорский район. 1987. С. 8).

²⁹ Библиотека музея «Кижь». № 1122. С. 15 (Гуцина В. А. Отчет об экспедиции в Калевальский район. 1988).

лии). Осоку косили в начале осени в уже увядшем состоянии и на лодках привозили домой³⁰. В северных районах использовали мох, торф, опилки и камыш³¹. Перепревая, подстилка давала дополнительное тепло. Использование болотных трав и хвойного лапника было не случайно еще и потому, что эти растения, обладая антисептическим действием, препятствовали значительному развитию микроорганизмов в благоприятной среде. Хлева помещались за сеньями, ограниченными со всех сторон бревенчатыми стенами. Поэтому испарения из скотного двора не проникали в жилые помещения.

Освещение хлевов было скудным, так как окна в большинстве своем представляли собой маленькие узкие отверстия, прорубленные на высоту бревна. На зиму они затыкались сеном, соломой или тряпками³². Поэтому доить и убирать за скотиной ходили с лучинами или с фонарем. «Как идут доить, так лучина в зубы и идут. А когда доят, так лучину в стену вставляют. Пока горит, так и корову подоят»³³. «В хлев шли, с собой фонарь брали, ведро с водой, подойник. На край подойника или на рожок маслица кусочек клали, чтобы титьки смазать. Вымоют вымя, вытрут тряпкой или полотенцем, смажут, а потом уж доят»³⁴.

Двор также освещался через маленькие окна, прорубленные между двумя смежными бревнами наружных стен. Кроме того, свет сюда попадал через ворота, расположенные по боковым стенам. В ряде старых кижских домов (А. И. Никитина, Семенова, Тестенникова, д. Боярщина) сохранились т. н. парадные ходы для скота – арочные ворота, расположенные в одной из фасадных стен. Название они получили благодаря использованию во время первого весеннего выгона скота на пастбище, «чтобы священнику легче было кропить водой стадо для счастья»³⁵.

В большинстве районов Карелии над помещением для скота надстраивался обширный сарай. Он служил для хранения сена, соломы, сбруи, саней и прочей необходимой в хозяйстве утвари. Большие свободные площади позволяли устроить здесь столярную, слесарную или судостроительную мастерскую. Повсеместно в этом же помещении на специальном настиле у задней стены хранили сено. «Привозили столько сена, сколько вмещал сарай. Остальное вывозили с покосов в течении зимы.

³⁰ Из бесед автора с Ю. Б. Елуповым, д. Ерснево, М. П. Степановой, д. Ямка, И. И. Ворониным, д. Насоновщина, Л. И. Вареновой, д. Ямка, К. Е. Ворониным, д. Воробы.

³¹ Бузин В., Виноградов С. Материалы по исследованию животноводства... С. 166.

³² Научный архив музея «Кижь». НРФ-1183. С. 21 (Трифонов Л. В. Молочное животноводство дореволюционной Карелии. 1988).

³³ Сухова Л. Н., д. Куганаволок. Научный архив музея «Кижь» (Набокова И. И. Экспедиционный дневник. Водлозеро. Март 2000).

³⁴ Воронин И. И., д. Насоновщина. Научный архив музея «Кижь» (Набокова И. И. Экспедиционный дневник. Июль 2000).

³⁵ Научный архив музея «Кижь». НРФ-581. С. 2 (Отчет о посещении д. Боярщина. 24. 09. 1981).

Летом сарай старались держать свободным, т. к. /сюда/ въезжали гости»³⁶. Рядом сушили березовые веники. Тут же зимой держали соху. Бороны каждый год делали заново и держали только на улице. На сарае хранили сети, здесь же их развешивали для просушки на грядках³⁷. На стенах развешивали конскую упряжь. Топоры для домашних нужд хранили на деревянных клинях, вбитых в стену, иногда укрепляли с помощью доски с прорезями. Но плотницкий инструмент убирали в кладовую или в чулан³⁸. На сарае ставили ларь для хранения зерна, бочки с соленой рыбой³⁹. Кроме того, за неимением кладовой, тут могли стоять корыта для стирки, детали ткацкого станка, челноки, веретена, кудель, ступы, ручные жернова и прочая домашняя утварь⁴⁰. Здесь же у стены «заугола» сарая находилось чаще всего отхожее место. Оно отгораживалось дощатой стенкой с дверью, либо было открыто и представляло собой люк над скотным двором⁴¹. Иногда для удобства пользования к нему пристраивался сточный желоб из полого бревна.

У лестницы, ведущей из сарая во двор, либо у входа в сени первого этажа стояла обычно старая обувь, которую надевали, направляясь в хлев. В Беломорском районе это были «ступни», сапоги без голенища⁴², в карельских районах – лапти⁴³, в Заонежье – сапоги (Киж) или башмаки специального покроя (Толвуя). На вешалке-гвоздильне висела одежда, в которой работали на дворе.

Местные жительницы говорили: «Навоз раскидывать – чистая работа весной. Одевали домотканые из тонкой нитки полосатые юбки, украшенные кумачом по подолу, т. н. навозные юбки, куртки. Обувь – всегда сапоги»⁴⁴. В Кижих чистка хлевов считалась женской заботой. Если навоза было много, на помощь приходили мужчины. Затем «в большие дворы» заезжали на санях и грузили удобрение. В материковых районах Заонежья вывозили его обычно в июне. «Навоз вывозить самое время в конце июня... не успеет обветриться, весь сок соблюдет и хлеб сильнее подни-

³⁶ Зайцева Е. И., 1907 г. р. д. Фомин Наволок. Научный архив музея «Киж». НРФ-45. С. 20 (*Гринин Н.* Отчет о научной командировке в Калевальский район. 1970).

³⁷ Научный архив музея «Киж» (*Трифорова Л. В.* Отчет об экспедиции в Медвежьегорский район. 1987. С. 19).

³⁸ Ольхина А. В., д. Телятниково. Научный архив музея «Киж». НВФ-985. С. 18 (*Гилева Г. И.* Отчет об экспедиции в Заонежье. 1986).

³⁹ Егорова А. Т., 1881 г. р., д. Оятевшина. Научный архив музея «Киж». 1983. С. 28 (*Воробьева С. В.* Научный отчет об экспедиции в районе о. Киж).

⁴⁰ Кононова Е. И., 1907 г. р., д. Юстозеро, Захаров П. И., 1906 г. р., д. Рекнаволок, Фомин М. М., 1917 г. р., д. Юстозеро, Кононова Е. И., 1907 г. р., д. Юстозеро, Соловьева Л. И., 1906 г. р., д. Ватчала (*Гринин Н.* Отчет о научной командировке в Калевальский район. 1970. С. 20).

⁴¹ *Габе Р. М.* Карельское деревянное зодчество. С. 61.

⁴² Евшина З. А., с. Сумпосад. Научный архив музея «Киж» (*Набокова И. И.* Отчет об экспедиции в Беломорский р-н., 2001 год).

⁴³ *Гринин Н.* Отчет о научной командировке в Калевальский р-н. 1970. С. 20.

⁴⁴ Егорова А. Т., 1881 г. р., д. Оятевшина, Научный архив музея «Киж» (*Воробьева С. В.* Научный отчет об экспедиции в район о. Киж. 1983. С. 30).

мать станет»⁴⁵. В островных районах вывозом занимались значительно раньше – перед Пасхой (на Страстной неделе), чтобы успеть до «распуты» доставить ценный груз на поля⁴⁶. Для этих работ использовали вилы, как железные, так и «тройни», хранившиеся здесь же при входе на двор⁴⁷.

Народные фольклорные традиции, связанные с животноводством, подробно рассмотрены в работах К. К. Логинова⁴⁸. Магическое существо, обитавшее на дворе по представлениям местных крестьян, именовалось «дворовый». Многие исследователи подчеркивают частое отождествление его образа как с домовым, так и с хлевником⁴⁹. Все эти персонажи в заонежских преданиях часто изображались как в антропоморфном, так и в зооморфном облике в виде коня, коровы, овцы, свиньи, петуха или курицы.

В заговорах дворовый-хлевник призывался для сбережения домашней скотины и благосостояния семьи. Во время обряда «ставления» только что купленной коровы, к нему, к «хозяину-батюшке», обращались с просьбой хранить «боженую скотинушку»⁵⁰. Характером он славился миролюбивым, но иногда случались и исключения. Елизарова А. К. (д. Середка) рассказывала, что в отцовском доме дворовый хозяин коня невзлюбил. «Однажды тетка сказала: „Ой, послушайте, какая ломка в хлеве!“ Пришли, а конь запихнут был под ясли, весь мокрый, еле вытащили... И коровы не любил. Утром идем доить, а корова вся мокрая, как роса на ней. Ничего не могли... /сделать/. Не любил черной коровы, пришлось убить»⁵¹.

В быличках и бывальщинах дворовый мог выступать и в роли оракула – предсказателя судеб. Появление его в образе хозяина или кого-либо из членов семьи расценивалось как знак изменений в жизни, и не всегда благоприятных. К нему обращались, гадая на домашних животных. На Ивана Купалу в Заонежье девушки завязывали свои ленты-косоплетки на рога корове. Если косоплетка развязывалась, считалось, что это к замужеству. В другом варианте гадания девушки в темном хлеву пытались поймать скотину, если попадалась корова – быть «в девках», если бык – ждет свадьба⁵².

⁴⁵ Майнов В. Поездка в Обонежье и Корелу. С. 192.

⁴⁶ Ольхина А. В., д. Телятниково. (Гилева Г. И. Отчет об экспедиции в Заонежье. 1986. С. 10).

⁴⁷ Костина Е. С., 1914 г. р., д. Зубово. Научный архив музея «Кижичи». НВФ-1220 (Эрмте Б. К. Материалы экспедиционных опросов по теме «Сенокос»).

⁴⁸ Логинов К. К. Трудовые обычаи, обряды, запреты и приметы русских Заонежья. С. 38–44. *Он же*. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья. СПб, 1993. С. 28–39.

⁴⁹ Криничная Н. А. Домашний дух и святочные гадания. С. 11.

⁵⁰ Из беседы с М. П. Степановой. Научный архив музея «Кижичи» (Набокова И. И. Экспедиционный дневник, о. Кижичи. 2001).

⁵¹ Научный архив музея «Кижичи». НРФ-1153. С. 7 (Шорохов В. Отчет об экспедицию в д. Воробьи, Середка, Ямка. 1987).

⁵² Куликовский Г. И. Иванов день в селении Кузаранда Петрозаводского уезда // ОГВ. 1888. № 54. С. 516.

Как отголоски древнего культа домашнего духа в некоторых областях Карелии сохранились обряды почитания и задабривания дворового. Это особые заговорные формулы, сопровождавшиеся внесением в хлев последнего (первого) отжинного снопа, обрядовые жертвоприношения в виде просыпания зерна по углам хлевов, сдаивания молозива у первотелки в стойле и т. д.⁵³ К сожалению, в Заонежье эти обряды либо не были зафиксированы, либо существовали в руинизированных формах.

⁵³ *Винокурова И. Ю.* Аграрная обрядность начала зимы у вепсов (конец XIX – начало XX в.) // *Обряды и верования народов Карелии.* Петрозаводск, 1992. С. 17.

Р. Б. Калашикова (составитель)

«КРЕСТЬЯНСКИЕ МЕМУАРЫ» (из фольклорного архива музея-заповедника «Киж»)»

Фольклорный архив музея «Киж» начал создаваться в 1988 году – именно к этому времени относятся первые записи на магнитофон устных рассказов жителей окрестных с Кижми деревень. Инициаторами создания «звукового архива» стали составитель данного материала и старший научный сотрудник музея «Киж» Е. И. Яскеляйнен. Материалы устных воспоминаний записывались ими во время многочисленных фольклорно-этнографических экспедиций в различные регионы Карелии (Заонежье, Пудожье, Поморье) в 1990-е годы. Позднее к участию в собирании присоединились Л. В. Трифонова, Е. М. Наумова, И. И. Набокова, Ж. В. Гвоздева и другие сотрудники музея «Киж». С 1999 года экспедиционные магнитофонные записи стали расшифровываться и распечатываться на компьютере. Ныне фольклорный архив является частью научного архива музея «Киж» и насчитывает более 340 единиц хранения.

Впервые устные рассказы заонежан из фольклорного архива музея «Киж» увидели свет в журнале «Живая старина» (№ 1 за 2001 год). Статья была посвящена 200-летию юбилею известного сказителя былин Т. Г. Рябинина (1801–1885) и представляла собой воспоминания членов семьи Рябининых. Вторая публикация в переводе Джеймса Бейли вышла на английском языке в журнале «SEEFA» в 2002 году¹. Перед вами третья публикация материалов фольклорного архива. В ней собраны воспоминания людей, родившихся в 1899–1910-е годы, которые жили в Кижском приходе (позднее – Кижском сельсовете) и были свидетелями гражданской войны, нэпа, коллективизации. География проживания рассказчиков – деревни Погост, Ямка, Потаневщина, Серёдка, Воробьи, Кургеницы, Телятниково, Дудниково, Волкостров. Практически все информанты ушли из жизни в 1990-е годы, но на пленках сохранились ценные свидетельства устной истории 1910–1920-х годов.

Общезвестно, что аудиодокумент, наряду с архивным документом, является важным историческим свидетельством. Главное, что дают такие «звуковые» документы, – это возрождение исторического контекста времени.

¹ Kalashnikova R. Recollections of Peasant Life in Kizhi District // SEEFA journal (The journal of the Slavic and East European Folklore Association). 2002. V. VII. N 1. P. 74–85.

Прекрасно, что в них есть непроизвольно эмоциональный, оценочный компонент. Ненадежность человеческой памяти, на которую многие пеняют, сродни ненадежности архивных документов, где также присутствует элемент субъективный. «Творческий» характер некоторых рассказов – очевидный факт, но он проверяем на основе большого числа однотипных рассказов и анализа этих свидетельств.

Несмотря на то что собираемый «крестьянский архив» имеет дело с рядовыми участниками исторического процесса, рассказывающими о, казалось бы, рядовых фактах, многие из устных историй имеют значительную художественную ценность (записи плачей, сказок, преданий и т. п.) и являются важными источниками. Ценность записанных воспоминаний не только в обилии этнографических деталей, интересных обрядовых фактов, сообщенных информантами, или описаний тех явлений, которые навсегда ушли из жизни, – традиционной заонежской свадьбы, часовенных праздников, веры в колдовство и колдунов... Авторы воспоминаний сохранили живой русский язык, который, как известно, является основой народной культуры и в большинстве своем утерян современным поколением жителей заонежских деревень.

Текст воспоминаний подвергся частичному сокращению, составитель позволил себе убрать некоторые повторы, а также слова и выражения, свойственные только устной речи. Диалектное ударение обозначено жирным шрифтом, локальные слова и выражения – курсивом.

Фольклорные записи расшифрованы А. А. Поповой и Р. Б. Калашниковой. Подбор фотографий Т. Г. Тарасовой и Р. Б. Калашниковой.

Евдокия Матвеевна Дегтярёва

В девичестве Горина, родилась 14 марта 1899 года в д. Кургеницы Кижского прихода, умерла после 1995 года в с. Великая Губа².

Бесёды и игрища

Тогда девушек много было да парней много. На одну бесёду не помещались. В Кургеницах дом занимали у Орехова Матьвея и в Лахты у Кузьмы. Тожа бедняк быу, дак оны держали бесёды, а им платили. В избе Козьмы Кочанова печка была чёрна, дак сидели старик и старуха на печке, обои оны в саже. Парни и девушки соберутся около семи часов – восьми и всё там живут, тогда ашо танцев не было, всё кадтели. Даку уж до 11, до 12 часов... Вот соберутся, их пар 6, 4, вот и ходят. Танцевали *ланцы*. А *шестёрку* тоже, да я уж и забыла. Теперь уж всё забыто. Ничего не помнишь. В игры всякие играли. Платили за бесёду ... Они не брали деньгамы, а брали как? Вот кто масла принесет, кто муки принесет – вот чего брали оны.

Весна придёт, мячком играли. Вот соберутся парни, девушки и вот мечком играли. Там на середины деревни быу крест большой, так вот около

² Запись 4 августа 1995 года, с. Великая Губа. Собиратели Р. Б. Калашникова, Е. И. Яскеляйнен, Л. В. Грифопова.

этого креста и играли. Мечок такой резиновый быу. А потом шили мячки. Эдакие – из тряпок набивали, и такима играли. И тут хоровод делали. Девушки встанут, за ручки захватятся, кругом вертятся, сделают там как свадьбу. Оденутся как? Сарафаны, тогда не были этих юбок, сарафан, передник, кофта. А на головы платок. Как тепло, дак у кого коса хорошая, без платка.

Крестьянское хозяйство

Вместях-то жили, дак хорошо. Было хозяйство хорошее, пока не было разделённости, я как девушкой была. А как разделились оны – по три коровы досталось, по лошади. Я недалёко от Кургениц вышла замуж (смеётся)... в самы Кургеницы. Отец мой – Матвей Михайлович Горин. А я тоже была Горина. А замуж вышла – Дехтярёва была. Замуж вышла, там 6 коров было, 3 лошади было. Одна лошадь выезжала, вот на той лошади только ездили, молодая такая была. И шесть коров, овец много держали. По двенадцати держали, по десять держали овец. А девушка как замуж выдет, дак в придано давали корову.

Деревня

В Кургеницах сколько двухэтажных было домов? У Титовых двухэтажный, у Екимовых двухэтажный быу, а больше нету ни у кого. Все остальные одноэтажны делали дома. Лавки держали Титовы и Филины. У Филина дом одноэтажный, но дом богатый был, большой. *Фатерья* большие да горница, да через сени ашо. Титовы ... У него было шесть сыновей. Сам седьмой да две дочки. Даки оны жили очень хорошо. Дом был двухэтажный, и всё у них кругом было выделано: колодец сделанный был, от берега недалёко. Деревня большая была, да красива деревня была!

А зимой – праздник Рожество, дак все сбирались в Кургеницы. В праздник *госей* берут, девушек, вот если я девушка, дак чтоб девушек познакомить, берут в гости. Держат неделю, а то и больше. У меня с Сенные Губы было две сестры, ездили ко мне в гости и две недели жили. *Наряжоныма* ходили, катались на лошадях, приедут и живут две недели. А их две недели угощают и кормят. И лошади стоят во двори, там хозяин их кормит, а парни гуляют. Днём катаются, а потом *наряжоныма* ходили. Сделают невесту такую, ленту привяжут и песни поют. С музыкой, глаза закрыты – узнавайте! Кто узнае, а хто и не узнае. Да, и я девушкой была, дак тоже ходила *наряжоныма*.

Была часовня в Кургеницах, хороша была! И колокольня была хороша, когда Паска, так всю неделю звонят. Неделю целу звонят. Часовня была на середины деревни, место очень красивое и дубровка! И вот в воскресенье собираются тут. Очень красива деревня была. А теперь не похожа и на деревню. А тоугда Курьгеницы всем нравились.

Пицца

Пирогы пекли белы, потом *налетушки* с черного теста ... Такия круглы, сверху начинку делали с картошки. Потом сметану кладут, спекут,

намажут маслом. Бела пекли только по праздникам, когда с рисом пироги, с горохом, со пшеной. На неделе не пекли. *Калитки* пекли эдаки ... пшеной начинают ... туды картошкой, вот *таки* калитки. Калитки кажно воскресенье пекли да на неделе ищо спекут. А на праздник назывался *рядовик*. Белы блины такие толсты пекли, намажут, сыром насыплют и потом эдак режут, как гости придут. Стопкой блины кладовают. А руськи печки были, если что в печку кладовают греть ... А печку топят, она до вечера печка...

Загусту делали из черной муки. Загусту делали, а ели простоквашу, да в простоквашу кладут брусники, да песочку. Она густая, да как ложкой возьмёшь, а вся, ляй, туда и спустишь. Скот держали, так не то, что на праздник, в воскресенье делали *колюбаки*. С черного теста колюбаки делали. Нарезут эдак кусочкамы, вымоют не в одной воды, потом обтекут-ся, и вот в черной муки кисло тесто делают, и колюбаки пекут. Четыре угоука. Здесь завернешь, здесь защиплешь. А хороши колюбаки! Вкусны. Лучше, чем тушенка. Она ведь там в своём соку пекётся. А как разрежешь, такой запах хорошей пойдёт! И рыбники пекли. Рыбники тыи *продолговасты*. *Мякушки* пекли. Хлебцы мы ведь пекли, не покупали. Хлеб пекли. *Колубы* пекли. Не называли лепёшкамы, а колубы. Из житной муки пекли, житна да бела мука смешашь да на простокваше. Месят да на сковороды пекут. Ещё уху варили, суп варили, дак налимь хороши! Раньше рыбу не жарили. Жарили уж это перед войной. Ряпушку, сига стали жарить. Раньше ряпушку на зиму солили в бочки. Потом из бочки доставают, когда рыбники *пякут*.

Грибы собирали в лесу. Но их не солили, только сушили. Грибной суп варили. А грибов не солили. Если скотину забивали, мясо солили и вялили. На стенку набьют гвоздей да повесят, а потом сетку кладовают, чтобы птицы не клевали. Вот оно и вялится. А вялено мясо ащо лучше, токо доуго варится. Печки руськи были, дак в печку кладут да там и выпарится. На лето вялили. Когда косишь, дак это вяленое мясо и варят.

За столом

Ой, *скатерётки* кладовали ... самы ткали, как кушать садятся – и ска-терётка. Неделю кушают, а потом снимают, чисту кладовают. Вот. Дома все кушали вместях за одним столом. С обчей тарелки ели ... У самовара золовка сидела, чай наливала. А я как девушкой была, дак я наливала. Чашки чайные хранили ... чайны были *шкапы*. Деревянный такой шкап, и там и чашки, и тарелки да ложки, да вилки. Теперь у кажнага тарелка, это у нас обчая ... Вот на середины стола начерпають и ложкамы доставают и едят. Не было тарелок отдельно.

Иринья Степановна Агапитова

В девичестве Потёмкина, родилась в д. Серёдка 17 апреля 1900 года, умерла в середине 1990-х годов в Петрозаводске. Выросла в бедной семье,

рано лишившись родителей. Была два раза замужем, второй раз вышла замуж в д. Воевнаволок³.

Беседы

На Покровской неделе и с Мальково парни, и мы из деревни Серёдка едем, оны уж нас встречают: «Пожалуйста, девочки!» Ну, вот, разденемся. На печку фуфаечки свои кладём. Хозяйка там примет нашу одежду: «Ну, давайтя, девочки, давайте в кадрили сходите!» Вот пойдём без парней в кадрили ходим. В *кандриль* сходят, потом назывался *круг*. На лавках сидят парни, и какая девка нравится парню, ей скажут, что не пойдёт ли она в круг. Вот, например, меня, дак: «Иришка, иди!» Иришкой звали-то. Я, когда нравится, пойду, а не нравится – я и не пойду. Потом начнем своим играми играть. «Корольки». Вот спросят: «Король – служба, что мне делать нужно?» Он там куда-нибудь пошлёт тебя, сходишь, выполнишь задание. Или скажет поцеловать, так и скажет – двенадцать или сколько раз поцеловать.

Кончалась беседа в десять, в одиннадцать. Крикнут: «Домо-ой!» Все домой. Беседы *игрими* были в неделю два раза: в четверик, в воскресенье. А остальные с *пряличкой* сидишь, прядешь. Парни придут, посидят, то в карты поиграют, то так поразговаривают. В такие беседы уж не плясали. Мы в своей деревне к старушке бабе Кате ходили. Она ничего не просила. Одинокая была старушка, говорит: «Девки, носите мне по полену дров!» Ну, все по полену дров принесём, и вот беседа будет потеплее. *Игрима* беседа отдельно была. Старушка тоже одинокая жила, дак она пускала. Ей там парни оплачивали. На беседы нас, ой, чего-то мало отпускали! В воскресенье да в четверик, вот по каким дням, а в каждый день – не-е! *Пряличья* в каждый день. Надо прять и прять, прять и прять ... Потом ткали.

Ходили девушки в сарафане, сорочка белая, передник. Ну, коса заплетена да бантик и все. Всё своим руками, на руках всё шили. Складочки складывали хорошенькие, ляпочки хорошенькие. Я вот посмотрю по телевизору, как там ходят, дак вот в таких сарафанах не ходили.

Приданое

У нас ведь раньше была мода такая: надо женихову всю семью дарить. Вот, например, я выходила, дак я своей свекрови тринадцать сорочек дала. В подарках.

Гаданье в Святки

Бывало, *слушали*. Если мать у меня пекёт блины, это было в само в Рождество, до Крещения Господня. Стараемся, я с подругой-то со своей, украсть по блину, чтобы мать не видела. И пойдём на дорогу свалимся. Лежишь, блин так держишь в руках и слушаешь. Слушаем, выдем ли замуж. Если выдем, то услышим свадебный поезд. А звону-то раньше много было! Как

³ Записи 28 апреля 1988 г. и 15 февраля 1995 г., г. Петрозаводск. Собиратели Р. Б. Калашникова, Е. И. Яскеляйнен.

свадьба-то еде по девять лошадей да больше девяти! Колокольчиков много было! Вот свалимся так на снег и посмотрим, слушаэм, вот. Если услышим, что звону много: «Аксешка, я замуж выду!» Скаже: «Я тоже слышала». Всим хотелось замуж тогда выходить! Искали женихов.

Святки. Наряжены

Ой, всяко оденутся, чтобы не узнали. Одежу меняли. Шубья одявали. Всё на свете. На лицо платок одявали да всяко. *Наряжены*. От деревни к деревне ходили. У кого если есь парень, она гуляе с им: «Девки, сходимте туда, к нему на квартиру!» Придут, у него там в лес уехано, а мать-то дома. Вот так матери спляшут. Так мать и скажет: «Жалко, Ваньки дома нету. Он бы *дал метку!*» Вот так раньше говорили. Помучил бы там, *накошелил* бы. В снегу бы покатал бы да всяко бы ...

Пришли как-то к нам в фатеру *наряжены*. Говорим: «Давайте с нами ужинать!» Головамы трясут – не будут ужинать. А самы сели рядом Пети⁴ – Петя-то на углу сидит – да палкамы до его дотрагивают. А он и говорит, покойничек: «Дайте волю, девки, я как поправлюсь да я уж *дам вам метку!*» А сам в Крещенье помер.

Крещенье

В Крещенье всё равно в церковь сходят, воду очишат, и берёшь воды, и вот помоисся. У меня мать так 9 раз *окупалась* в Крещение Господне. Девять раз. *Выпешут йордан*⁵ большой, вода на лед выступает. Кладут досочку ... Вот надо ей окупаться. А у ёй *завет был положенный*, что она детей много рожала мёртвых. Привяжут кушак, вот стоит мужчына, за кушак держит. Священник читает, поёт, и крест купают. Как только третий раз багошка *крес* вымое, в йордане окупает, эти *купальники вси в воду падут*. Кругом так обернутся, этот мужчына за кушак их поднимет ... и оны в церкоф бегом бежат.

Сев

Мы остались от родителей, и я пошла... у нас богатый такой был, Горбачев. Я пошла, пришла: «Дядюшка Гриша!» Он говорит: «Что, Ирина, скажешь?» Я говорю: «В какой мне день сеять начать-то?» Он говорит: «Если ты навозу снесла на поляну, дак хоть в любой день сей – хлеб вырастет. А если не возишь навозу, дак хоть в Пасху сей, дак тебе ничего не будет!» Вот такое слово на всю жизнь запомнилось. Зато коров держали для чего? Для этого навозу надо было, для земли.

Жатва

Если кто бедно живёт или у кого денег нету, например, у меня, дак я *брала под жатьё*. Александра Егоровна... у ей магазин был небольшой.

⁴ Петр Осипович Агапитов из д. Воезнаволок.

⁵ Сделают польню в виде креста.

Вот прииду к ней, она говорит: «Ириша, возьми чего-нибудь». «Дак отдать, к тебе надо прийти жать». «Ладно, день-два пожнешь, ничего такого!» Я под жатьё брала. Подошву, мне ребятам сапоги шить, или ещё что. А другие помногу жнут, вот Широких дом, та хозяйка брала и по десять жней. Но и сами работали. Тут у Горбачевых было три дочки, дак они так же с нами вместе ходили.

В сенокос песен не пели. В сенокос работали так, что друг друга не видишь. Так старались сена накосить, скотину накормить. В жатву пели. Красиво было, потому что осень. Кончим рожь жать, *отжин* справляем. Чаю поставишь, пригласишь людей чай попить. Пирогі варили – всяких: и белых, и черных, с толокном, с сахаром. Я нечасто песни пела. Я все любила, когда тихая погода, тогда любила песни петь. Если поедешь да тиха погода, да сидишь на лодке, на корме, вот тут песню споешь. А так нет.

Корбов день

Называется Корбов день. Часовенка была в ельнях. На Корбов день приезжали гулять на Серёдку. У нас очень даже красиво такое поле было, называлось *ригачна*. Рига эта – калгановска, гладко место такое, и народу там столько – о-ой! Девушки ходят стайкамы. А парни тоже артелью. Парни всё больше стоят, а девушки гуляют. Торговали конфетами. У нас бабушка Михеевна корбовска да дедка Захар – оны торговали. Если копейку даит родители, дак на копейку тебе столько надавают конфеток! Робятам больше копейки не давали денег.

Вот у нас на Серёдке, на Щельи гулянка была. Девушки, которы богаты, у их шелковые платья всё. Оны так и ставятся, друг другу так под ручку стоят рядом. А парни – внизу оны. Кто пойдёт в кругах заводить? Один пойдёт. Он скаже: «Иринья Степановна, Анна Михайловна ...» Всих соберёт, так и пойдут, он туда сведёт, там уж другой идёт, остальных забирают. Круг образовывался. Если *я с им играю*, гуляю, я к тому и становлюсь. Как это всё пройдёт, опять круг распустится, девки приходят, на своё место ставятся. Вот раз-два сходят, а потом пойдут парамы своима разойдутся.

Девки видь раньше одевались хорошо, душегрейки были, ой! Этаки! Как накрахмаленны ... идут, так один шум ведётся. Ходили, *одявались в сетках*⁶. *Сетки* у богатых. А у нашего брата не было. Девушки ходили с одной косой, голова красива такая! Всяки разные ленты были, красота! Головы наладят дак это прямо, ой! В косы хорошую ленту брали ... волосища были большия. Головушки-то были такие хорошеньки!

Гармошка

Бывало, вот как придут с работы, помяни Господи всех! Придут с работы и сразу надо взять идти коровушек доить. А Василий Иванович, вот

⁶ Сетки-поднизи, девичьи головные уборы.

Малюткин, он возьмёт гермошку. Вот под коровой сижу – хоть пляши! Коров дою – хоть пляши! Как он хорошо играл, покойничек! Викторушка наш играл, да и Коля играл, но не так выходило, как у Васи покойнаго.

Праздники в Кижях

Осённый Спасов день. А в церкви в Кижях большая служба была. Ото-всюда люди съезжались. Господь ведат, кто и не приедет! Церков есь Покров и Спасовска – Святитель Многомилостлив. Это Многомилостливый Спас Святитель. Образу такому. И вот такая служба была. Ой, даже на улице служили! Не только что в церкви. Отовсюду священники приезжали. Владыка приезжал. На этот праздник только съезжались, на Спасов день. Люди-то были набожны. У кого ись родня, дак тот приеде хоть откуда. У каждого лодка была! Если есь слободно время – он к празднику едет, а нету ... У каждого своя работа была.

А в Покров приходили уже в зимной одеже. В Покров совсем другое дело. Отовсюда тожа на лодках приезжали. Служба шла. Свечки покупали да ставили. Если мни нао молебен сослужить, так я платила деньги в кассы. А в кассах напишут записку да передадут священнику, а там священник службу кончает, он идет к Пресвятой Богородице Скоропослушницы, вот у этой Послушницы крёсту и молился. Мало ли какое горе есть, дак вот Скоропослушница выручала все.

Возвращение с рыбной ловли

В Онего уезжали. Там видь никакой весточки нету, только смотрели в острова люди. Как только увидят, паруса забелели, оттуда идут, люди говорят: «Идут вси! Лёд *пешат*!» У нас так волна-то большая, так эта волна-то в берег хлышет, так столько намерзнет льду-то этаго, так *пешали лёд* этот. Место делали про лодки. И вот как к берегу подходят лодки, бросают канат с лодки, всей деревней ... ух! Зато приедут и икры привезут, и всего на свете привезут. Бочкамы. 18 пудов солили. Это на зиму себе.

Мария Егоровна Широкова

В девичестве Ковина, родилась в 1911 году в д. Воробы, умерла в 1997 году в Петрозаводске. Выросла в зажиточной крестьянской семье, в 1930 году вышла замуж за сына богатой торговки Кижской волости Татьяны Лукиничны Широковой в д. Серёдка. Муж – Иван Павлович Широков-Малахов (1911–1950)⁷.

Семья

У меня свадьбы не было. Я ушла молча. Не выдавали родители, что большое хозяйство было. Девять коров было, *две* лошади. Эта как половина

⁷ Записи 30 августа 1991 года и 22 августа 1996 года, д. Середка. Собиратели Р. Б. Калашикова, Е. И. Яскеляйнен, Е. М. Наумова.

колхоза. Вот отец не выдавал, плакал: «Куда ты идёшь-та? Тебя не хватит на неделю. Ты такая шупленька, столько там работы!» Но... как говорит пословица, мил по душе, проживём и в шалаше. Нет, все равно пойду! Пойду! Пришла, привыкла работать, так не боялась ни работы, ничего. А потом колхоз. Колхоз... мы с невесткой радуемся: «Слава Богу! Всё-таки полегче будет в колхозе!» А свекрова голосом как плачет! Девять коров отдать надо в колхоз! Ну, нам с невесткой оставили, как *два семьи* ... по коровы. Ей корову и *мни* корову, остальное подтёлки, ну, овцы, овец не сдавали. Колхоз был богатый ... для тех, кто работал. У нас была вот невестка с мужем, я с мужем – четверо, свёкор да свекрова – шестеро, и у невестки сын был, шёл ему пятнадцатый год – вот семь человек. Работали в колхозе, как станут зерно давать: «Ну, Широких всё оберут!» Так Широких не два и не три человека и работают. Семь человек так!

Новый дом

У свекровы был раньше большой дом, она в нём держала школу. Потом в Олений остров его продала. Свекрова хотела выстроить дом как у сестры в Леликове – каменный, белый. Сестра замужем была за Клееровым. Она сказала: «Я от тебя не отстану! Я тоже такой выстрою!» Пока денежки копила, война началась, и денежки у ней ухнули! Всё равно сказала: «Робята, все-таки я хоть деревянный, а построю дом». Наняла мужиков, было уже *обложейно* сделано⁸. Вдруг идут от *северика*⁹ такие в годах мужики. Но откуда они всё знали?! «Хозяйка, – говорят, – не у места дом ставишь, надо бы тронуться немножко в гору». «А чего же?» «Не будет здесь хозяина в доме. А чужие будут ездить, кому захочется». Ладно. *Обложейно* сделано... Свёкор говорит: «Разломаем всё!» Но плотники не дали, сказали, что у них самое дорогое сделано. Поставили дом. На Новый год свёкор убрался, деверя забрали в 37-м году, мой помер в 50-м году. И вот нет хозяина¹⁰.

Когда первый венец поставили, свёкорова всем купила по красной рубахе (их было 4 плотника). Мода была эта – мужикам красны рубахи летом держать. Когда выстроили, стали поднимать *коневое*, так, говорит, на *кажрый* угол повесила опять по белой рубахе. Плотникам. Так плотники сказали: «Хозяйка, будешь *без окутки спать* в комнатах». Комнаты очень тёплы.

Деревня Серёдка

Нынче в Серёдке 24 дома нету. Вот считая от Елизаровых и до конца. Поставь-ка 24 дома! У нас как было работы сильно много, хлеба растили

⁸ «Обложейно – это первый ряд на фундамент брёвна положены. Раньше выбирали камни, копали яму глубокую такую. Камень на камень ставили. А потом на эти камни брёвна уложат» (М. Е. Широкова).

⁹ С северной стороны.

¹⁰ Дом до сих пор стоит в д. Серёдка.

много. У кого какая семья была, кто как работал. Было таких три дома, что совсем не работали. Пойдешь на работу, они лежат на улице, загорают. А потом вечером придешь с работы, они придут: «Милостинку!»

Отец Нюры Елизаровой – дядя мой. Нюрына мама и мой папа – *оны братан и сестря*, от братьев дети. Ближняя семья ... родня. Нунь-то не считают родни. Но все равно Нюрка приезжала ко мне сюда, поплакали вместе, погоревали, вспомнили всё. Прошло, улетело стороной ... Я осталась с *семерыма ребятамы* от мужа, она осталась с пятерыма, родители – мать умерла, отца забрали, вот мы с ней погоревали тут, поплакали, всё вспомнили.

Рыбная ловля

У меня свекор да свекрова ездили к Оленьим островам, сетки спускают вечером, а утром *опохажают*. Приедут, навезут – лосось, пальга, судаки, гарькус, сизи, шуки огромны такие! Щука беспокойна, ее заводят в лодку. Лодку *прикривят*, вода идёт в лодку, вот шуку заводят по воды в лодку, нет, так она сетку сорвёт и уйдёт. Очень сильна она! А остальные все спокойные.

Красна-то рыба, как сделают рыбник, так корка вся промаслится сквозь, как маслом намазана. Вкусно! Внук мой ездил два раза туда, в тое место. Так не-ет! Я говорю ему: «Миленький, на удочку лосось да пальга не берёт, сетки надо! В Онего ехать – надот ловушки хороши, а не с удочками. Эдак сидите дома!» Ну, у нас было 5 сеток ряпушковых, 5 онежских да ещё этих 8 али 10, черт знает сколько. Раньше не ловили *удочкимы*. Был невод, неводом ловили, вот в сенокос некогда заниматься ловлей, придешь с работы, невод запустишь на 3, на 4 *вари*. Да и рыбы раньше много было, теперь ... куда-то вся рыба девалась?

Колдун Першин

Такой невидный старичок был, невысокого росту, толстенький такой. Семья у него была, жена, дети. Хозяйство было. Вот у моей тетки, она ткала, постлала на лед полотно, и украли. Вот они к Першину приехали, говорят: «Ты можешь найти, кто украд?» Першин сказал: «Сейчас можете ехать домой, сделаю без вас. Твой холст разрезанный! Утром рано ищи около дому своего!» Она домой приехала, утром *выстали*, полотно подброшено, но раскроёно уже. На кальсоны, на рубахи разрезано все кусками. Она снова к нему пришла: «Не можешь ли показать личность?» Он говорит: «Надо было сразу! Теперь не могу».

Дядя евонный, тот был колдун хороший, знающий. Когда Першин умер, после войны, дочь его старшая говорит: «Теперь все умерло, я вам, значит, скажу, я все слышала и видела. Я расскажу, как дядя учил отца нашего колдовать, а мы, говорит, слышали с девками, с сестрами. Он говорит, что если берешь колдовство, не трусь, струсишь, мы с тобой оба погибнем! Спрашивает: «Не струсишь?» – «Нет». – «Ну, смотри, держи

себя в руках, если хочешь принять». Вот приходят они ночью на *пролубу*, и там старший пошептал у *пролубы*. «А теперь, – говорит, – держись! Кто поднимется из воды – целуй! Если струсил, то нам с тобой смерть!» Оттуда выходит гажья голова, змеина голова, дядя *подтыкивает*: «Целуй!» Ну, он там тыкнулся только. «Дальше что?» – «Дальше еще будет страшнее!» – «Тогда не надо, пойдем, мне не надо колдовства, мне не вынести и не выдержать, мы с тобой погибнем». – «Да, тогда, – говорит, – ты одну часть только будешь знать!» – «Пусть одну часть, хоть ничего не буду знать, а не могу я, мне не вынести!» Вот он и знал только немножко. А дядя у него был – знал много...

Свадебная порча

В наше время, как были мы девушками, пойдёшь на свадьбу, мама наказывает: «Не стойте в дверях! В дверях не стойте, на пороге не стойте! И идёте в *свадебну квартиру*, ногами за порог не задевайте!» *Портёж* полагали в порог двери, в петли. И *портёж* этот переходил, если невесту звать Машей, пойдёт другая Маша, и он может ей перейти.

Видела я, как свадьбу останавливали. Мы вот сидим здесь, а к нам пришел соседний старичок Михайло Ильич Дьяков. А с любого места венчаться ездили в нашу церковь, в Кижы. Вот мы смотрим – о, невеста едет, поезд идёт! Шесть-семь лошадей, *вершника*¹¹ два верхом. А дорога раньше была с Сенной самым берегом, потому что озеро-то зимой поло, вода-то не мерзнет, едут самым бережком. Дедка говорит: «Ребята, хотите я свадьбицу вам остановлю? Смотрите!» – «Ой, деда, не сделать тебе, не сделать!» – «Смотрите!» Поезд подъезжает, он выбежал, вершник подъезжает – конь на задние ноги, второй то же самое. Конь даже с оглобли выходит. А свёкр мой дедке: «Долго будешь издеваться?! Иди спусти свадьбу! Нехорошо делаешь, зачем обижать людей-то? Уж знаешь, дак терпи или делай что-нибудь друго». Были такие вредители. А что против них? Свадьба не знает, в чём дело, почему так сделано, что лошади не идут, на задние ноги становятся да ржут... Мы: «Деда, нам расскажи!» – «Нельзя, а то не будет действовать мое дело, в пользу не пойдет». Песня-то есть *досюльня-предосюльня* «По Дону гуляет», вот это из жизни взято, вся свадьба и вписана в эту песню. Её любили петь.

Ольга Григорьевна Куделина

В девичестве Серова, родилась в 1913 году в Петрограде, жила в д. Дудниково Кижского прихода, умерла в 1999 году в с. Великая Губа. Дочь Григория Титовича Серова, одного из хозяев дома Серых. Дом Серых, памятник архитектуры конца XIX века, сохранился до сих пор в д. Жарниково, находится в охранной зоне музея «Кижы»¹².

¹¹ Шафера, дружки жениха ездили верхом на лошади.

¹² Запись в сентябре 1998 года, д. Великая Губа. Собиратели Р. Б. Калашникова, Л. В. Трифонова.

Серовы

Родилась я в Петрограде, потому что папа там у меня жил, до германской войны мы там жили. А потом папу взяли на войну, папа написал, чтоб выехали: «Уезжай с ребятами домой! Будет голод». И мы выехали в деревню к дяде Алексею. В этот дом. Наш он, серовский, папа с этаго дому. Григорий Петрович и Алексей Петрович Серовы – оба брата, они там в Кижях, на Ямке похоронены. У меня папа пришел с плену. В первую войну был у германцев 4 года в плену, потому пришел большой оттуда. К брату. Тут они и разделились на 2 семьи. По 3 коровы было, по лошади было. Южны две *фатеры* вверху их, северны две *фатеры* наши. Весь низ был питерский. Питерцы приезжали летом как на дачу, а осенью уезжали. Жил там их братан¹³ Василий Михайлович Серов.

Мельница

Когда они делились, мельница ветряная досталась моему папы. Находилась она назади дома. Недалеко от дома стояла. На мельнице мололи рожь, жито на муку. Овес толкли, тоже на муку, такие были песты деревянные. Работал на ней только папа и то не всё время. Как привезут зерно на мельницу, попросят, что смелите, столките. Ему днём некогда, дак он вечером ходил. И я пойду с ним. Как ветер, так мельницу-та и вертит ветром. Она и работает. А я в шубу завернусь да на мешки лягу. Мельница сама работает, он только помешает, сходит, мешки сменит. Платили как? Денег не было, дак за пуд – совок муки, там был деревянный большой совок.

Фатера

На кухне обедали, в *фатере*. Скатерть на столе была обязательно. Домоткана, с холста. Ткали тогда, лён-то сеяли, обделывали. Вытыкали не только прямыми, но и *другояко*, можно было и клетками, можно и «в ёлочку». Только не цветасты, а белые. Как покушают, скатерть убирали. Стряхнут, и у печки такие *грядки* были – на *грядку* повесят. До ужина. В ужин опять садятся за скатерть. Ели – большая миска на столе с супом. Если не хватает руки, значит, ещё вторую нальют. Хлеб на такой деревянной тарелке, сами ведь делали тогда. Был посудник у нас на стенке, дак в посуднике вилки, ложки. А сверху тарелки туда убирали. Такие были деревянные вешалки сделаны – *гвоздильны*. Там висело полотенце для лица. А *рукотёрки* висели там у печки, у *прилавка*-то, там было место ему, утирали руки.

На полу спали, не все ведь на кроватях. Приносили постели, утром в коридор выносили, там деревянная кровать стояла. Были покрывальца овчинны. С овчин. На полу спали, дак тепло. Вот как шубы – *одевальницы*. С *кукелем-то* с таким шили, там ноги в *кукеле*, а так широко здесь. Ведь не по

¹³ Двоюродный брат.

одному человеку спали, парнишки спали отдельно, мы – девчонки, ну, нам делали кровать. Скамейки подвинем к лавке, как на кровати спали.

Кижские церкви

Нас папа не оставлял, в церковь возил вот таких. В *Паску* дак он увезёт нас всех: «Грех спать! Давайте все в церковь!» Церковь полна народу, он на *крылосе*, а мы рядом с братом. Старшими мы были двое. И вот там сядем, он на *крылосе*, а мы эту сторону *крылоса* сядем и тут с братом спим... На *крылосе* – *одне* мужчины, женщин не было. Мужчины, мужчины, мужчины. Все пели. Народу в Паску много: полна церковь. И в паперти полно и ... в ограды ищё, около церкви. Вся молодёжь и все, все в церковь ходили! *Вси* стояли со свечамы. Платки у женщин красивы, шелковы. Другой раз старуха задремлет, ткнёт тебе в платок, дырка и делается...

Спасова церковь красивая очень. Красивая, богатая. Всё в иконах золотых! Такие большие! Нёбо – большое голубое, всё звёздочкамы золотыма. А сколько у нас было риз! Два священника ведь было. Василей да Михаил. Два жили на Погосте. Не братья они были, а два священника. На одном берегу один ходил, служил, а другой на другом, там, где Кургеницы.

А зимой в церковь пешком ходили всё. Пешком по льду – с каждой деревни была дорога. Приезжали и на санях, как далёко дак. Но лошадям отдыхать больше давали... Зимой ходили, конечно, меньше, но ходили всё равно. Стояли *в церкви* в одежде, холодно же зимой. Хотя в зимней церкви две печи изразцовы были.

У церкви такой дом стоял – сторожка. На две половины. Там жили раньше монашки. Они вязали, шили хороши платья. Помню, папа привёз на платье шёлку, дак мама монашкам отправила. Монашки сшили платье шёлково. Перчатки красивы вязали очень. Всё делали. Не знаю, уж сколько там монашек жило, это не знаю.

Дом Серых

Строил дом с Петербурга, тоже была Серов фамилия. И памятники были ихны с женой тут в ограды. Здесь они померли. Но, говорят, он не родственник был, и этот дом он построил для сына больного, тогда такую болезнь чахоткой называли. Он построил этот дом, чтобы сына в деревню вывезить. Сын-то помер, и они моего дедушку, Тита Степановича, взяли вместо сына в этот дом. Да! Дедушку Тита Степановича. А у дедушки-то были, видишь ты, сынова, так этот дом наш и стал. Нам бы такой не построить! Всё под крышей было закрыто берестой, чтобы не текло. Все полы промазаны смазкой из глины, тёплый был дом. Печки были изразцовы, белы, клеточкамы. Перед домом, у воды камень-то на середины большой такой. Бывало, тётенка с ребятами всё выходила, у камня сидела. У нас на бережку так красиво было, хорошо! Внизу палисадник зелёный такой, как садик под окном стоял.

Анна Михайловна Екимова

В девичестве Ефремова, родилась в 1910 году в д. Лахта Кижского прихода. Умерла в 1990 году в Петрозаводске¹⁴.

Жатва

Жатва была, жали ... Когда походили жать, тогда крестили глаза, садились на скамеечку дома в кухне и благословясь походили, а когда приходили на поляну, тогда старшая, свекрова хоть там, скажет: «Рай-рай-рай и полянка в край, железная снасть на тебя пришла!» Вот такие слова говорили и начинали жать. Первую *пясть* домой приносили и хлытали по стенам. Это потому приносили, что не было бы клопов и тараканов. Этой первой пястью ржи хлытали по стенам, кругом, как солнышко ходит.

Жали все, *полянья-то* все рядом, перед друг другом жали, чтобы не отстать друг от друга, ой, там уже по два снопа, а у нас ещё один, ой, у золовки-то там сноп, а у меня ещё не целый! Когда уж выжнем, тогда был *отжин*. У кого были взяты жнеи чужие, скали пироги дома, уже жнеи на поляны, а пироги уже дома скут. А когда у кого ещё много жатья, кто дожинал, дак приходили, звали жней, вот приходили к нам: «Сватья, отпусти ты баб пожать, чтобы нам отжин сделать скорее, рожь надо дожать!» Ну а свекрова говорит: «Нет, нет, бабы устали, не могут». А я вот говорила: «Маменька, я не устала, спусти меня!» – «Да иди-иди!» Это там такой день! Там перед друг другом, это был такой день жаркий, все старались, что поляна дожать надо, что жнеи взяты специально, что дожать. Вот когда дожинали, тогда приходили домой к хозяевам, у хозяев пироги насканы с сыром с сухим, вот этот творог сушенный, с этим творогом пироги все скали. Угощения когда кончали, тогда хозяйва давали всем жнеям по рублю, деньги – расчет. Вот с этим рублем приходила я домой и подавала свекровы рубль этот: «Маменька, возьми рубель». Она мне отвечала: «Поедешь в церковь – поставишь свечку! Денег я не возьму».

Выгон скота

Стояла в воротах там свекрова или мама, стояли в воротах со свечечкой зажганной, свечечка церковная. И вот благословляли, и говорили: «Коровушки-матушки, в лесах днойте, а дома ночуйте!» «Господи благослови!»— скажут и перекрестят взади. Как скотинушка последняя выйдет со двора, всё крестили.

Часовня в Кургеницах

Там, в Кижях, Спасова церква и Покров Пресвятая Богородица, а в Кургеницах часовня, большая часовня, хорошая была, имени она Поясу Пресвятой Богородицы и Рождеству Богородицы. Вот два праздника было, в

¹⁴ Запись 1 апреля 1988 года и 2 февраля 1989 года, г. Петрозаводск. Собиратель Р. Б. Калашникова.

Кургеницах праздновали. Священник приезжал, служба была. Да как приезжал? Ездят мужчины пожилые за ним. На Рождество съездят на лошади, а осенью в праздник съездят на лодке. Священник сослужит службу, а потом ходит по домам служить, батюшку водят под ручку: «Батюшка, к нам, батюшка, к нам!» Вот так. Священник молебен служит дома, дома зажигают свечку у иконы. В квартирах деревенских батюшка служит.

А так каждое воскресенье в часовню ходили, женщина одна держала ключ, девушек брали часовню мыть. Была колокольня, колокола хорошие были, после Паски целую неделю звонили в колокола, часовня закрыта, а колокольня-то не закрыта, вот и звонили всё. Ой, как звонят-то, как приятно, когда звонят в часовне, да колокола-то какие хорошие да всякими разными бендебрюшками такими: «Бах-бах-бауа!» Хоть пляши под этот колокол, такие были колокола хороши! Там в часовне в этой держали купель, такая купель на ножках, в ней крестили детей. Крестил священник. Едут за священником, надо ехать в Кижы, священника в деревне ведь не было. Съездят в Кижы за священником.

Деревня была хороша, весёла

Больше вспомнить нечего, больше и не вспомнить. Деревня была хороша, весёла. Семьдесят домов было раньше. Тогда всё говорили, что семьдесят, и я так запомнила. Там ещё две деревни, другая была маленькая деревенька рядом, через речку такая. Лахта. Скота много держали. Держали по три, по четыре коровы, дак, считайте, по три коровы и семьдесят дворов, дак сколько? Репу садили, дак в лесу такое *репище* делали. Нарубят лесу, потом этот лес жгали, и на этот пепел сыпали вот эту репну, репну семена. Вот это в лесу только репа была, а в деревнях редко в котором огороде есть репочка, это очень редко было. Каждый хозяин так. Редко у кого в лесу не было репища, называлось «репище». Из репы *пару парили*. А это резали репу в горшок и кладовали тушиться в печку, вот это называлась «пара, *репная пара*». Ещё делали такие пироги репны. А капусту... капусту редко садили, потом уж перед самым колхозом стали немножко капусту, а так не садили капусту.

А рыба, рыба ловилась всяка. Весной дак ловилось много шук. Зимой ловилось много налима, летом шел окунь хороший. Большинство сушили рыбу, и большинство солили. Дома сушёная рыба хранилась, на печке *грядки* есть, мешки навешают с сушёной рыбой с этой. А солёную рыбу в чуланах. Щуку солили. Уж в самы последние годы стали ряпушку солить немножко, дак маленькую квашеночку ряпушки посолили. Ягоды были, ягоды толкли. Бруснику вот эту толкли, без песку, безо всего, большие-большие бочки это ягод этих брали. И ягоду эту хранили всё в кладовке. С ягод с этих делали кисель. Тогда ведь морсы-то не варили. Клюквенный кисель варили, брусничный кисель варили. Клюкву, тую брали, морозили всё, тую мёрзлой всё ели. Ни варенья, ничего не делали, не-а. Малину так брали, ели, пока малина есть в лесу. Брали малинник на зиму, эту траву-то эту малинову, где малина-то растёт. Вот это брали как лекарство. Чернику сушили большинство. Сушеную чернику заваривали всё зимой, когда

болеют. Дак мало там черники-то было, что наберут, то скорее съедят. Это у нас была семья, я тринадцатым человеком пришла в семью, дак там по пясточке – это тринадцать пясточек! Много там черники засушишь!

Ещё веников помногу брали. Веников по пятьдесят штук брали. Всю *вышку*¹⁵ завешают вениками! Рябину последние годы тоже стали немножко делать, знаешь, на палочку насадят, как садок такой сделают, и вешали под крышу, там у нас был чердак такой, дак с чердака с окон. Это кто скаат: «У-у-у! Сколько рябины-то навешали!» Колодцы были, колодцы были чуть не у каждого дома. А на чай всё с берега носили. Хоть мы жили на горы, а далё-ёко берег был, всё равно два ведра, три ведра в день – это нужно было на чай.

Детские игры

Из берестав плели такие мячики, берестяны, как я была девочкой, помню, только и играли так. Внутри кладовают камешек какой. Вроде как маленько *лабайдает* там. Ну, гремит немножко так.

Около часовни было место хоро-оше! Можно было танцевать и играть. Ещё ходили, у часовни тут были гумна, называли «гумно», там молотили в этом гумне, дак в эты гумна ходили ещё гулять. Кадрель там ходили танцевали. Правда, ещё в рюхи, я и забыла, в рюхи играли. И большие играли, и взрослые, и подростки в рюхи играли. Большинство летом вечерамы. Ещё играли по четырёх углам. Скаат: «Бабушка-старушка, продай уголок!» Ой, что же на ответ? Ой, забыла, что на ответ-то. Вот, в прятки играют, дак считалочки говорят. Загадки загадывали. Была такая, беседа называлась. Нанимали беседу эту. Там домик такой был маленький, нанимали эту беседу, девочки масло носили за беседу, ребята там деньги платили. *Хозяйке беседной*, она была маленька очень старушка, дак звали Маулушка. Вот эта беседа, когда с прялочкамы там ходим, договоримся, все там девочки, что давайте с пряличьем завтра придём на беседу, ну, вот. Когда сядем по лавкам, а огонь горит на этой, на полке под потолком. Вот так. Тут и пряличье кладут, тут и потанцуем, а ребята провожать пойдут, прялицы наши понесут. И смеются... Деревня была большая. Весёла! Хороша была деревня.

Надежда Федоровна Лёвичева

*Родилась в 1908 году в д. Усть-Яндома Яндомозерского прихода. Вышла замуж за Николая Тимофеевича Бочурина с о. Кижи, муж пришел в семью прикомом, перешел на фамилию жены. Умерла в середине 1990-х годов*¹⁶.

Случай на свадьбе

Была у нас эта Таня, девку звали на Пудоожской Горы, она ещё будет в другом колене двоюродна сестра, а такая шустрая была! Выдавали замуж за пятнадцать километров, брат ю насилу выдавал за жениха с Пяльмы, и туда

¹⁵ Чердак.

¹⁶ Запись 25 июня 1989 года, д. Воробы. Собиратели Р. Б. Калашникова, Е. И. Яскеляйнен.

придано увезли, и постелю увезли, она говорит, я всё равно убегу, пусть хоть от венца да уйду. А я на маминой родине там гостила, дак она мне говорит: «Вот увидишь, как я уйду!» Взяла, письмо написала... с парнем, с которым гуляла, а у парня было братьев много, и жили бедно-бедно, а у ней-то *покруту было матерного*¹⁷, мать померла, а матерной *покрут* весь и остался! Дак парня нарочно вот ёйного, с которым она гуляла, отправили вот за пять километров в Габнево – так называли деревню. Нарочно отправили парня под извоз на три дня! А что-то свадьбой случилось, что отменили свадьбу-то на день вперёд ащё. И, верно, так судьбы-то быть! Она и говорит: «Ой, слава Богу, что свадьба отменяется на день вперёд!» Задержка какая-то, ждали гостей, собирали родственников всех, и ей как раз кстати-то и попало. Она взяла, написала письмо и передала его одному товарищу, и он ей с этим же товарищем послал записку, что если что со свадьбой у вас последует, дак я потом всё равно за тобой приеду, уезу. Только будь наготове каждый час, каждую минуту! Ну а договорённость у них, что всё равно уйдёт. Дак я говорю: «Ой, Танюха, Танюха, неужели ты сбежишь, если повенчаешься, ведь это страм, стыд и грешно. В церкви венчаться будеть, и ты убежишь?!» А церковь-то у нас была под окном, как вот наша байна. Она говорит: «Вот не поверишь, покаюсь я хоть перед Богом, хоть перед тобой покаюсь, не буду всё равно я там жить, не буду! Что-нибудь сделаю, если только меня не свядут с моим парнем, с которым я гуляла! Все равно, – говорит, – я что-нибудь сделаю, что-нибудь сделаю!» Я говорю: «Хоть не решай себя-то ради этого! Не решай!» – «Но жить не буду всё равно насилу. Как это насилу я буду жить! Брату надо, ну, что я брату скажу, если брат меня больше не любит, у него семья, четверо детей, живут бедно. А брат говорит, что пока смогу, дак вот хоть небольшую свадьбу сделаю, выходи замуж да и всё!» Она такая шустрая была, дак он за ю и боялся. Вот как станет *боговенчальная*, ему надо скорее ю спихать, пока она не тронута, девушка, повенчать, а то и в церковь не пустят венчаться. А уже стали в народу вроде *прогуркивать*¹⁸, вроде говорить стали между друг другом, что Танюха всё равно убежит. А брат торопится скорее венчаться.

Церковь приготовили и свадьбу, *стол провели*, народу много очень было, свадьба большая была. Ну, ладно, все подарки-то ей надарили, я как своя сидела рядом невесты за столом, она крепко так мне говорит: «Ты виду никакого не показывай, ты сдёрживайся!» Всё меня строжит. А я переживаю. Парня-то нету, нету, нету, нету. К венцу их повезли. Эта вся порода-то ейна, тётки, *дяиньки*¹⁹, матери-то не было, дак уж все собрались, народу-то много, все в церковь пешком идут и говорят: «Ой, слава Богу, слава Богу сейчас повенчаются, дак уже уедет с мужем». Ой, брату-то вси спасибо говорят за всё. А она мне сказала: «Может, как-нибудь выйдешь с церкви, посмотришь, приедет ли он к церкви аль не приедет?» Я говорю: «Таня, ну, как я выйду с

¹⁷ Материнской одежды.

¹⁸ Поговаривать.

¹⁹ Дяинка – жена дяди.

церкви?! С церкви, пусть не закрыты двери, но всё равно неудобно при людях, не велят перехаживать, если стала на место, стой спокойно». Ой, а уж молодых на ковёр поставили, венцы на голову одели, как у меня слёзы полили вот так, стою рядом ей почти, а слёзы как полили, она на меня взглянула, у ей слёзы покатались, а сама мне моргает, что всё равно сделаю, как мне надо, настою на своём. А порода вся радуется, те и другие...

А парень ейный с товарищем... в церковь подошли. Уже священник отпел всё свадебное, а только что вокруг налою-то молодых вести. А он подходит, парень-то ейный, товарищ и парень, кепочки оставили в саях, голымя головами пришли, причёсаны. И сразу подходит рядом и священнику говорит: «Извините, пожалуйста, батюшка священник, извините, пожалуйста, венчайте нас», – говорит. Она тут и заплакала. «Вот, – говорит, – с кем буду венчаться!» Священнику: «Батюшка, венчайте нас!» – говорит. Вся церковь полна народу, все взволновались, прямо удивление такое было, дак Боже упаси, какое волнение было! А этот жених стоит под венцом, а другой подошёл, говорит: «Мы будем венчаться» А священник-то говорит: «Обождите, ну, как тут соблюдать? С одним начал венчать, а второй подошёл!»

Ну, как оплётанный, вышел жених. Свадьба сделана, всё придано невестино увезено, даже шуба отправлена и платок атлазный, и перчатки, и всё-всё-всё туда отправлено было. Жених вышел как оплётанный. Вышел с товарищем, товарищ иль братан аль брат, аль кто, не знаю, дак вышли и так и поехали без невесты домой в Пяльму. И, помню, двенадцать или тринадцать лошадей было, так все уехали туды, невестино приданое увезли, а невесты нет. Брат ушёл с церкви, и *сродники* ушли, и она повенчалась. Священник не имеет права венчать, священник спрашивает в первую очередь жениха: «С охотой женитесь?» Если он скажет, что с охотой, значит, он венчает, а если он скажет, что с неохотой, священник прикрывает венец. Так и девушку спрашивает: «Обневоляно под венец встали?» Если она сказала «обневоляна», всё, закроют венец, не венчают. Если обневоляна, силой не имеет права священник венчать. Надо венчать с любви. А она тут в открытую сказала: «Я неволей иду!» Ну а тут с этим женихом-то охота, да и повенчали их, повенчали. Он ю в сани, дак он с себя раздел, тужурка была, жили бедно, дак он на ю тужурку одел, и на ю какая-то женщина бросила платок через народ, ей на голову. «Что ты без платка, – говорит, – Таня!» И так он за пять километров домой увёз. Той же ночью оны уехали в Повенец. У него в Повенце работать было поступлено, у парня-то у этого, у ейного. И в Повенце и сейчас живут. Вот Таня наша как выходила замуж!

Анна Викторовна Клинова

В девичестве Вавилина, родилась в д. Телятниково 17 декабря 1909 года, вышла замуж в 1928 году. Умерла в середине 1990-х годов в Петрозаводске²⁰.

²⁰ Запись 5 июля 1991 года в д. Телятниково. Собиратели Р. Б. Калашникова, Е. И. Яске-лийнен, Е. М. Наумова.

Праздники

В Спасов день все ездили в церковь. У нас в деревне с каждого дома ездили. Утром, рано утром, обедня всегда начинается в восемь часов, в девять или в половину. Обедня пройдёт вот в этой в большой церкви, эта маленькая Покровская, а эта Спасовская. На людях самое красивое одето. И особенно красивые платки были! Одевали всякие сарафаны, коротки казаки.

И кто сможет, дак тот съедет. Ведь не у каждого ещё лодка была. Но тогда лодки у всех были, у всех лодки. И всегда на гребках ехали. А там, у Кижей, останавливались у церкви. Да, это у церкви тут пристань была. С нашей деревни лодки четыре приедет, от Жарниковых приедут лодки, от Воробьёв приедут ... с Сибова. С друга берега. С каждого берега идут лодки. Иногда приставали в самом начале острова, а потом пешком шли туда. Чтобы грести меньше. Тут ильмы раньше были, была рожь такая, вот дорога, и сейчас дорога есть, дорога широкая, по одну сторону рожь, по вторую – рожь. Поповские поля. И вот рожь там, там и идёшь по полям, в церковь идёшь летом. Красиво! Вот теперь нету красоты-то такой. Нет. Настроено всего, а что, всё уж старое, дак. А в церкви-то было золото! Церковь-то была большая такая, красиво-то как! Ой, я любила, так красиво там!

А на Пасху мы ездили, дак у попа останавливались. Да, на острове. Такой большой дом был, кухня большая. Вот мы приедем, дак они собираются, вот эта Мария Михайловна да Анна Михайловна, да Клавдия Михайловна – дочери были, потом Николай Михайлович, Михаил Михайлович, потом Пётр Михайлович – вот эти все, они ходили в церкви, пели. Вся семья пела. В два голоса пели. А исповедались ещё. Вот, до Пасхи-то исповедались, ребят-то гнали. Нас пригонят туда, значит, исповедоваться вечером, и пока они на церкви, а мы дома там расшалимся, ужас один, как расшалимся. Он придёт, но не ругается, говорит: «Дети, вы же исповедались, надо скромнее вести, нельзя ругаться. Ложитесь спать»²¹. Ой, много, много всех детей было: наши дети, кижски, там жарниковски приезжали...

Отжин

Справляли. Пирог скали. Это и сейчас делают, но сейчас больше из белой муки, а мы с ржаной муки делали. Такой тонкий пирог. Творог сушили, потом с маслом, с толокном замешивали и вот жарили. Уже в деревне слышно: «А, вот такие-то отжали!» Потому что запах по всей деревне шёл. Это, когда отжал всё, когда кончил жатву ржи, тогда это было.

Как нанимали жней

Жней у нас не нанимали, у нас мало нанимали. А вот я вам расскажу, жней нанимали в Деревянном, Деревянное знаете? Там один нанимал жней. И он, как приходят жней, он садит за стол и чтобы ели досыта, а одна женщина пришла, но молоденькая такая, она, может быть, стеснялась, и си-

²¹ Крестьянские ребята после исповеди ночевали в доме священника Русанова.

дит так и не ест, а он подошёл к ней да говорит: «Марья, а, Марья, пой домой, не жнец ты, ешь мало, надо есть хорошенько!» Вот, чтобы люди наелись и чтобы жали, да! А мы когда ещё не было этих... колхозов, ничего, у нас была молотилка своя, деревенская. Общественная молотилка. И мы, девочки, все собирались, у одного отмолотим, идём к другому молотить, и вот друг другу помогали, просто помогали. Каждому обмолачивали.

Знакомства

Познакомились с мужем у Сычёв на бесёды. Танцевали парочкой. Приехала, а мама как раз встречала, мы приехали, хохотали. А мама говорит: «Аннушка, не дело ты делаешь!»

Ведь, бывало, ходили иногда и по два года с друг другом. У меня брат двоюродный женился²². Из Серёдки на Клоповой Анне, а он у Маньшиных жил, у братьёв. Они долго ходили с ним. Отцу он не нравился – бедный. Они как побогаче были, а у наших-то бедный да и ребят много было, да он старший был. Вот, значит, Клопов-то говорит: «Время идёт, не малина, не высыплется» – про дочь, про невесту-то. А они честные были, очень честные такие. Ну, и поехали свататься, приехали они, а Клопов ходит: «А, не малина, не высыплется, поспеет, поспеет, поспеет». Не хотел. А потом вышли, дак они всю жизнь жили хорошо! Да. Жили до старости.

Староверы

При нас уж красильни в деревне не было. При нас уж староверы в романовском доме жили. Они одевались не так особо, как они ели особо. Они в маленьких чашечках отдельных ели. Каждый со своей. Богу молились, они постоянно Богу молились. Иконы у них такие большие, икон много, и они молились, и никто к ним не ходил в это время.

Когда молились, дак у них было, как называется... *чётка* какая-то, как-то называлась. Как цепочка. И они молились Богу, и вот это... представляли. У них батюшка был, вот. Он приезжал к ним. С Вертилова. Они всё так же, как мы, делали. Всё! Но только вторая вера у них была. Наша вера христианская, а это была... старая вера.

Василий Иванович Ольхин

Родился в д. Ямка 22 апреля 1909 года, умер в декабре 1995 года в Петрозаводске²³.

Христовлавы и ряженые

После Рождества, конечно, ходили, как Новый год ходили. Всяко одевались: и медведем, и волком, и в шубе заворачивались. Всяко, всяко! Кто

²² Дмитрий Владимирович Маньшин и Анна Андреевна Клопова.

²³ Запись 15 августа 1991 года, д. Телятниково. Собиратели Р. Б. Калашикова, Т. И. Рождественская.

как мог придумать. Плясали обычно танцы. Вот русская наша кадсель – это обязательно было. Ну, хозяин мог угостить, если самостоятельный хозяин. Если он знает, что свои пришли, дак, конечно, и самоварчик поставит, после узнаваемых гостей поит чаем. Например, вот пришли ряженые сейчас, в данное время, если бы я двух-трёх человек назвал, может, «Марья!», она бы сразу мне откинула платок, что я угадал, значит, правильно. А кого не отгадал, тот так маски с себя и не снимал.

Несколько человек ходили Христа славить. Приходилось этим делом заниматься. Например, самая это малая группа – три человека. А то и пять человек ходило ребят. С вечера ходили. Ну, например, часов до двенадцати, до часу ночи – это было самое малое, а то и больше некоторые ходили. Мы пели только в своей деревне, в свою деревню только и ходили, по своей. Была сделана звезда. Из бумаги разноцветной. Она ... само основание круглое, а вокруг лучи или как их назвать. Вот мчался в этот дом: «Христа можно прославить?» Хозяин или хозяйка говорит: «Пожалуйста, можно». Вот, зажигаешь эту звезду внутри и перед иконой становишься и поёшь эту заповедь всю «Христос рождается...» Ну, и хозяйка потом, знаете, тебе даёт там деньги или что-нибудь такое.

Мария Николаевна Воронина

В девичестве Буканина, родилась 27 декабря 1912 года на Волкострове, в д. Насоновщина²⁴.

Свадьба

В одной деревне, так считай, жили рядом, дак познакомились. Гуляли долго. Год целый, а потом уж мне годов не хватало. Я молодая была, мне шестнадцать лет было. Он немного старше меня был. Воронин Василий Иванович. Тогда ведь в сельсовет ездили, не было венцов. Съездили на санках. Санки подарил папа мне, знаешь, разъездные. Ой! Лаком крытые! Тут цветы на *переднице-то* были. Приехал Вася к нам, у него был конь беговой. Тогда на бег ездили, слышали, наверное, ездили на бега, кто хотел, зимой на праздниках. Коня привели. Папа говорит: «Пусть ведёт Василий Иванович!» Боевой был конь, и поехали мы с Василием Ивановичем, да ещё с шафером, братан был Иван Яковлевич. Съездили да не записали нас, что маленькая ещё ... Обратно приехали и свадьбу играть стали.

Я по любви вышла. И никогда не расстраивалась. Это как по любви, дак это хорошо. А если человек тебе, как медведь, кажется... Свадьба была небольшая у меня. Тогда не было ничего, ни венцов да ничего. А я желала повенчаться в церкви, так мне нравилось. У меня двоюродная сестра венчалась, я шаферицей была у ней. Да так я хотела! А потом прикрыли всё, и не было ничего, не работала церковь, колокола были увезены, всё-всё-всё, разруха только... Так мне страшно хотелось венчаться, а вот не пришлось!

²⁴ Мать – Евдокия Ивановна Буркова, д. Шуеных, Волкостров.

Запись 21 апреля 2000 года, г. Петрозаводск. Собиратели И. И. Набокова, Р. Б. Калашникова.

Замужество тетки Шуры

У меня у тётки Шуры, она в Ленинграде жила, Коренева фамилия. А Коренев, он сам был тогда из Вороньих. Иван Васильевич Коренев его звали. Он приехал к нам из Ленинграда, бывало, когда мою тётку брал замуж, эта тётка ещё была молодая. Приехал и говорит: «Агафья Васильевна (бабушку мою звали), я к тебе приехал, я у тебя Шуру увезу!» Она: «Да, ты что, Иван Васильевич! Как это, я только одну девку выдала замуж, я с чем её выдам, голую, что ли?! Где мне взять, всё это купить да достать?» – «Ничего, мамаша, отдавай мне Шуру голую, в одной рубашке, увезу, одену, как куколку!» Так и дело сделал. В Ленинград увёз, правда, как куколкой *была закручена*, приехала, дак не узнать нашу Шуру.

Праздники

Спасов – это же наш праздник! Местный. Мы всегда ездили туда к празднику. А как справляли? Съездим в церковь, а потом приезжаем домой, вот настряпано всего было. Садимся за стол дома, семьями, кто как, у кого есть еще родня, дак приглашали, и угощаемся. А больше так не было ничего. Торговцы были и всякие гостинцы продавали, сладкое. Конфеты да яблоки, вот в Успенье, праздник Успения, вот тогда уж яблоков навезут, везде торгуют.

Игрища были в деревне летом, а как же! Были. Гармони играли. И молодёжь собиралась летом, у нас в деревне Посад, там в деревне на горы такая поляна, хорошо было... Кадриль и *ланцы* танцевали, вальс и *коробочку*, и все танцы знали мы. Бывало, ходишь в кадрили, а потом *ланец*.

Я по гостям не ездила никогда, не любила я ездить. Только в Кургеницы. Мы у Привалихиных, у Титовых гостили. В Кургеницы ездили, гулянья были. Приедут с гармонью да соберутся на площади, гуляют. Теперь это уже все отошло. Теперь этого не танцуют ничего. Одевали сарафаны старые, пожилые женщины, а мы сарафанов не носили. *Казаки* носили до нашей мамы, была мода такая, мы их тоже не носили. Чёренькая юбочка, кофточка беленькая. Было, было всё. Всё оно улетело у нас!

Бесёдки

На бесёдках мы и пропадали! А мы ходили, у Шуеных бабушка жила, нету того дома сейчас. Бабушка Паша, старенькая такая, Титова ей фамилия была. Вот мы идем, ребят у ней много было, знаешь, идем когда, несём стряпни. Кто из девок идёт на беседу, тот и несёт. Пускай она проживёт целую неделю на этом всем! А *платёж* – это был отдельно... Платёж парни платили за *бесёдную фатеру*. Сразу нанимают квартиру на зиму и платят деньги. Бывало, в Благовещенье нельзя ведь танцевать было. Сидят, сидят парни, играют гармонь да всяко дудят там. Вдруг кто-нибудь: «Бабка Паша, разреши нам кадсель сходить». «Да, подьте, уж, известно, что пойдите, пойдите!» Она так подеревенски скажет. И тут пойдёт веселье, тут забыли, что Великий пост. И еще только в Благовещенье, в тот праздник завязывали глаза, в «имушка» играли. Завяжут глаза, бегают по углам. Ой, поймают все равно!

Мельница Биканиных²⁵

Как же, круглый год и работали мельницы! А остановки летом только, летом мало и ветра веют, и люди косят, спешили всегда смолоть раньше. Сколько платили, не помню. Кто не может деньгами, тот мукой, а с Кургениц сюда к нам всегда рыбы привезут хорошей. За помол привезут рыбу. Якова Егоровича Рогачева помню, у него тоже мельница на Еглове была. Мы гостились с ними. У Рогачевых много было мастеров своих, сами ставили мельницу, их семья. Ну а лодки? Папа мой шил тоже лодки. У нас мастера все лодочные. Лодки шьют иногда такие мастера, что поедешь и опрокинешься, а наша лодка никогда не опрокинулась. Папа славился. Нигде он не учился. Самоучка, сам по себе. С отцом они делали все дела. Отец и научил его, Яков Кузьмич. Помню, продольной пилой они доски пилили, дедушка стоит внизу, пилу дергает, а папа наверху на бревне стоит. Вот как нам доставалось, дедушке... А кулаком сосчитали.

Дом

Дома две иконы у нас были большие. Лампадка была. А на лампадке ячико висело, «Христос Воскресе» написано золотыми буквами. В каждый день она не горела. А вот в праздники... Цветы у нас были. Дорогие, хорошие. Был и такой цвет у нас, фикус большой в горнице. Очень даже хорошая была посуда. Она в буфете стояла да ещё в шкафу чайном. Какая у нас была посуда, да, век не видать больше! Куплена да дарена, привозили гости. На каждый день у нас которые чашки, с которых пили, были отдельно. А которая хорошая, чистая, фарфоровая – для гостей. Часы были, с боем часы. И обои в доме были. А как же! Дом такой крашенный дак. У нас все крашено было – потолки и полы, и все-все было крашено.

Песни

Замужние женщины, они не на бесёды, на работе поют. Жнут, песни закатят. Пели, да еще как пели! В свадьбу пели на ужине, конечно. Эти песни уж забыла я все, не могу вспомнить. Папа пел, на гармонии играл. Дед пел «Раздивья тому на свете жить». Это свадебная песня. Когда с невестой ездят, катаются, вот едут к венцу. Хорошая жизнь была. Пели всё время. И дедушка, бывало, колотит, дак поет. Он любил у нас на гармони играть, ой! Играли на гармониях, тогда была мода. Как в песне-то: «Певай, гармонь моя, сегодня тихая заря. Сегодня тихая заря, услышит милая моя!» Папа у нас любил играть. Самоучка. Тогда самоучкой и грамоты учились. Я самоучкой тоже научилась писать. В школу не ходила.

Хозяйство

Без пастуха коров пасли, вывозили на Сумской, остров рядом тут у нас был большой. Туда вывозили с Волкострова все. Там были такие

²⁵ Мельница Н. Я. Биканина находится в заонежском секторе экспозиции музея «Кижь».

стайки, там летом закрывали скот. Никто и не смотрел. Вечером приедем, подоим коровушек да молоком увезем. Утром приедешь, подоишь опять. У нас мама ездила и я ездила, помогала. Вдвоем поедем, целая лодка, сядем женщины, девочки, песни поем. У нас четыре коровы было, две лошади было. Вот скотина наша. А овечка одна была, держали только для шерсти. Негде было держать овечку. Бывало, скотина терялась, блуждала. У нас, папа, правда, искал лошадь. Потерялся конь у нас, а в это время надо было сеять рожь. Поехал папа, искал два дня коня на материке. Потом на второй день приходит, медведь съел, медведей было много. И сейчас есть.

Вера

Папа в Бога верил, мы все верили в Бога. Маленькая была, дак мы ездили в церковь, вот, ко Спасову дню. И не работали в праздник, стряпали дома, на службу ездили в Кижы, потом ходили на кладбище.

Верили, Богу верили и этому верили всему. А как веровать не стали, вот тут-то и беда! Вера-то кончилась. Но поверят все равно. Я сама верю, вот у меня крест всегда.

Мария Михайловна Русанова

Родилась в д. Погост Кижского прихода в 1911 году, умерла в Петрозаводске 2 мая 1994 года. Дочь кижского священника Михаила Александровича Русанова (1874–1943). Священниками в Кижсах были ее прадед Андрей Иванович Русанов (1821–1875) и прапрадед Иоанн Феодулов (1776–1866)²⁶.

Отец

Окончил в Петрозаводске духовную семинарию и сразу был направлен в Кижы. Служить в церкви кижской. До двадцать девятого года (1929) он служил. Церковь работала, потому что крестьяне съездили к Михаилу Ивановичу Калинин у с просьбой, чтобы церковь не закрывали. Поэтому служба продолжалась. Потом отца отправили на лесозаготовки, одного. Ключи от церкви он передал в сельский Совет. Очень жаль, что он не взял с них расписку и не сделал описи, в которой указал бы ценности этой церкви. В церкви были серебряные позолоченные чаши, кресты позолоченные серебряные, небольшие чашки для причастия, паникадило было серебряное. Много икон было в серебряных ризах, но точно я всего, конечно, не знаю. Отец не доехал до лесозаготовок, заболел воспалением легких, и в Медвежке его уложили в больницу. Там в это время работал мой брат, его сын Николай. Когда он с больницы выписался, пожил немного у Николая, а потом переехал в Петрозаводск. Мама осталась в Кижсах, в старом своем доме. Был это январь месяц, колхозники отобрали

²⁶ Запись 25 марта 1988 г., г. Петрозаводск. Собиратель Р. Б. Калашникова.

дом и стали пилить на дрова. Маму выселили в деревню Мальково. Перевез ее крестьянин Маркелов Иван. Она была одна до пароходного движения. Когда вскрылось озеро, Петр – это сын, мой старший брат, съездил и привез маму в Петрозаводск.

Семья

Восемь человек ребят было, 2 коровы, лошадь. Все заготавливали летом. Например, уезжали парни, у меня ведь 5 братьев было, на сенокос, отцу выделено было место в Копаницах, там за Сычами ... Здесь, на острове, нечего косить. Тут поля. Вот только напротив-то был Поповский остров. Там мы ставили сено тоже, ставили. Так это на первое вот время, на начало зимы. Пока не замерзнет дорога. А потом туда ездили, в Копаницы, сено возили. А кто косил? Сами косили.

Праздники в кижских церквях

Пока церковь работала, по праздникам, по большим ходило очень много народу. Добираться до церкви летом надо было на лодках, а зимой – на лошадях, в распути – меньше было. Но вот в такие праздники, как Крещение, люди купались, на озере была сделана большая прорубь – *йордан*. На йордан ходили с крестным ходом в Крещение. Прямо в озере делали. Обкладывали досками, большую прорубь делали тут у пристани сразу. И там всегда были купающиеся. Меньше 5 человек не бывало. Дмитрия Степановича Богданова мать всегда купалась. Как только три раза опустит крест священник, они поют: «Крещайтесь тебе, Господи, тройчская явися поклонение, и дух в виде Голубени». И тут иногда раньше голубей пускают. Три раза окунают крест. И сразу прыгают. Бабы, старухи эти... у всех привязаны кушаки. Длинные, большие такие пояса. Прыгали, их на кушаках держали, а потом быстро выскакивали, ноги в валенки и бегом в сторожку переодеваться. Ой, я всё боялась, бывало, маленькая, ведь стоишь тут, ой, как они туда бух!

Второй день Пасхи ходили с крестным ходом по Кижскому острову. На Нарьну гору. Там служили молебен. Вот это я помню. Приходили мужики из деревень, забирали хоругви, иконы забирали и несли туда. Весь народ туда с церкви шел. Прямо после обедни. Там часовенка-то стояла.

Самый главный праздник Преображенской церкви – это Спасу Преображение. Он празднуется 19 августа. Народу очень много всегда было. Приезжали с Петрозаводска, даже архиерей приезжал служить службу. Его встречали с колокольным звоном, только покажется пароход из-за Керкострова. С большого собора из Петрозаводска приезжали, значит, он с целой свитой приезжал: там дьякона с собой брал и других там помощников архиерея. Была торжественная служба. Народ весь гулял в этот день на погосте. У нас в доме были в трех помещениях накрыты столы. Любой человек приходил, всех кормили и поили в этот день.

Преображенская церковь работала по времени: с Пасхальной ночи и до Покрова. Эта церковь считалась летней, в ней не было ни печей, ни отопления никакого. В Пасху служба вся переходила в Преображенскую церковь из Покровской церкви. И лето все до 14 октября служба была в Преображенской церкви. На зиму переходили уже в Покровскую.

Гражданская война в Кижях

Во время Гражданской войны однажды обстреливали весь погост. Военный корабль стоял около Кузнецов и стрелял прямо по погосту. Наш это Красной Армии корабль, потому что накануне были белые на погосте. Обстреливали, чтобы узнать, есть ли тут белые или нет, а белые уже накануне удрали к себе восвояси. Однако около сорока снарядов было выпущено по погосту. Один из снарядов попал в церковь Преображенскую, в купол. С левой стороны купол был разбит. Сразу отец позаботился о том, чтоб отремонтировать этот купол. И отремонтировал его из деревни Мальково крестьянин. В Гражданскую войну наш остров был как передовая позиция. Причем нас возили туды-суды в разные деревни. Красные придут, нас увезут в Подъельник, белые – увезут в Подъельник. Далеко нас увозили – в Подъельник! Смешная была война! Красные придут, у них не было ни красного флага, ничего, придут к маме просить тряпку какую-нибудь. У нее был фартук большой красный, повесят на колокольню – здесь красные. Красные побудут, побудут, опять белые наступают, тогда нас везут в Середку, потому что мы все были мал-мала меньше у отца, детей-то полно. Утихнет когда все – опять мы домой.

Приезд И. Э. Грабаря

Помню, я была еще девочкой, к нам приезжал, отец говорил, очень знаменитый человек, архитектор и художник. Он работал тогда в Москве в художественно-архитектурном институте, на кафедре архитектуры. Вот он приезжал, неоднократно приезжал летом со своими студентами. Их очень заинтересовала церковь наша и постройки. Наш дом, например, он говорил, одна сторона – поздней архитектуры, а другая сторона – ранней, крыша на два ската. Всё они это рисовали. «Михаил Алексаньч, – отцу он говорил, – собор ваш будет поставлен на государственную охрану, и надо его под стеклянный колпак поставить!» Вот прямо так и сказал. Я слышала это своими ушами. Действительно, после его слов, когда он снова вернулся, было вывешено охранное свидетельство на дверях церкви. Мы ведь тогда и не ценили природу – ту, которая окружала нас. Ведь это было настолько все естественно, мы родились при этом, при всей этой красоте, и ведь только при советской власти люди стали такие появляться, как Грабарь, заезжали и с отцом беседовали. Отец очень-очень заботливо охранял церковь. Он присматривал за каждой досочкой, drankой-то, которой покрыты были купола. Это drankой называлась черепица деревянная, по-нашему, по-крестьянски.

О. А. Набокова

К ПРОБЛЕМЕ КЛАССИФИКАЦИИ ПРЯЛОК

На протяжении длительного времени прялки рассматривались исключительно как объект художественного народного творчества, поэтому и классифицировались только многочисленные варианты их художественного решения. Из-за небольшого объема данной публикации мы вынуждены отказаться от подробного обзора предпринятых начинаний и ограничиться только констатацией их результатов.

Один из первых систематизаторов прялок А. А. Бобринский еще в начале XX века выделил на территории России восемь типов прялок. Шесть из них определены по совокупности декоративных приемов обработки плоскости, свойственных разным местностям (вологодский, двинский, мезенский, поморский, тверской, ярославский типы). Один тип выделен на основе стиливых особенностей декора («под влиянием городского и помещичьего быта») и последний – по основному приему резьбы («прялки прорезные»)¹. С тех пор принцип выделения групп по локально устойчивой совокупности трех-четырёх характеристик декора практически не менялся, как не менялось и стремление классифицировать только художественно яркие образцы.

С течением времени во внимание стали приниматься и другие особенности прялок. Так, например, Н. И. Лебедева взяла за основу несколько принципов систематизации, разделив прялки по способу их функционального использования, по способу закрепления на них кудели, по схеме конструкции². Конструктивные особенности в качестве основания для классификации использовала О. В. Круглова, выделив два класса прялок – копыльные и составные. Но следующая ступень ее классификации, как и прежде, состояла в выделении типов прялок по совокупности нескольких декоративных особенностей, устойчивых в пределах какой-либо географической области³. В последнее время все

¹ *Бобринский А. А.* Народные русские деревянные изделия. М., 1910. С. 11.

² *Лебедева Н. И.* Прядение и ткачество восточных славян в XIX – начале XX в. // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 489.

³ *Круглова О. В.* Границы распространения прялок Русского Севера и Поволжья // Сообщения Государственного Русского музея. Вып. XI. М., 1976.

чаще встречается деление прялок по одному из декоративных признаков, преимущественно по характеру силуэта прялки⁴.

Нельзя не отметить положительную роль полученного опыта. И все же необходимо констатировать, что к настоящему моменту нет такой классификации, которая охватывала бы все многообразие прялок. Деление прялок по конструктивному или функциональному признаку в свое время было продиктовано решением конкретных исследовательских задач и дальнейшего развития в классификационную систему не получило. Метод систематизации по совокупности локально устойчивых художественных приемов, хотя широко используется в научном обиходе, вызывает справедливую критику. Примером может служить публикация И. М. Денисовой, в которой обращается внимание на избыточность географических привязок, отраженных в названиях типов прялок и упорно противоречащих фактам. В результате исследователь делает следующий вывод: *«В существующей на сегодняшний день классификации прялок группы сформированы прежде всего по географическому принципу с учетом формы стояка и типа соединения его с доном, акцент делается на вид декора. Этот комплексный подход, несомненно, единственно верный для подробного картографирования прялок и ведения музейной работы. ... Однако должен быть четко определен единый главный принцип (признак), на котором основывается классификация (желательно учитывать этот признак и в названии выделяемых типов). Поэтому существующую на сегодняшний день классификацию русских прялок в строгом смысле таковой считать нельзя»*⁵.

В приведенном высказывании нашли отражение и широко распространенное понимание проблемы, и взгляд на то, какими путями можно ее разрешить. Этим высказыванием мы завершим краткий обзор состояния вопроса и перейдем к изложению собственной точки зрения.

Прежде всего подчеркнем то, что прялки настоятельно требуют нового научного классифицирования. К настоящему времени расширились и изменились цели исследований. Прежняя цель, состоявшая в выявлении и объяснении природы художественного феномена прялок, сейчас, видимо, должна рассматриваться только в качестве одного из аспектов общей проблемы, связанной с механизмом становления, развития или трансформации народных традиций. Изучение прялок в ракурсе этой проблемы представляется очень перспективным. Прялка является, пожалуй, единственным дошедшим до нас предметом народного быта,

⁴ Например, *Слепынина Л.* Прялки Русского Севера на территории Костромской области // Краеведческие записки: сб./Костромской объединенный историко-архитектурный музей-заповедник. Кострома, 1993. Вып. V. 1993. С. 98–104.

⁵ *Денисова И. М.* Прялки зоо-орнитоморфного типа в контексте этнической истории Русского Севера // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 69. В цитате сохранено авторское выделение текста.

который неизменно поражает не только художественным многообразием, но и устойчивостью облика, свойственного одной и той же местности на протяжении длительного времени. Положительным моментом является и обилие предметного материала. В ходе многолетней собирательской работы в музеях России сформировались огромные коллекции. Только в музейных фондах Карелии хранится по крайней мере около тысячи прялок. Во многих местностях прялки еще не полностью вытеснены из обихода, поэтому экспедиционные наблюдения до сих пор дают обильный материал.

В то же время воспользоваться информацией, содержащейся в прялках, удастся только при непосредственной работе с предметом. Научные и каталожные описания традиционно исчерпываются несколькими характеристиками декора, реже одной-двумя характеристиками формы или конструкции. Постоянно встречаются описания, в которых фигурируют не признаки прялок, а их эстетическое восприятие (прялки «тяжеловесные», «массивные», «изящные» и пр.). Сравнение разных типов ограничивается констатацией некоторых отличий. При этом нередко для сопоставления предлагаются характеристики разного порядка, к примеру, силуэт навершия у одного типа, размеры лопасти у другого и особенности плоскостного декора у третьего. Поведение других признаков при переходе от типа к типу остается за пределами внимания. Отсутствие полных характеристик ведет к расплывчатости содержания выделенных типов. Кроме того, художественный потенциал прялки затмевает другие ее качества. В результате незамеченным оказывается то, что может иметь немаловажное значение для выявления традиций. Так, прялка может сохранять следы этнически окрашенного отношения к породе древесины, отпечаток местных особенностей технологии прядения, столярного мастерства и др. На наш взгляд, причина классификационной алогичности кроется, видимо, в том, что признаки не осознаны, не названы, а потому и не принимаются во внимание.

В то же время предварительные наблюдения за поведением ряда признаков в географическом пространстве Карелии⁶ показали, что каждый из них имеет собственный алгоритм распространения или изменения. Алгоритмы разных характеристик могут совпадать или отличаться друг от друга, но каждый раз в их изменении ощущается действие некоторой системной закономерности. Корни системности, скорее всего, следует искать в особенностях этнической культуры, в ее истории, а чаще всего – в межэтнических контактах, след от которых нередко сохраняется только в отдельных проявлениях народной культуры. Видимо, у

⁶ *Набокова О.* Прялки Заонежья: традиции и индивидуальные особенности мастерства // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера (доклады III Международной научной конференции «Рябининские чтения-99»). Петрозаводск, 2000. С. 376–385. *Она же.* К вопросу о типологических особенностях прялок Карелии // Кижский вестник № 6: сборник статей. Петрозаводск, 2001. С. 42–56.

нас нет оснований для игнорирования каких-либо признаков без определения их роли в процессе рождения, закрепления и распространения традиций. Поэтому *представляется важным провести своеобразную инвентаризацию характеристик прялки.*

Во-вторых, наиболее популярная на сегодняшний день классификация прялок складывалась исторически, по мере накопления и изучения материала. Набор выделенных типов прялок постоянно растет. Однако прибавление далеко не всегда идет механическим путем, и в результате локальных исследований оказывается, что первоначально признанного типа прялок не существует: он распадается на ряд самостоятельных местных форм. Так произошло с «олонецкими» и «вологодскими» прялками, и, вполне вероятно, такая судьба ждет ряд других общепризнанных типов. Сейчас очевидно, что существующие классификации прялок относятся к начальному, простейшему, описательному этапу⁷ систематизации знаний, когда факт существования выделяемых классов только констатируется, но не объясняется.

Обилие материала, которое мы имеем, настоятельно требует осмысления и системной организации. Поэтому представляется необходимым создание такой классификационной системы, которая бы вовлекла в научный оборот максимальное количество объективной информации, была бы применима к каждому отдельному экземпляру и в то же время охватывала бы все многообразие прялок. На наш взгляд, такие возможности предоставляет *систематизация признаков (характеристик) прялки.* Система признаков позволит по одинаковым параметрам дать полную индивидуальную характеристику каждому экземпляру, определить его место в прялочном многообразии или, иными словами, классифицировать.

Фактически речь идет о создании научного инструмента (классификатора), позволяющего зафиксировать современные знания и подготовить их для самых разных аналитических операций, в том числе для картографирования, сравнительного анализа или моделирования. Впоследствии аналитические методы могут выявить один или несколько диагностических признаков, на основе которых можно будет строить новую классификацию, не просто содержащую описание, а отражающую суть классифицируемых явлений. Не исключено, что типы прялок, выделенные на основе диагностических признаков, будут в корне отличаться от тех, которые были обозначены ранее. Так, предварительные попытки выделения подобных признаков и анализ их изменения в географическом пространстве позволяют высказать предположение о существовании, например, прибалтийско-финской или славяно-вепсской традиций, которые в разной степени проявились в облике прялок, бытующих на значительных пространствах Российского Севера⁸.

⁷ Рогова С. С. Научная классификация и ее виды // Вопросы философии. 1984. № 8. С. 70.

⁸ Набокова О. Указанные работы. Она же. Прялки Панозерья и прялочные традиции Карелии // Панозеро: сердце Беломорской Карелии / Под ред. А. Конкка, В. П. Орфинского. ПетрГУ; Juminkeko-säätiö. Петрозаводск, 2003. С. 180–213.

Цель данной работы – представить один из возможных вариантов инвентаризации и систематизации признаков прялок. Для его создания автор воспользовался методом, разработанным академиком В. П. Орфинским применительно к народному деревянному зодчеству⁹. Фактологическую базу исследования составили коллекции музея-заповедника «Кижь» и личные полевые наблюдения автора. Кроме того, использовались коллекции различных музеев Карелии; часть информации поступила из литературных и архивных источников (прил.).

Многочисленность и разнообразие признаков продиктовало первый шаг – выделение тематических комплексов характеристик.

Первый комплекс определяет *условия использования* прялки, для которых она создана и от которых зависит ее принципиальное конструктивное решение (для прядения на ходу или сидя, в домашних стационарных условиях или в промежутках между частыми передвижениями). В этот комплекс отнесены также технологические особенности изготовления самих прялок. Второй комплекс характеристик фиксирует *особенности исполнения основной функции* прялок – *удерживать кудель на удобной высоте*. Сюда же включены данные о *наличии специальных приспособлений, облегчающих процесс прядения*. Третий раздел посвящен *объемно-пластическому решению* прялки, четвертый – *украшению ее поверхности*.

Таким образом, мы получили четыре таксонометрических раздела, выстроенных в определенной последовательности – от наиболее общего и постоянного к более частному и вариативному. Это дало возможность определить **типы** прялок по их функционально-конструктивным особенностям, **подтипы** – по характеру их участия в технологическом процессе прядения, **виды** – по объемно-пластическому решению и **разновидности** – по характеру плоскостного декора. Поскольку характеристики неоднородны, внутри разделов выделены основные признаки, определяющие отнесение прялки к той или другой таксонометрической категории, и дополнительные, которые детализируют или расширяют описание. В ряде случаев развертка значений дополнительных признаков образует побочные классификационные ветви.

Индивидуальность исполнения каждой прялки рождает множество вариаций силуэта или украшений поверхности. Часто их словесное обозначение представляется нецелесообразным или просто невозможным. Поэтому значения некоторых признаков представлены в виде схематичных рисунков. Кроме того, рисунки иллюстрируют ряд формулировок, в однозначном толковании которых автор не уверен.

При описании разных особенностей прялок часто приходится оперировать одним и тем же набором значений. Поэтому классификатор

⁹ Народное зодчество: Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1999. С. 285–294. Пользуясь случаем, приношу глубокую благодарность В. П. Орфинскому за то, что он не только настоял на выполнении данной работы, но и продемонстрировал возможность применения созданного им метода для систематизации и классификации прялок. Добавлю, что мои неоднократные попытки создать иной классификационный подход не имели успеха.

сопровожден списками (или «справочниками»), к которым можно обращаться неоднократно, применяя по необходимости на разных этапах описания. Например, указания на место расположения той или другой особенности возможны при ссылке на справочник «Топография прялки». Другой пример – признак «Композиционные особенности декора», который может использоваться при описании украшения разных граней, различных конструктивных частей прялки, а также разных видов декора.

Попутно заметим, что инвентаризация и систематизация признаков, характеризующих плоскостной декор, вызвала значительные трудности, которые в полной мере преодолеть не удалось. Попытки «алгеброй гармонию поверить» всегда относительно, страдают вынужденной ограниченностью и обречены на критику. Тем не менее такая попытка сделана. Автор сконцентрировал усилия на тех чертах декора, которые, на его взгляд, могут иметь дифференцирующий характер при сопоставлении разных вариантов. Перечисление декоративных особенностей далеко не полное, точное их определение требует большого количества таблиц, представить которые в данной публикации нет возможности (см. прил.).

Классификатор удобен для электронной обработки данных, что особенно важно при обилии информации. Однако для тех случаев, когда техника отсутствует, предусмотрена возможность сокращенной ручной записи. Поэтому все признаки и их значения сопровождаются кодом. Введение ручной кодовой записи породило еще одну проблему. При использовании ссылок на справочники, а также при описании декора, который может располагаться на каждой конструктивной части прялки, а иногда на разных ее гранях, рождается тяжеловесная, многоярусная кодовая формула. Не найдя способов ее облегчить, надеюсь, что главная цель ручной кодировки признаков все-таки достигнута. Каждая прялка получает свой *унифицированный* набор *унифицированных* индивидуальных характеристик, легко извлекаемых для анализа.

И наконец, необходимо оговорить допущенные условности, которые стали возможными благодаря одному из основных достоинств использованного метода. Классификатор, определяя алгоритм и иерархию деления, в то же время *открыт для всех возможных дополнений*. Автор воспользовался этими возможностями и, понимая границы своей компетентности, дал развернутую систему только тех признаков, которые свойственны прялкам Карелии, и, более того, тех, которые носят преимущественный характер. Такие особенности, как инкрустация поверхности, надписи и знаки, украшение «затейми» (зеркальцем, картинкой), только обозначены, хотя тоже могут служить началом дополнительных классификационных ветвей. Хорошо осознавая относительность представленной попытки, все же хотелось бы надеяться, что классификация признаков, а следовательно и классификация прялок, с течением времени будет развита и окажется полезной как для музейной работы, так и для научного аналитического труда.

И. И. Муллонен

СТАРОЕ ЗАОНЕЖЬЕ: ВЕПСКОЕ ИЛИ КАРЕЛЬСКОЕ?¹

Наличие прибалтийско-финских черт в языке заонежан отмечал уже первый собиратель заонежских былин П. Рыбников. Несколько десятилетиями позже известный русский лингвист А. А. Шахматов объяснял некоторые фонетические особенности в русских говорах Заонежья прибалтийско-финским воздействием. И. П. Гринкова, детально ознакомившаяся с рукописным наследием Шахматова и сама занимавшаяся исследованием севернорусских говоров, писала: «... особенности заонежских диалектов, выявляющие ряд фактов, несвойственных севернорусским говорам, вернее всего следует поставить в тесную связь с местными карельскими диалектами»². В последующие годы убедительные свидетельства прибалтийско-финского воздействия на язык заонежан были выявлены карельскими диалектологами. Обширный набор диалектных заонежских лексем с карельскими и вепскими истоками содержится в «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей», пять томов которого увидели свет в последние годы.

На сегодняшний день тезис о прибалтийско-финском наследии в языке Заонежья общепризнан. Знаменательно, однако, что исследователями-языковедами чаще всего не дифференцируются вепское и карельское начала или же, как, например, в работах Д. В. Бубриха³ и В. В. Пименова⁴, проводится мысль о вепских истоках языка, и особенно топонимии Заонежья. Провести границу между вепским и карельским элементами в субстратном языке Заонежья действительно не просто, поскольку речь идет о близкородственных языках. В результате топонимная лексика, т. е. слова, наиболее активные в топонимообразовании, восходит к словарному фонду, общему для всех прибалтийско-финских языков, и, следовательно, не способна дифференцировать языковые коллективы.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 01-04-49006а/с.

² Гринкова И. П. К изучению олонецких диалектов // А. А. Шахматов 1864–1920: Сборник статей и материалов / Под ред. Акад. С. П. Обнорского. М.; Л. 1947. С. 390.

³ Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.

⁴ Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965.

Заонежские топонимы *Койгуба* (кой- < вепс. *koiv*, кар. *koivu* ‘береза’), *Габсельга* (габ- < вепс. *hab*, кар. *hoara*, *huabe* ‘осина’), *Лепнаволок* (леп- < вепс. *ler*, кар. *lerrä* ‘ольха’) допускают в равной степени вепсскую и карельскую интерпретации. В этих условиях актуален поиск надежных критериев для разграничения.

Анализ конкретного топонимного материала Заонежья позволил наметить те направления, по которым можно сгруппировать факты карело-вепсского языкового противостояния. Среди них прежде всего специфические топоосновы, восходящие к оригинальной вепсской или карельской лексике. Таковых немного – и в силу отмеченной уже значительной идентичности карельских и вепсских топонимных моделей, и вследствие ограниченного круга лексем, попадающих в число продуктивных топооснов. Тем ценнее те метки, которые удается обнаружить. К ним относится более 30 надежных карельских, т. е. восходящих к лексемам, отсутствующим (и – что важно – отсутствовавшим) в вепсском языке, топооснов.

Среди них основа *сало-*, причем, очевидно, в значении ‘остров’, т. к. фиксируется в названии острова *Салоостров*, а также луды *Сальная Луда* в северо-восточном Заонежье. В карельских диалектах слово имеет значение ‘большой дремучий лес, чащоба’, а семантика ‘остров’ зафиксирована лишь в финских диалектах Саво и Хяме. В связи с этим встает вопрос об истоках топоосновы: было ли значение ‘остров’ присуще карельской лексеме *salu* в прошлом (на эту мысль наводят названия некоторых островов с элементом *salu-*, известные в собственно карельском и ливвиковском ареалах), или здесь наблюдается некое саволакское наследие, которое проникло в собственно карельский ареал, а затем с собственно карельским продвижением достигло Заонежья. Однако в любом случае основа не вепсская.

К дифференцирующим собственно карельским тополексемам относится зафиксированное в топонимах *Кумбовинья* (Сенная Губа), *Кумбушка* (Вырозеро), *Кумбово поле* (Кажма) слово *kumri*, *kumbi* ‘холм, пригорок’. Показательно, что из трех карельских диалектов слово бытует только в собственно карельском и неизвестно в ливвиковском и людиковском. Его нет в вепсском языке. Все это дает полное основание возводить топонимы к карельскому наследию, причем в его собственно карельском варианте.

Название расположенного в окрестностях Яндомозера лесного озера *Лимбозеро* кажется достаточно загадочным, если не знать, что существовал параллельный вариант названия *Рымбозеро*, отразившийся, в частности, в колхозных списках сельхозугодий и на картах, хранящихся в НА РК (фонд 2341). Сосуществование вариантов *Лимбозеро* и *Рымбозеро* (из *Римбозеро) связано с известным фонетическим явлением мены *p* – *л* в русских говорах Заонежья. Помимо *Лимбозера*, она отразилась в таких топонимах окрестностей Яндомозера, как река *Нулица* ~ *Нурица* или урочище *Лигачевица* ~ *Ригачевица*. Ее следы отмечены и в лексике, в

частности, в областном слове *ольга*, зафиксированном П. Рыбниковым, а затем попавшем в словарь В. И. Даля и Г. Куликовского. В действительности, как показал убедительный анализ С. А. Мызникова, речь идет о фонетическом варианте известного севернорусского диалектного слова *орга*, служащего для обозначения густого елового леса, поросшей лесом болотистой низины⁵. Возвращаясь к *Рымбозеру*, следует признать в его основе карельский ландшафтный термин *gimri, gimbi* ‘открытое безлесое болото, трясина’. Такая интерпретация подтверждается и ландшафтной характеристикой: озеро действительно окружено непроходимыми болотами.

Приведем в качестве показательного примера дифференцирующей карельской модели также топонимы с основным элементом *-лакша* (< собств. карел. *lakši* ‘залив’): *Койлакша*, *Лапилакша* (Великая Губа), *Войлакша*, *Муталакша* (Сенная Губа), *Кидалакша* (Падмозеро). Здесь наблюдается явное собственное карельское (в противоположность ливвиковско-людиковскому и вепсскому *lahti, laht*) оформление топоосновы.

В целом из списка, включающего более 30 дифференцирующих карельских топооснов Заонежья, значительная часть представлена в микро-топонимах, что свидетельствует в пользу относительно молодого возраста названий и соответственно относительной молодости карельских связей в языке и культуре Заонежья. Приведу еще несколько примеров: *Лехостров* (Кажма), *Лехтостров* (Уница): собств. кар., ливв. *lehto* ‘лиственный лес’, горка *Еряума* (Кижы), порог *Юрема* (Уница): собств. кар. *jūgāhmä* ‘небольшая горка’, покос *Тобий* (Кижы): ливв. *tobju* ‘большой’, поле *Пиндера* (Шуньга): собств. кар. *piennaq, pienner*, люд. *piendar, pindar* ‘край дороги (обочина), поля (межа)’, острова *Палляк* (Кузаранда), *Палляка* (Шуньга): ср. производное от *raljas* ‘голый, без растительности’ *raljakka* ‘голое, безлесое место’, известное, в частности, в говорах Кайнуу, распространенных на северо-востоке Финляндии, в карельском пограничье; остров *Кабак* или *Кабач*, *Кабачкая луда* (Шуньга): собств. кар. *kabakka, kabakko* ‘о рельефе местности: неровный, с ямами и возвышениями’⁶ и даже *Садамгуба* (Типиницы): ср. фин. *satama* ‘порт, гавань’.

Другой методический прием связан с избирательным подходом топонимов разных языков к использованию лексики. В самом деле общим словарным фондом вепская и карельская система топонимов распоряжается по-разному. Лексема *halla* (вепс. *hal*) ‘мороз, иней’ известна в равной мере и карельским, и вепским диалектам. Однако она не нашла применения в

⁵ Мызников С. А. Лексика прибалтийско-финского происхождения в былинах (по записям П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга) в русских говорах Обонежья // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования 1999), СПб, 2002. С. 88–89.

⁶ Основа хорошо известна, например, в топонимии Валаама, где она привязывается к островам, причем к таким, которые при приближении к ним по воде выглядят как ряд холмов, бугров, т. е. возвышения чередуются с участками низинного рельефа. См. подробнее: Муллонен И. И. Карельская топонимия Валаама // Прибалтийско-финское языкознание: сб. статей, посвященный 80-летию Г. М. Керта. Петрозаводск, 2003. С. 50.

вепской топонимии, в то время как в карельской достаточно продуктивна. На карельской территории, примыкающей к Заонежью с северо-запада, т. е. в бассейне Нижней Суны, известны руч. *Halloja*, бол. *Hallasuo*, заливы *Hallaksi*, *Hallalaksi*, остров *Hallasuari*. Этот ареал, собственно, продолжается в Заонежье, где есть *Галгуба*, *Галайгуба*, *Галайское болото*, *Галостров*, *Галово болото*. В вепской топонимии та же идея (место, подверженное заморозкам) выражается иначе, с использованием лексической модели *külmä*- 'холодный'. В Заонежье, таким образом, представлена карельская модель, отсутствующая в вепской топонимии.

В этом же ряду карельских топонимов должны, видимо, рассматриваться возникшие метафорическим путем наименования известных в разных углах Заонежского полуострова горок *Мальяшка*, *Мальяха*, *Малля*, восходящих к карельскому *malja* 'чаша, чашка, миска'. Вепское лексическое соответствие *mal'* не получило распространения в вепской топонимии.

Метод выявления дифференцирующих основ сопряжен с ареальной методикой исследования, т. е. выявлением путей проникновения дифференцирующих топонимных моделей в Заонежье. Показателен в этом контексте ареал распространения топонимов с основой *haiseva*, *haisija* 'пахнущий, пахучий'. Исследования известного финляндского топонимиста Э. Кивиниеми показали, что эта выраженная причастием модель используется на территории южной Финляндии и Приладжья для называния зарастающих мелких водоемов или болотистых мест с имеющей неприятный запах водой⁷. Оттуда она распространяется в Карелию и представлена, в частности, в бассейне Суны (данные Д. В. Кузьмина).

В Заонежье, судя по нашей картотеке, карельская основа *haisija* воплотилась по крайней мере в трех топонимах северо-восточного Заонежья. Это покос *Гайжеги* в окрестностях Юсовой Горы в Кузаранде, а также озеро *Хашезеро* и обширный полуостров *Ажебнаволок* у Шуньги. Этимология первого из этих названий не вызывает особых сложностей, поскольку оно было воспринято в русскую систему имен в полном соответствии с фонетическими закономерностями карельско-русского языкового контактирования. Два других требуют некоторых пояснений. Во-первых, они, безусловно, связаны между собой генетически: название расположенного в основании Ажебнаволока озера Хашезеро (мотив называния обусловлен, видимо, запахом озерной воды, вызванным зарастанием мелководного водоема, особенно в его южной части) послужило некогда основанием для рождения названия полуострова. Разный же фонетический облик топонимов связан с закономерностями как рождения топонимов в карельской языковой среде, так и с последующей адаптацией его к русской системе названий.

В *Хашезере* сохранился начальный согласный карельской топонимии, утраченный *Ажебнаволоком*, который в свою очередь сохранил ее конеч-

⁷ Kiviniemi E. Suomen partisippinimistöä. Ensimmäisen partisiihin sisältävät henkilö- ja paikanimet. Helsinki, 1971. S. 95–98.

ную огласовку. Карельский оригинал *Хашезера* выглядел, очевидно, как *Haisija/järvi, в котором произошло наложение идентичных по звучанию последнего слога топоосновы и первого слога детерминанта (т. н. гаплоглогия): *Haisija/järvi → *Haisi/järvi > Хаш/езеро. В основе *Ажебнаволока* реконструируется карельское *Haisija/niemi (niemi ‘мыс, наволок’), в котором по законам фонетической интеграции конечное *-ja* переходило в *-ga*. На это указывают зафиксированные в старых источниках варианты Кажакгуба (1496) и Важогнаволок (1718)⁸. В свою очередь взаимозаменяемость *г ~ в ~ б* в севернорусских говорах объясняет появление *б* в *Ажебнаволоке*. Утрата же начального *h* связана с передвижкой ударения в русском варианте названия на второй слог, что ослабило звучание и без того слабого карельского *h*. Показательно в связи с этим, что в источниках XV–XVII вв. *Ажебнаволок* зафиксирован в варианте *Жабнаволок*⁹, с утраченным полностью начальным *a* вследствие передвижки ударения первым слогом.

Пример с *Хашезером* свидетельствует о том, что в анализе топонимов ареальное исследование идет рука об руку с этимологическим. С одной стороны, ареализация – одно из необходимых условий этимологических штудий в топонимике, т. е. расшифровки содержания топонима. Оно устанавливает некие объективные рамки анализа и обеспечивает достоверность этимологии. С другой – во многих случаях только в ходе этимологического анализа реконструируется изначальный облик топонима, что позволяет ввести его в ряд однотипных образований, формирующих определенный ареал.

Третий критерий для различения карельского и вепского начала в топонимии Заонежья – фонетический, основывающийся, с одной стороны, на звуковой специфике вепского и карельского языка, с другой – на законах севернорусской фонетической обработки прибалтийско-финских оригиналов. Проиллюстрирую сказанное одним показательным примером – названием деревни *Рим*, входившей в Вырозерский куст поселений. Деревня находилась на краю обширного болота Залебежский или Римский Мох, что дает основание связывать ойконим с прибалтийско-финским словом *gäme* (вепс. *gäm-*) ‘болото, поросшее чахлым лесом’. При такой интерпретации возникает, однако, одна сложность фонетического порядка: прибалтийско-финское *ä* в Заонежье приобретает вид *e*, но не *u*: *Мендостров* (*mändy*, *mänd* ‘сосна’), *Сергозеро* (*särgi*, *särg* ‘плотва’), *Нелгозеро* (*nälgä*, *nälg* ‘голод’ – основа, использовавшаяся, как правило, для названия бедных рыбой озер). Эту сложность можно преодолеть, если обратить внимание еще на одну примечательную деталь фонетической системы Заонежья: прибалтийско-финский дифтонг *ie* воспринимается здесь в русском употреблении как *u*: урочище *Литяги* (*liete*, *lieteh* ‘мелкий песок’), мыс *Пиннаволок* (*pieni* ‘маленький’) и др.

⁸ Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII веков. Из истории сельских поселений. М., 1962. С. 257, 259.

⁹ Там же. С. 261.

В ряду последних заманчиво рассматривать и топоним *Рим* как восходящий не к вепсской или южнокарельской основе с гласным *ä* (*gäm-*), а к собственно карельской, имеющий вид *gieme*. Фонетический облик топонима несет указание на языковые истоки названия. Кстати, вывод о собственно карельском происхождении топонима Рим поддерживается названием самого куста поселений *Вырозеро*, которое в письменных источниках XVI–XVII вв. известно как *Вирозеро*. В основе топонима собственно карельское слово *vierä* ‘кривой, изогнутый’ (при вепском *vär*). Этимология поддерживается кривой, дугообразной формой озера, ныне называющегося Ганьковским¹⁰.

Подведем некоторые итоги. Вепско-карельская дистрибуция на деле выливается в поиск критериев, разграничивающих вепские и собственно карельские топонимные типы. Понятно, почему это происходит: вепское наследие в ливвиковском и людиковском не позволяет провести границу между вепским и карельскими элементами в полной мере корректно. Собственно карельские элементы представлены практически на всей территории Заонежского полуострова. При этом на западе Заонежья они выступают в людиковском контексте, который на востоке и северо-востоке Заонежья менее выражен. Анализ топонимии свидетельствует в пользу присутствия в ней мощного карельского элемента, формировавшегося в ходе неоднократного карельского внедрения в регион. Надо полагать, большое значение в карельском освоении Заонежья сыграли XVI–XVII вв., когда происходил значительный отток карельского населения из Северо-Западного Приладожья.

В этой связи следует отметить, что вепское наследие в языке и топонимии Заонежья, видимо, носит более ограниченный, более размытый характер, чем традиционно представляется. Оно просматривается в некоторых разрозненных топоосновах, восходящих к дифференцирующим вепским лексемам:

д. *Пурдега*, мыс *Бурднаволок* (Кажма), покос *Бурда* (Яндомозеро): вепс. *purde* ‘ключ, родник’, слово неизвестно в карельских говорах, однако присутствует в качестве топоосновы в людиковском ареале, где, видимо, может рассматриваться как вепское наследие;

зал. *Кара*, мыс *Карнаволок* (Толвуйа): вепс. *kaŕa* ‘небольшой залив, бухта’. В другой связи нам уже приходилось отмечать, что обычное, широко распространенное на вепсской территории и неизвестное в целом карельскому языку слово в то же время присутствует – в качестве вепского наследия – в топонимии на людиковской территории, а также русских Заонежья и Пудожья¹¹;

покос *Парчема*: вепс. *paŕččom* < **paŕžčom* ‘место заготовки леса’.

При анализе топонимии Заонежского полуострова складывается впечатление, что на большей части этого региона не произошло непосред-

¹⁰ Муллонен И. И. Вырозеро // Кижский вестник. № 5. Петрозаводск, 2000. С. 157–165.

¹¹ Она же. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. С. 162–165.

ственного вепско-карельского контакта. Поскольку русская колонизация Севера прошла практически по тем же путям, которые были освоены вепсами, то рано начинается их обрусение. В результате карелы, продвинувшиеся в Заонежье из Приладожья, соприкоснулись здесь уже с обрусевшими (или в значительной степени обрусевшими) вепсами. Это значит, что вепская по происхождению топонимия воспринималась карелами через русское посредство. На основной территории Заонежья не сложилась людиковская речь, которая, как известно, является результатом вепско-карельского языкового сплава. Лишь на западе Заонежья вепско-карельское контактирование происходило напрямую, без русского посредства.

В. А. Агапитов

БЫЛИ ЛИ УГРЫ В ЗАОНЕЖЬЕ? (топонимические этюды)

Во второй половине XIX в. Д. Европеус впервые высказал гипотезу об участии древних угров (венгров, вогулов (манси) и остяков (ханты) в создании субстратной топонимии Русского Севера и Скандинавии, правда, при этом он относил к уграм также древнюю весь, мурому и мерю¹. Его гипотеза в дальнейшем была подвергнута основательной критике в работах таких ученых, как И. Н. Смирнов², М. Фасмер³, А. И. Попов⁴, А. Каннисто (Kannisto, 1927)⁵.

Однако в 60-е годы XX в. ряд советских исследователей снова возвращается к гипотезе Д. Европеуса об угорском происхождении целого ряда топонимических систем Русского Севера. Б. А. Серебренников⁶, А. П. Афанасьев предположили, что носители древнейшей волгоокской топонимии на -ма, -га, -ша(-жа), -са(-за), -та(-да), -ра были позднее ассимилированы угроидными племенами, пришедшими на

¹ *Европеус Д.* К вопросу о народах, обитавших в средней и северной России до прибытия славян // ЖМНП. 1868. Т. 139, июль. *Он же.* Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России, в Финляндии и в северной части Скандинавии до прибытия туда нынешних их жителей. СПб, 1874.

² *Смирнов И. Н.* Пермьяки. Историко-этнографический очерк // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те. Казань, 1891. Т. IX. Вып. 2. С. 47–53.

³ *Vasmer M.* Beitrage zur historischen Volkerkunde Osteuropas. II. Die ehemalige Ausbreitung der Westfinnen in den heutigen slavischen Landern // SPAW. Phil.-hist. Klasse. Berlin, 1934. XVIII. Idem. Beitrage zur historischen Volkerkunde Osteuropas. III. Merja und Tscheremissen // SPAW. Phil.-hist. Klasse. Berlin, 1935. XIX.

⁴ *Попов А. И.* Топонимика Белозерского края // Уч. зап. Ленингр. ун-та. № 105. Серия востоковедческих наук. Вып. 2. СФУ. Л., 1948.

⁵ *Kannisto A.* Uber die fruheren Wohngebiete der Wogulen im Lichte der Ortsnamenforschung // FUF. XVIII. Helsinki, 1927.

⁶ *Серебренников Б. А.* О гидронимических формантах -нга, -юга, -уга и -юг // СФУ. 1966. № 1. *Он же.* О потенциально возможных названиях рыб в субстратной гидронимике Русского Севера // Там же. 1967. № 3. *Он же.* Всякое ли внешнее сопоставление недопустимо? // Там же. 1968. № 1. *Он же.* К проблеме этнической и языковой принадлежности создателей гидронимии на -ым (-им) // НуК. LXX. 1. Budapest, 1968. *Он же.* Почему трудно разрешить проблему происхождения верных слоев севернорусской гидронимии? // ВЯ. 1970. № 1.

Русский Север из районов Западной Сибири и Приуралья. Следует отметить, что в последние годы среди отечественных ученых-топонимистов заметно возрос интерес к поиску и определению древних субстратных названий, в числе которых могут оказаться и топонимы (особенно это касается класса гидронимов) предположительно древнеугорского происхождения. К этому вынуждает и наблюдаемое археологами несоответствие между археологическими древностями и топонимическими данными. В частности, о сложных и длительных процессах слияния культур и языков местного и приуральского населения указывает в одной из своих работ карельский археолог М. Г. Косменко⁷. В свою очередь этнографы выявляют заметную близость саамской культуры и культуры угросамодийских народов. К примеру, саамские орнаменты чрезвычайно близки орнаментам угров Западной Сибири и самодийцев⁸.

О целесообразности поиска угорских названий на Русском Севере пишет в одной из своих работ И. И. Муллонен⁹, утверждая, что эта проблема заслуживает особого внимания современных ученых.

В нашей статье приводится группа топонимов, обнаруженных на территории Заонежья и трактуемых нами как близкие топонимам обско-угорского типа названия. Значительная часть интерпретируемых нами названий зафиксирована в глухих, удаленных от больших поселков местах, преимущественно в Залесках (центральная часть Заонежского полуострова). Именно Залески, в силу своей удаленности от дорог и крупных поселений, сохранили отдельные элементы традиционной культуры местного населения, утраченные или вовсе не известные на онежском побережье и в крупных селах.

Примечательно, что обнаруживается явное тяготение некоторых названий к водно-волоковому участку Заонежья (территория бывшего Шунгского погоста). Необходимо также отметить, что предполагаемая нами лингвистическая интерпретация топонимов обычно хорошо согласуется с ландшафтно-природными реалиями.

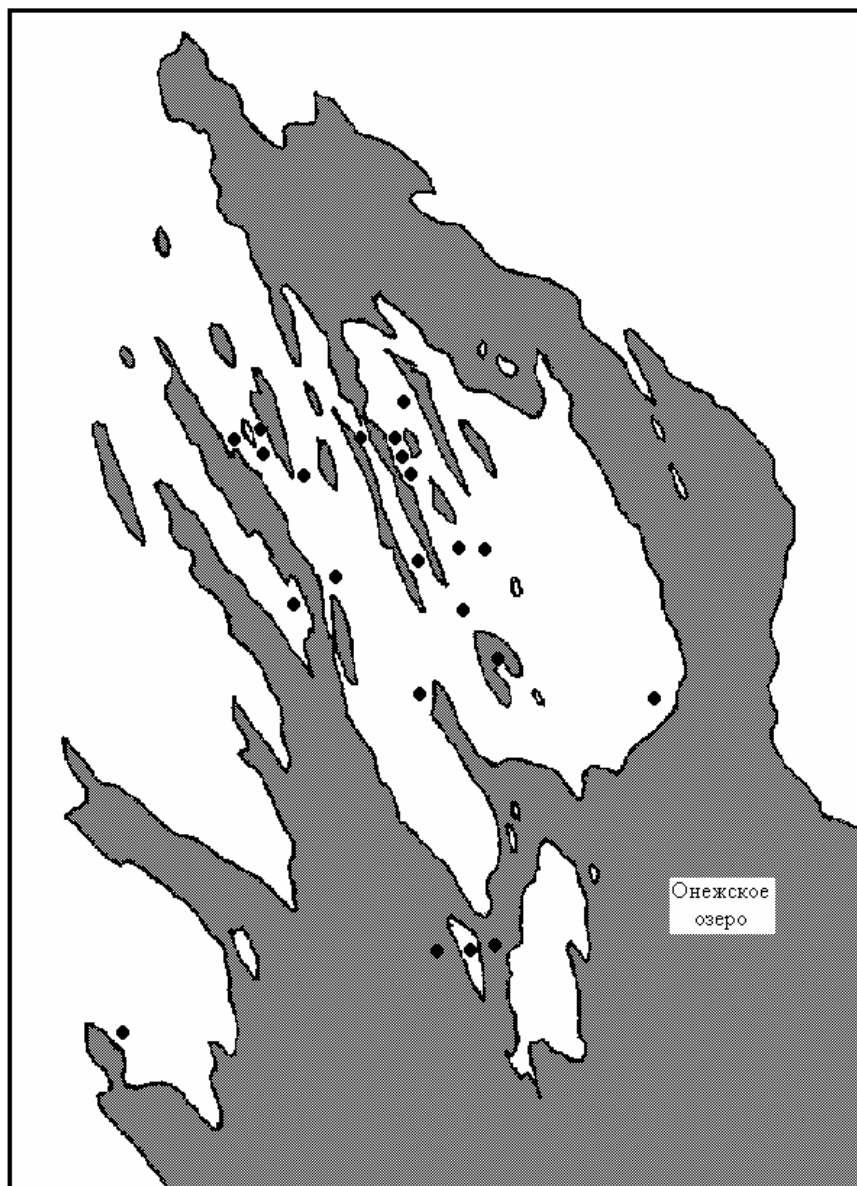
ЭТИМОЛОГИИ

Яндомозеро. Ср. манс. *enti*, *entunkwe* – опоясать, сев. манс. *енгта*, *конд. йенте*, *иент* – круг, *vintan* – изогнутый. Озеро Яндомозеро действительно напоминает по форме подкову.

⁷ Косменко М. Г. О древнейших финно-уграх в Карелии // Традиционная культура: общечеловеческое и этническое. Проблемы комплексного изучения этносов Карелии. Петрозаводск, 1993. С. 9.

⁸ Косменко А. П. Об историко-культурных компонентах в орнаменте восточных прибалтийско-финских народов // Там же. С. 41–44.

⁹ Муллонен И. И. О гидронимии бассейна р. Ояти // Кочуркина С. И., Линевский А. М. Курганы летописной Веси X – начала XIII в. Петрозаводск, 1985. С. 196.

Распространение топонимов обско-угорского типа в Заонежье

Космозеро. Ср. манс. qosa, qoasa, koasa, qose, quasa, khosa, kosa, quase – длинный, долгий. Космозеро и впрямь значительное по длине озеро. Название села Кажма (находится в северной части оз. Космозеро), вероятно, произошло от названия озера Космозеро. Оба названия (села и озера) отчетливо демонстрируют фонетическую лабильность предполагаемой угорской основы.

Торозеро. Три озера (Верхнее, Среднее и Нижнее) в районе д. Анисимовщина – труднотупной местности на узком перешейке между заливом Святуха и озером Чужмозеро. Ср. манс. tur, tor – озеро.

Юнозеро. Юн-болото, Юной-гора. Объекты находятся между озером Ладмозеро и Уницкой губой Онежского озера. Ср. хант. юн – узкий, длинный залив. Озеро, болото и гора примыкают к заливу озера Ладмозеро, который называется Тонкой-губа – стало быть «узкий залив».

Волемоны, Валемоны, Велемоны. Три фонетических варианта названия урочища в северной части залива Умпогуба (Уницкий залив). По урочищу протекает ручей, впадающий в Умпогубу. Ср. манс. воль – плес. Вторая часть названия (-моны), возможно, восходит к саамскому тапп – проточное озеро, плесо. По сообщениям информантов, в урочище Волемоны по ручью встречаются многочисленные «глазники», т. е. топкие места, напоминающие о существовавших в прошлом плесовидных расширениях.

Майдень-губа, Мавдень-губа. Расположена в южной части озера Черкаassy. Ср. хант. megden, meuden, meudan, me Den – елец, вид плотвы, язь, сазан, вид рыбы.

Сазонка. Большое окно воды на болоте между деревнями Пургино и Комлево. Ср. манс. саз – омут. Ср. также саам. sadz – вода.

Вонтеевы горы. Расположены к западу от д. Шильтя. Ср. манс. вонт – тайга, лес.

Вонтеры, Вонтера. Урочище и ручей к западу от д. Шильтя. Ср. манс вонт – тайга, лес. Ручей течет из таежной гористой глухомани. Вторую часть названия Вонтеры (-еры) заманчиво сопоставить с манс. уг, ог – возвышенность; гора, покрытая лесом. Ср. также манс. вонтыр – выдра.

Тамбич-остров, Тамбица, ручей. Ср. манс. tump – остров; отдельная гора. В случае с речкой Тамбица можно предположить, что в недавнем прошлом в устье ручья находился довольно большой и высокий остров. Это легко прослеживается сегодня на местности: топкое болото свидетельствует о заросшей протоке.

Кугаматка. Ср. манс. qonga – волок. Вторая часть топонима восходит к прибалтийско-финскому matka – путь, направление, волок.

Пегрема. Название деревни в Уницкой губе Онежского озера. Ср. хант. пегэр, пагэр, погэр – остров (лес среди заливного луга; возвышенное сухое место среди болота; участок хвойного леса среди лиственного или наоборот); погэр – остров; болотный остров; пюгэр, пёгер – остров (в водоеме или на болоте, в прибрежной долине).

Ширай-наволоок. Мыс напротив с. Великая Губа, где были обнаружены археологические памятники. Ср. манс. *siġ* – песок, гравий. Ср. также саам. *siewga* – песок, галька, гравий.

Куйвахта. Островок вблизи д. Леликово (район Кижских шхер). Ср. манс. *axt* – проточка.

Русские говоры Заонежья сохранили чрезвычайно интересный географический термин «нылас». Ныласом называли у нас, в Заонежье, еловую чащобу. Обские угры знают слово «нюлас» – пихтовый лес.

Кстати, русское название Онежского озера – Онего – созвучно мансийскому слову «яниг» – большой. Названия обско-угорского типа можно встретить и в других районах Обонежья. Так, к примеру, название озера Логмозеро, являющегося по сути заливом Онежского озера, можно интерпретировать и на угорской почве. Ср. манс. *lox* – залив, бухта. Можно попытаться реконструировать основу: *lox*+*ым*, где *-ым* является аффиксом имен обладания.

К. Э. Герман, И. В. Мельников

ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В ЮЖНОМ ЗАОНЕЖЬЕ

В 1995–2002 гг. экспедиция музея-заповедника «Кижы» проводила исследования памятников археологии в южном Заонежье. В окрестностях залива Вожмариха Онежского озера было открыто 31 древнее поселение. Они датированы эпохами среднего и позднего камня – раннего металла. Результаты разведочных работ были опубликованы¹.

Полученные данные свидетельствуют о том, что южное Заонежье длительное время являлось районом проживания древнего населения. Среди материалов представлены неолитические комплексы с керамикой сперрингс, с ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой, энеолитические – с ромбо-ямочной и асбестовой керамикой. Вместе с тем более половины из открытых поселений не содержит керамического материала и, предположительно, может быть связано с мезолитическим временем.

Данное обстоятельство особенно интересно в связи с тем, что в южном Заонежье, на Южном Оленьем острове Онежского озера, известен эталонный памятник эпохи мезолита Европейского Севера – Оленеостровский могильник². Кроме него здесь есть еще один памятник эпохи мезолита – находящееся на том же острове поселение Олений Остров³.

Экспедицией музея-заповедника «Кижы» к настоящему времени в результате раскопок исследованы четыре поселения мезолитического времени – Вожмариха 3, 5, 10 и 11. В данной статье публикуются полученные в ходе раскопок материалы.

Поселения Вожмариха 3, 5, 10, 11 находятся в южной части Заонежского полуострова, в районе залива Вожмариха Онежского озера (рис. 1, 2), и являются частью Вожмарихинского археологического комплекса.

¹ Мельников И. В. Новые археологические памятники южного Заонежья // Кижский вестник. Петрозаводск, 2001. № 6. С. 197–221. *Он же.* Новые открытия памятников археологии на юге Заонежского полуострова // Там же. Петрозаводск, 2002. № 7. С. 212–220.

² Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1956. № 47.

³ Панкрусев Г. А. Мезолит и неолит Карелии. Ч. 1. Мезолит. Л., 1979. С. 102–104.

Входящие в его состав поселения располагаются компактной группой к северу от современной береговой линии залива на участке размером около 1,5×0,3 км. Все стоянки находятся в лесном массиве на песчаных террасах, фиксирующих древние береговые линии Онежского озера. Современная удаленность их от берега составляет от 30 до 1500 м. В период бытования они были расположены на побережье залива Вожмариха, который в древности (периоды АТ, ранний СВ голоцена) глубоко вдавался в береговую линию и соединялся с озером узким закрытым от ветра островами проливом. Сейчас этот участок полностью заболочен.

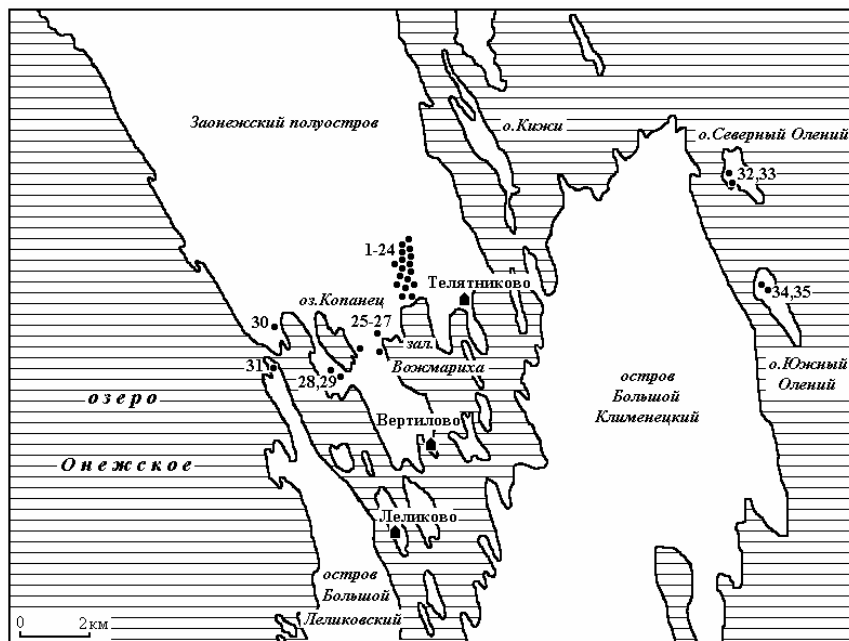

Рис. 1. Памятники археологии в южном Заонежье

1–24 – Вожмариха; 25–30 – Вертилово 1–6; 31 – Леликово 1; 32–33 – Северный Олений остров 1, 2; 34 – Южный Олений остров; 35 – Оленеостровский могильник

Поселение Вожмариха 3 было открыто в 1995 г., раскопано и исследовано 96 м² в 2000-м. Располагается в северной части комплекса и удалено от современного берега Онежского озера на расстояние около 1,6 км. Памятник залегает на ровной песчаной террасе, которая образовалась в результате отступления береговой линии озера. Высота над современным уровнем воды – 10,5 м. Площадка памятника ровная, тяготеет к краю террасы. Примерно в 30 м к северо-востоку от предполагаемой границы поселения, ниже по склону террасы

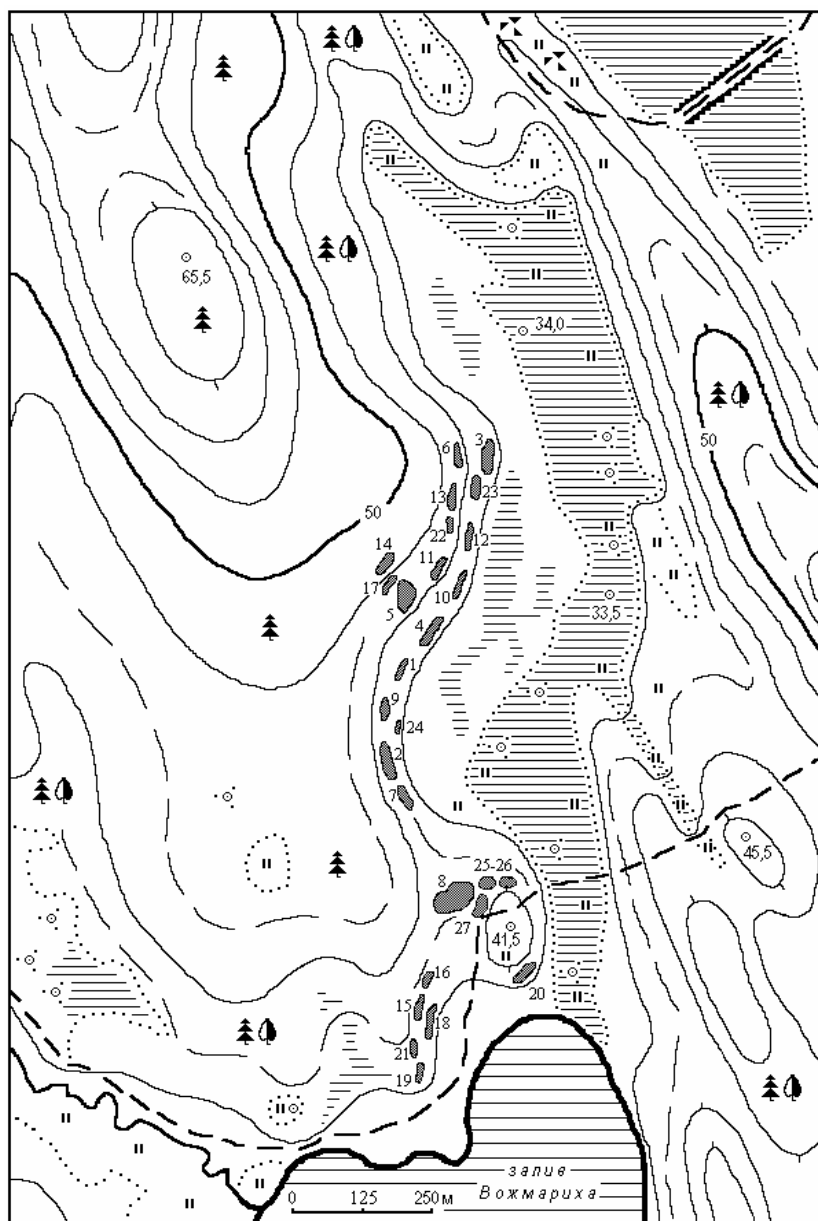

Рис. 2. Вожмаринский археологический комплекс

1–27 – поселения

проходит граница болота, которое в момент бытования стоянки являлось частью залива Вожмариха.

На поверхности памятника визуально прослеживались три одинаковые округлые впадины диаметром 6 и глубиной около 0,5 м. Они находились в центральной части поселения и располагались в один ряд, вдоль края террасы, на расстоянии 6–7 м друг от друга. Впадина 1 была включена в пределы раскопа. Визуальный осмотр впадин позволил предположить, что они являются остатками полужемляночных сооружений. Подобные впадины известны в Обонежье на поселениях эпохи камня – раннего металла, в том числе и на памятниках Вожмарихинского комплекса. В дальнейшем это предположение в отношении впадины 1 было подтверждено проведенными раскопками.

Судя по расположению впадин, распространенности культурного слоя и топографическим реалиям местности поселение Вожмариха 3 имеет площадь до 2000 м².

Стратиграфия поселения Вожмариха 3 включает четыре слоя: дерн (7–15 см), под ним слой подзола (в среднем около 10 см), далее залегают культурный слой – коричнево-красный песок с красным или желтым оттенком и с включениями линз песка светло-серого цвета. Его мощность в разных участках раскопа существенно варьировала от 15 см на периферии раскопа до 55 см в центральной части впадины. Культурный слой подстилался светло-желтым крупнозернистым песком.

В результате раскопа были обнаружены остатки жилища-полужемлянки, основание которой было введено в неглубокий (около 0,3–0,4 м) котлован размером около 7×4 м, ориентированный вдоль берега озера по направлению северо-запад – юго-восток (рис. 3). Стенки впадины – наклонные (угол наклона между поверхностью пола и стенкой впадины составлял около 150°). По-видимому, данная постройка имела каркасно-столбовую конструкцию. В центральной части строения имелись два опорных столба толщиной до 40 см, которые удерживали кровлю и стены. Один из них был прослежен в виде зольно-углистой линзы правильной округлой в плане формы, которая прорезала культурный слой на всю толщину и слегка заглублялась в материк. Выход, по-видимому, имел коридорообразный вид, длину до 1 м и был направлен в сторону берега. Справа от него, в северном углу жилища находился сложенный из небольших камней-валунов очаг. Возможно, снаружи конструкция была обложена дерном и для большей устойчивости присыпана береговым песком. Следы такой подсыпки в виде окантовывавшего впадину слоя песка светло-серого цвета были выявлены после зачистки подзола и прослеживались в ходе выборки культурного слоя, вплоть до материка. Находок в нем не было.

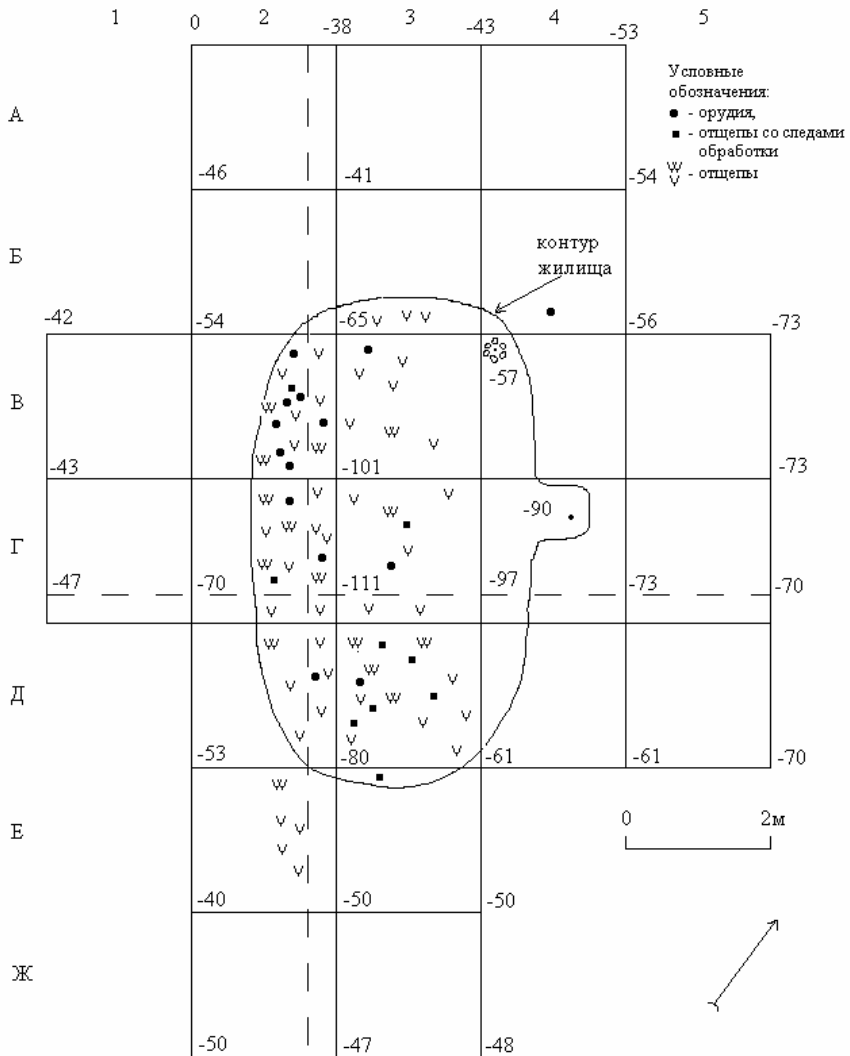

Рис. 3. Поселение Вожжариха 3. План раскопа после выборки заполнения жилищной впадины

Очаг располагался в северной части жилища. Он был сложен из 12 камней диаметром 10–30 см, которые залежали в два яруса – внизу в небольшой округлой яме диаметром около 0,6 и глубиной 0,15–0,2 м находились 4 более крупных камня, сверху на них вплотную друг к другу были уложены еще 8 камней. Внешне очаг имел вид округлой кладки диаметром около 0,5 и высотой около 0,35 м (рис. 4). Внутри очага был прослежен зольно-углистый слой⁴.

Рис. 4. Очаг на поселении Вожмариха 3

В основном инаходки были обнаружены в ходе раскопок жилищной впадины. Очевидно, именно там происходила наиболее активная хозяйственная деятельность прежде всего по изготовлению каменных орудий. Контуры жилища достаточно четко прослеживались по распространенности находок.

Абсолютное большинство находок представлено предметами из сланца. Гораздо меньше находок из кварца, кремня и лидита (табл.). Более 86% предметов составляют отходы каменной индустрии. Среди них отщепы из сланца – около 80%, кварца – 15, лидита – 2,5, кремня – 2%. Доля сланцевых орудий составляет 66%, кремневых – 28, кварцевых – 5,5%. Обращает внимание высокая степень утилизации кремня: на 10 найденных орудий приходится 9 отщепов.

⁴ В настоящее время очаг реконструирован и экспонируется на археологической выставке в музее-заповеднике «Кижы».

Находки поселения Вожмариха 3

Находки	Сланец	Кварц	Кремень	Лидит	Всего
Топор	1				1
Обломки тесел	7				7
Скребки			3		3
Обломки кирковидных орудий	2				2
Резец			1		1
Пластины*			6		6
Шлифовальные плиты*	4				4
Абразивы*	3	2			5
Проколка	1				1
Заготовки орудий *	4				4
Мелкие обломки орудий	12				12
Осколки камня со следами обработки	17	3			20
Нуклеус			1		1
Отщепы	341	66	9	11	427
Всего	392	71	20	11	494

* Включая обломки.

Изделия из сланца представлены в основном орудиями обработки дерева, обломками кирковидных орудий, а также абразивами. Среди них полностью шлифованный топор (3×7×11 см), подтреугольной в плане формы, овальный в поперечном сечении (рис. 5:1). Обушная часть прямая, широкая. Лезвие симметричное, тщательно заточенное. Изготовлен из сланцевой гальки.

Сланцевые тесла представлены пятью экземплярами плохой сохранности, все имеют шлифованную поверхность, изготовлены из галек. Одно из них – трапецевидной формы, подовальное в поперечном сечении, обушная часть узкая, лезвие асимметричное, со следами сильной сработанности (рис. 6:5). Остальные тесла представлены обломками, очень схожи между собой. Имеют подчетыреугольную в плане и трапецевидную в поперечном сечении форму. Рабочие части утрачены (см. рис. 5: 2–4).

Среди прочих сланцевых орудий следует отметить шлифованную стамеску (1×3×8,5 см), прямую, четырехугольной формы, с четырехугольником в поперечном сечении (см. рис. 6:2). Рабочий край асимметричный, тщательно обработан. Интерес представляют: обломок кирковидного шлифованного орудия, подтреугольной в плане и подчетыреугольной в продольном сечении формы (см. рис. 6:3); найденная около очага двусторонняя шлифовальная плита (размер – 7×27×35 см); скребло (см. рис. 6:6) и обломок шлифовального бруска (рис. 7:2).

Орудия из кремня представлены 3 подокруглыми скребками с дугообразным лезвием, 6 пластинами (длина – до 4 см) и 1 резцом (см. рис. 6:7; 7:5, 7–12).

Из прочих орудий следует отметить кварцевую шлифовальную плиту размером 5×30×53 см.

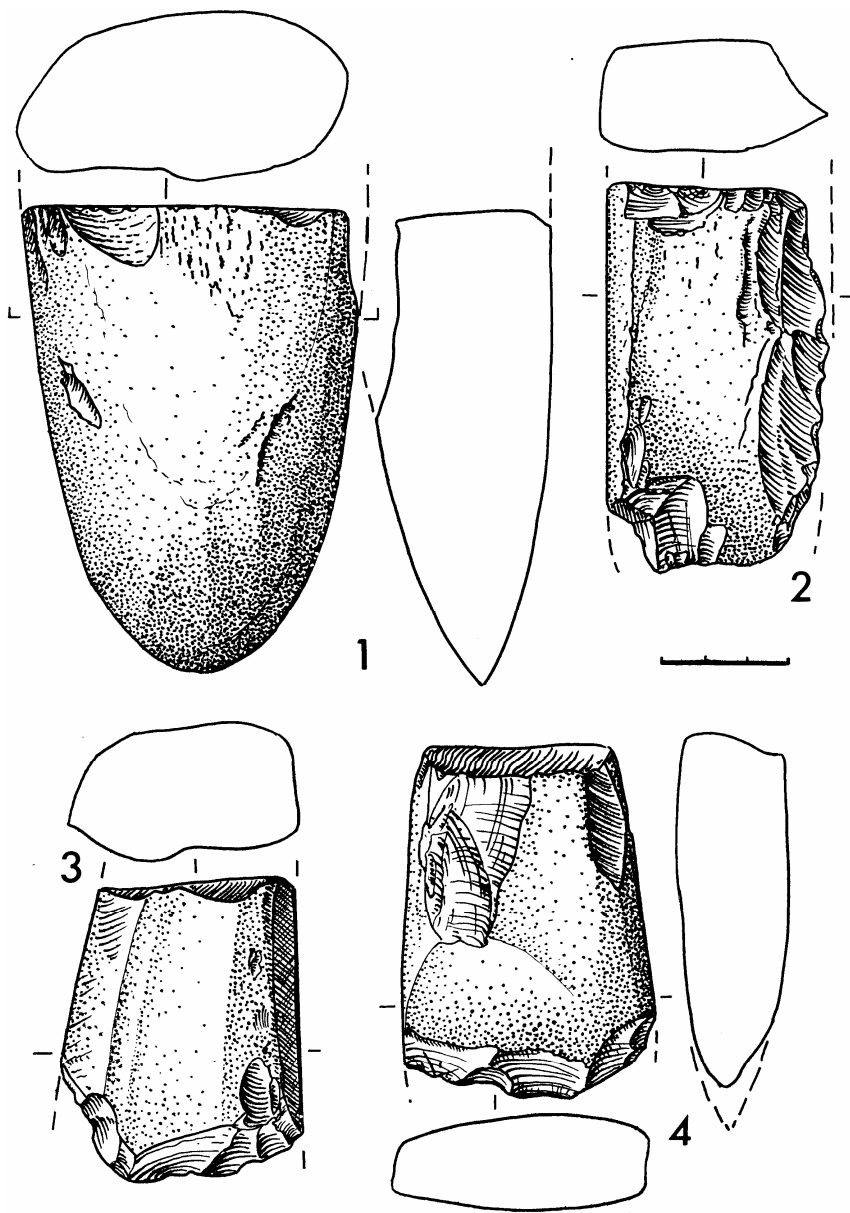

Рис. 5. Поселение Вожмариха 3. Сланцевые орудия

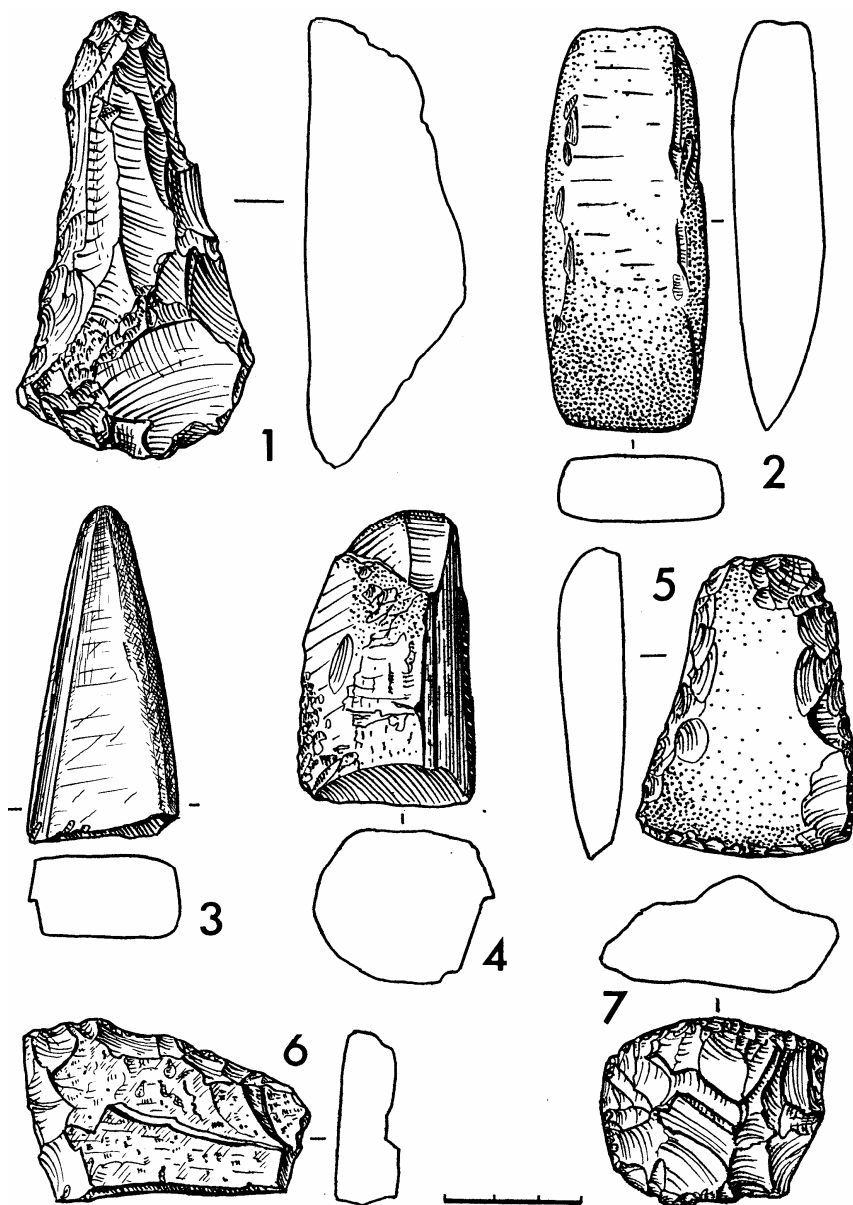

Рис. 6. Поселение Вожариха 3. Каменные орудия

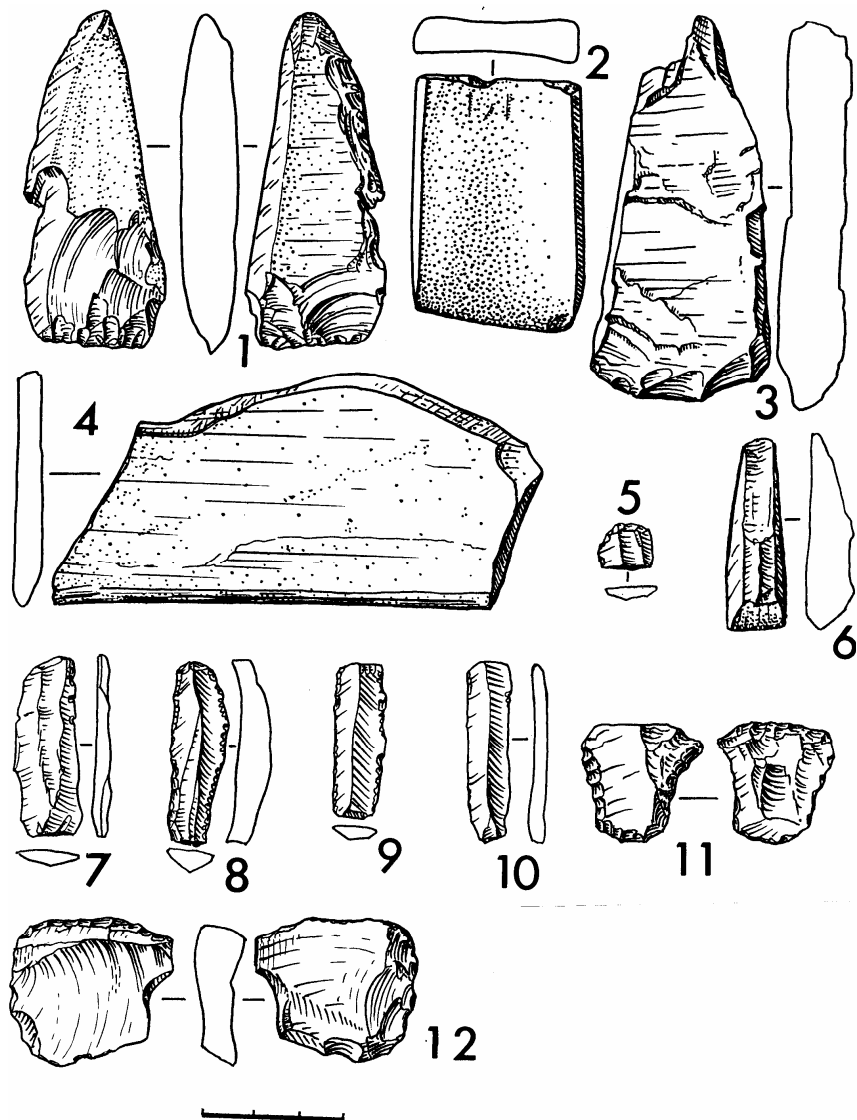

Рис. 7. Поселение Вожмариха 3. Каменные орудия

Таким образом, материалы, полученные в ходе исследования поселения Вожмариха 3, свидетельствуют о мезолитическом возрасте данного памятника. На это прежде всего указывает состав находок: отсутствие керамики, наличие среди каменного инвентаря характерных для мезолитических памятников Обонежья находок – кремневых пластин, крупных сланцевых рубящих орудий со шлифованной поверхностью, шлифовальных плит. Не противоречат данному выводу особенности исследованного полуземляночного жилища, а также размеры поселения. Судя по имеющимся данным, подобные поселения бытовали в Обонежье в эпоху развитого мезолита, в период второй половины VII–VI тыс. до н. э.⁵ В целом поселение Вожмариха 3 является типичным памятником для круга археологических древностей эпохи мезолита этого региона.⁶

Поселение Вожмариха 5. Открыто в 1996 г., в 2002-м раскопано и исследовано 92 м². Располагается в центральной части Вожмарихинского комплекса, в 350 м к северу от берега Онежского озера. Памятник занимает ровный, плавно поднимающийся участок древней береговой террасы высотой 11–13 м над современным уровнем воды в озере. Территория памятника поросла сосновым лесом, по ней проходят две просеки. Площадь поселения около 2500 м². Зафиксированы три впадины размерами 5×3, 4×3 и 7×3,5 м. Раскоп включил одну впадину. Стратиграфия поселения следующая: 1) дерн, подзол – 15–17 см; 2) коричнево-красный песок – 10–15 см; 3) темно-желтый песок – 20–25 см; 4) материк – светло-желтый песок. В результате проведенных работ было установлено, что впадина на территории поселения не является жилищной, а представляет, вероятнее всего, природное образование. Об этом свидетельствует отсутствие четких очертаний от жилищных конструкций, места очага или кострища, а также крайне невыразительные находки, представленные отщепами кварца, сланца и кварцита.

Каменный инвентарь поселения малочисленный, но достаточно выразительный. Он представлен сланцевыми долотом и стамеской, тремя кремневыми, сланцевым и кварцевым скребками, сланцевой галечкой с надпилем (подвеской?), девятью кремневыми ножевидными пластинками, заготовкой грузила из сланца, кварцевым нуклеусом (рис. 8:8), двумя небольшими шлифовальными плитами из сланца и отходами производства: 215 отщепов сланца, 49 – кварца, 15 – кварцита, 12 – лидита и 8 – кремня. Найдено два куска буро-коричневой охры.

Весь каменный инвентарь носит микролитовидный облик и относится к одному комплексу. Выделяется сланцевое долото размерами 7,5×4×1,2 см, подпрямоугольной формы, овальное в поперечном сечении, шлифованное по всей поверхности, с сильно сработанным лезвием (см. рис. 8:1), а также

⁵ Филатова В. Ф. Хронология и периодизация мезолита Карелии // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск, 1991. С. 25–32.

⁶ Археология Карелии / Ред. М. Г. Косменко, С. И. Кочуркина. Петрозаводск, 1996. С. 39–43.

стамеска размерами $6 \times 2 \times 0,8$ см, выполненная на сланцевой гальке, с подточенным лезвием, овальная в поперечном сечении и зауженная в обушной части (см. рис. 8:2). Обломок заготовки рыболовного груза (?) из сланцевой гальки размерами $8 \times 5,5 \times 2$ см имеет почти насквозь просверленное отверстие диаметром $2,5-2$ см снаружи и $0,2$ см внутри (см. рис. 8:3). Кремневые ножевидные пластинки, из которых две целые, имеют размеры от $2 \times 0,5 \times 0,1$ до $5,5 \times 1 \times 0,1$ см (см. рис. 8:5–7, 9–14). Они однотипны, у большинства по краям заломы и выщербины, что свидетельствует об их применении в качестве орудий. Из скребков только один концевой на пластинке (рис. 8:15), остальные на отщепах подчетыреугольной или неправильной формы (см. рис. 8:16–19). Рабочий край небольшой, ретушь крупная и высокая. Найден также кварцевый нуклеус аморфной формы (см. рис. 8:8).

Наиболее интересной находкой является сланцевая галечка каплевидной формы, шлифованная по всей поверхности, с пропилом в узкой части (см. рис. 8:4). Исходя из аналогий подобное изделие можно определить как подвеску.

Каменный инвентарь поселения Вожмариха 5 имеет аналогии в мезолитических памятниках Карелии. Выделяются несколько сходных орудий на поселении Оровнаволок IX, расположенном на полуострове Оровский на северо-восточном берегу Онежского озера. Это формы заготовки груза для сетей (см. рис. 8:3), ножевидной пластины (см. рис. 8:7). В соответствии с этим время существования поселения Вожмариха 5 относится ко второму этапу мезолита Обонежья, который датируется серединой VI – серединой V тыс. до н. э.⁷

Поселение Вожмариха 10 было открыто в 1997 г., в 2001-м раскопано и исследовано 96 м^2 . Оно располагается в центральной части Вожмарихинского комплекса, в 1 км к северу от берега Онежского озера. Памятник находится на ровном участке древней береговой террасы высотой около $8,5$ м над современным уровнем воды в озере. Примерно в 20 м к западу – стоянка Вожмариха 11, занимающая более высокую береговую террасу, которая также относится к мезолитическому времени. По распространности культурного слоя и особенностям рельефа местности определено, что памятник занимает участок древнего берега на протяжении примерно 70 м и в глубину от берега приблизительно 15 м. Таким образом, его площадь составляет около $1000-1100 \text{ м}^2$.

Стратиграфия поселения Вожмариха 10 включает четыре слоя: дерн ($5-10$ см), под ним слой подзола (в среднем около 10 см), далее залегает культурный слой – коричневый песок с красновато-коричневым оттенком и с включениями линз песка светло-серого и темно-серого цвета, который подстилается светло-желтым крупнозернистым песком. Его мощность в разных участках раскопа варьировала около $10-20$ см и несколько уменьшалась в северо-восточной части раскопа.

⁷ Филатова В. Ф. Мезолит // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996. С. 53.

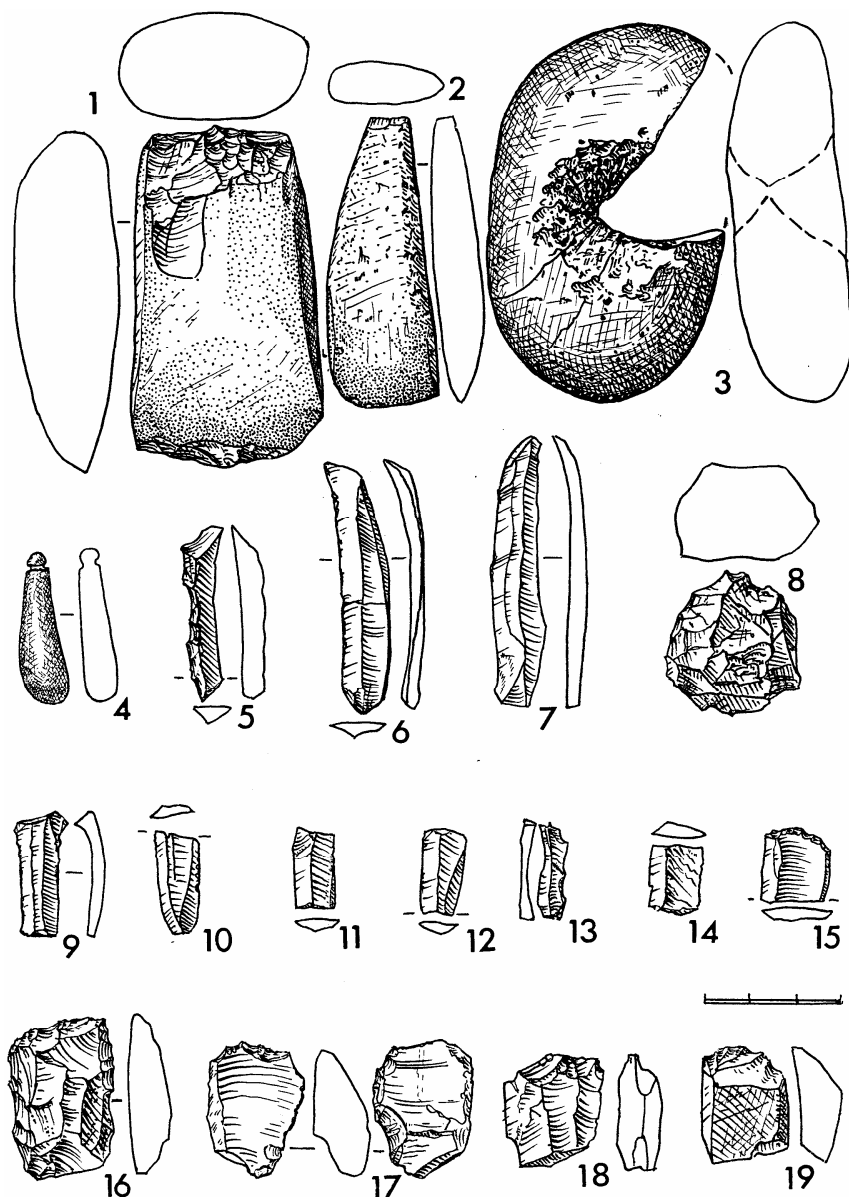

Рис. 8. Поселение Вожжариха 5. Каменный инвентарь

В ходе раскопок поселения не было выявлено следов каких-либо построек и сооружений. В центральной части раскопа был прослежен развал очага из 7 камней-валунов.

Инвентарь поселения довольно немногочисленный и маловыразительный. Находки представлены в основном отходами каменной индустрии из сланца, кварца, кварцита и лидита. Также найдены изделия: сланцевая шлифовальная плита, обломок кварцитовый шлифовальной плиты, массивная сланцевая заготовка орудия (рис. 9), два обломка сланцевых заготовок орудия, мелкие обломки сланцевых орудий, обломок песчаниковой пилы.

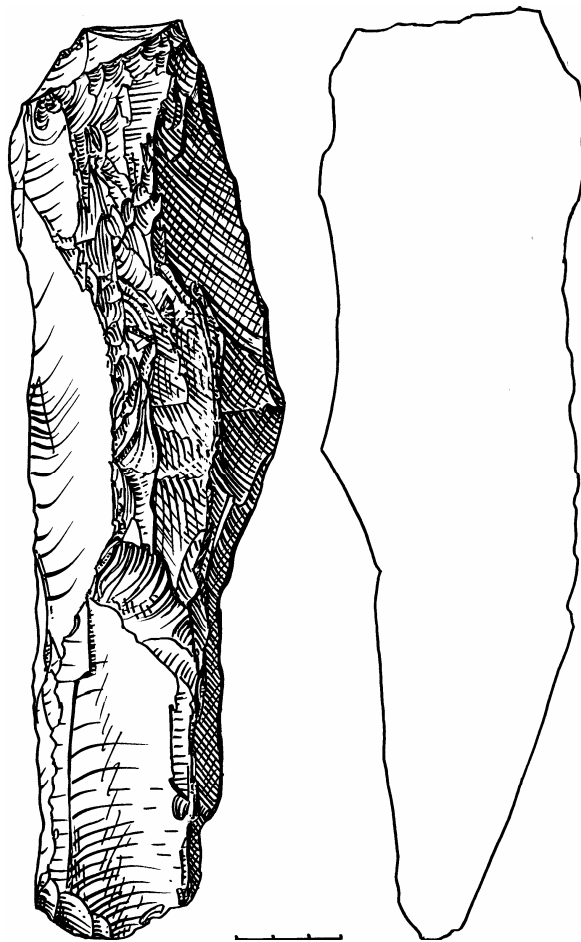

Рис. 9. Заготовка сланцевого орудия из поселения Вожмариха 10

Материалы, полученные в ходе исследований поселения Вожмариха 10, весьма малоинформативны, но все же позволяют сформулировать некоторые выводы о его культурно-хронологической принадлежности. Отсутствие керамического материала свидетельствует о том, что это памятник мезолитического времени. На основании известных аналогов памятник Вожмариха 10 может быть определен как сезонное летнее поселение и датирован поздним мезолитом – первой половиной V тыс. до н. э. Подобные памятники известны в Обонежье. Согласно данным В. Ф. Филатовой, для них характерна приуроченность к высоким и узким, часто крутосклонным террасам площадью около 1500 кв. м, расположение на материковом берегу в узких заливах. Площадки таких поселений вытянуты вдоль берега узкой полосой на протяжении до 90 м и в глубину от берега до 15 м. Культурный слой маломощный – до 30 см. Отсутствуют следы жилищ, но встречаются открытые кострища и очаги, подобные зафиксированному на поселении Вожмариха 10. Вещественный материал достаточно бедный и маловыразительный – более 90% составляют полуфабрикаты орудий, нуклеусы и отходы каменной индустрии. Для финальной стадии мезолита (первая половина V тыс. до н. э.) характерно преобладание абразивных инструментов⁸.

Поселение Вожмариха 11. Располагается на береговой террасе древнего залива Онежского озера, в 1 км севернее залива Вожмариха. Открыто в 1997 году и исследовано в 2000-м. Общая вскрытая площадь составила 56 м². Высота памятника – 7–7,8 м над уровнем Онежского озера, размеры 80×17 м или 1400 м². Культурный слой поселения – оранжевый и белый с красными охристыми вкраплениями песок мощностью до 35–40 см. После снятия дерна и подзола в северо-западной части раскопа проступило пятно белого песка размерами 3,5×2,5 м, в котором концентрировалась основная масса находок из камня. В процессе раскопок размеры пятна немного уменьшились и составили 2,5×3 м. Часть пятна суживалась в северо-западном направлении и уходила в стенку раскопа, а его юго-восточная часть прослеживалась в шурфе 1997 года. Около восточной границы пятна были зафиксированы три камня размерами 15×15, 10×20 и 12×23 см, видимо, представляющие собой остатки кладки. Возле них слабо проступали очертания углистого пятна, что позволяет предположить наличие здесь остатков небольшого очага (рис. 10). В южной части раскопа было найдено сланцевое тесло и остатки шлифовальной плиты, разбитой на 17 кусков.

Ни в самом пятне, ни около него не зафиксированы остатки деревянных конструкций, однако форма, четкие границы и концентрация находок позволяют предположить существование на этом месте какого-то легкого наземного сооружения.

⁸ Археология Карелии... С. 45–46, 59.

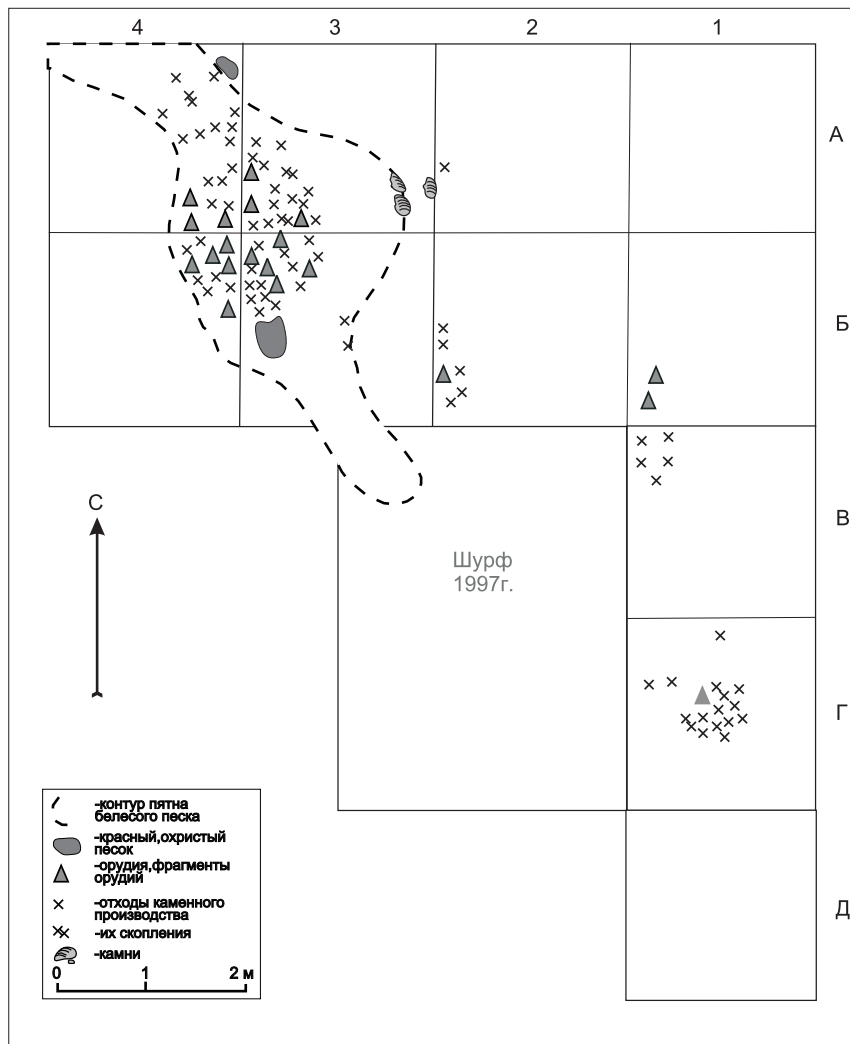

Рис. 10. Поселение Вожмариха 11-2000. План раскопа

Инвентарь поселения включает предметы из сланца: тесло, три обломка шлифованных орудий, обломок рубящего орудия, гальку со следами работы (рис. 11:1), 59 отщепов; кварца: 18 скребков, 3 долотовидных орудия, резец, проколка, галька со следами использования (пестик?) (см. рис. 11:5), 149 отщепов и осколков; два скребка и три отщепа из кремня; один скребок и отщеп из лидита; две кварцитовые пилы.

Пропорция отходов каменного инвентаря следующая: кварц – 79%, сланец – 18,6, лидит – 1,7, кремень – 0,6%. Процент утилизации сырья традиционно высок по кремню – 40, кварцу – 16 и сланцу – 10.

В орудийном материале выделяется сланцевое тесло размерами 15×5×2 см, прямоугольное в плане и овальное в поперечном сечении, узкообушное, шлифованное только по дугообразному лезвию (см. рис. 11:2). Остальные орудия из сланца представлены невыразительными фрагментами, что не позволяет определить их функциональное назначение (см. рис. 11:3,4,6).

Две кварцитовые пилы сходной формы, размерами 12×7×0,4 см и 9×4×0,9 см, соотношение длины и ширины 1 : 2–2,5, имеют выщербины на лезвии (рис. 12:1, 2).

Самую многочисленную группу составляют скребки. Их размеры варьируют от 1,5×1,5×0,5 до 3×2,5×1,5 см. Скребок из лидита подтреугольной формы на отщепе с дугообразным грубо ретушированным лезвием (см. рис. 12:5). Из двух кремневых – один на пластинчатом отщепе аморфных очертаний с мелкой ретушью по одному краю бьюшка (см. рис. 12:18), другой на отщепе полуокруглой формы с высокой спинкой, имеющей остатки галечной корки, обработан крупной крутой ретушью (см. рис. 12:16). Остальная часть скребков из кварца подквадратной (см. рис. 12:6, 24), полуокруглой (рис. 12:7, 9–11, 13, 20, 21, 23), округлой (см. рис. 12:4, 8, 19, 25) формы, аморфные (см. рис. 12:7, 15) и концевой (см. рис. 12:22). Есть две микроформы, на отщепе и на осколке (см. рис. 12:3,17).

Большая часть скребков обработана с одной стороны крупной крутой и полукрутой грубой ретушью, но есть обработанные с двух сторон и по периметру.

Долотовидные орудия выполнены на отщепах средних размеров, с одним рабочим краем и прямым или приуженным обухом (см. рис. 12:12, 14). На лезвиях орудий имеются следы работы в виде заломов и выщербин.

Резец изготовлен на отщепе средних размеров, имеет подтреугольно-вытянутую форму и плоское основание (см. рис. 12:26). Относится к типу срединных.

Проколка сделана на отщепе средних размеров, имеет конусовидную форму, жальце притуплено (см. рис. 12:27).

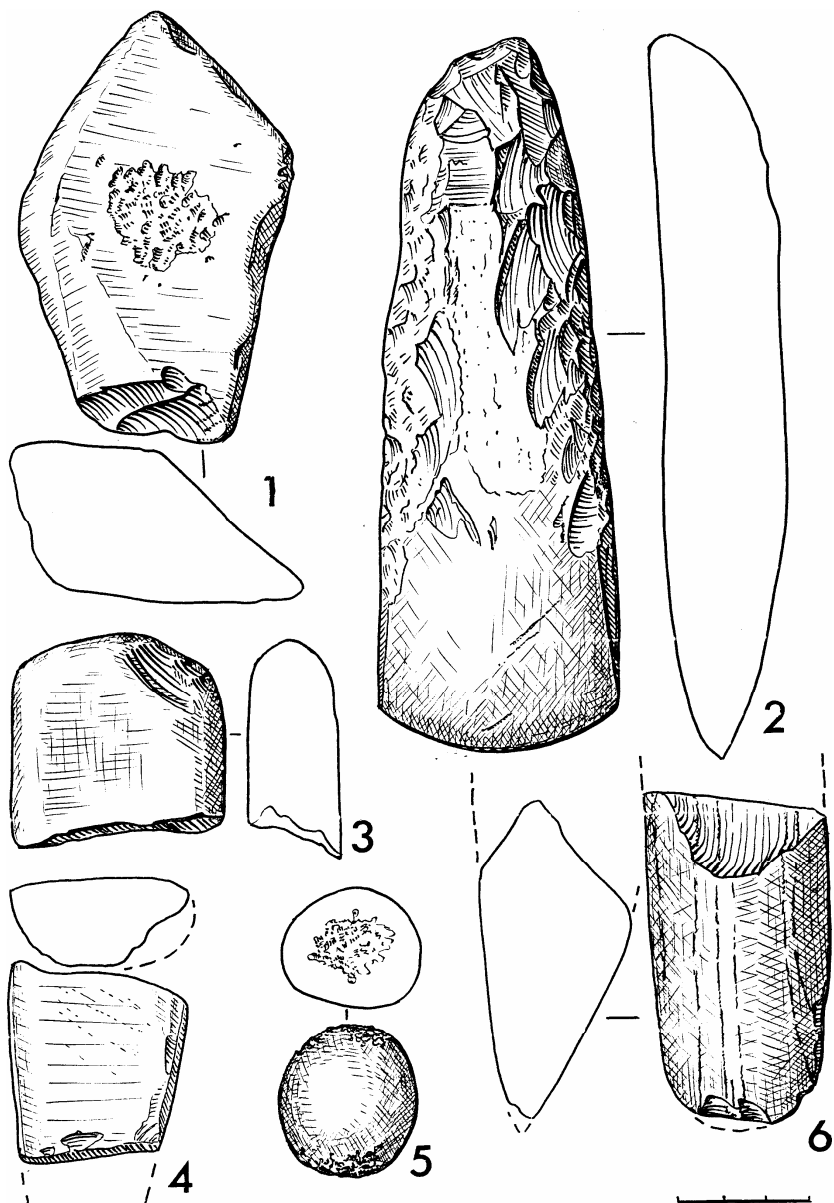

Рис. 11. Поселение Вожмариха 11. Каменный инвентарь

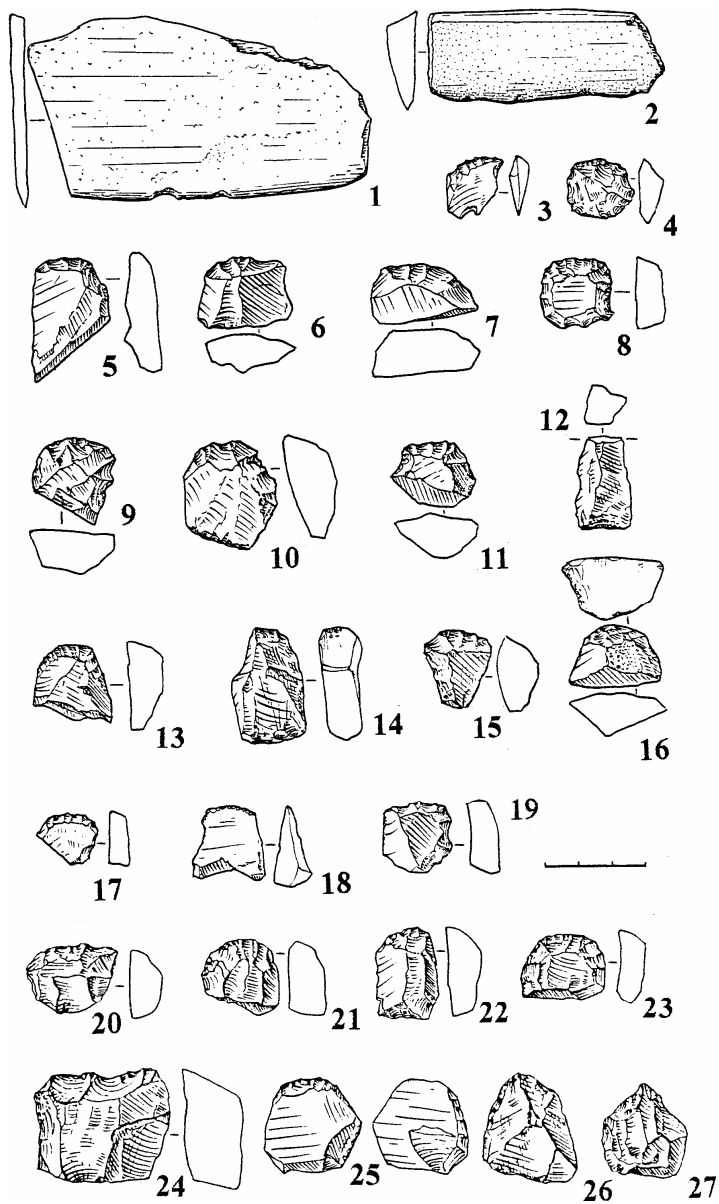

Рис. 12. Поселение Вожжариха 11. Каменный инвентарь

Подводя итоги, надо отметить, что немногочисленность и компактное залегание инвентаря поселения Вожмариха 11 может служить признаком короткого времени функционирования памятника. Каменные орудия имеют близкие аналогии в комплексе поселения Оровнаволок IX, расположенного на северном побережье Онежского озера, и могут быть отнесены к середине – второй половине VI тыс. до н. э., то есть ко второму этапу мезолита Обонежья по периодизации В. Ф. Филатовой⁹.

⁹ Археология Карелии... С. 53.

*А. М. Спиридонов, К. Э. Герман,
И. В. Мельников, И. С. Манюхин*

К ИСТОРИИ ЗАСЕЛЕНИЯ о. КИЖИ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ (по материалам раскопок селища Наволок)¹

Селище Наволок находится на юго-восточном берегу о. Кижы, в 1 км к северо-востоку от ансамбля Кижского погоста, и занимает основание небольшого песчаного мыса (местное название – Наволок, в XIX в. – д. Дудкин Наволок) высотой всего 0,5–1 м над уровнем воды в озере. Площадка памятника занята огородами, в западной части – домом крестьянина Яковлева, входящим в экспозицию музея-заповедника «Кижы». На протяжении 1990-х гг. на распахиваемой части памятника неоднократно производились сборы подъемного материала. В основном он состоял из фрагментов гончарной посуды периода развитого Средневековья и Нового времени, индивидуальные находки были представлены вислой свинцовой печатью и обломком раннесредневековой спиралеконечной фибулы из бронзы. Суммарно собранный материал указывал на неоднократность заселения данного участка на протяжении последнего тысячелетия. В 2000–2002 гг. на селище было вскрыто 136 м². Раскоп охватил свободную площадку, которая распахивается в настоящее время или еще недавно была занята огородами (рис. 1). Культурный слой мощностью 35–45 см был снят тремя горизонтами, отдельно выбирались заполнения уходивших в материк ям.

Памятники многократного заселения, в культурном слое которых смешан инвентарь разных эпох, иногда от мезолита до Средневековья, не редкость в археологии Севера. Накопленный десятилетиями опыт позволил к настоящему времени выработать достаточно эффективные методы раскопок и последующего источниковедческого анализа материалов таких памятников, в итоге расчленять смешанный материал на типохронологические комплексы². Для смешанных комплексов сельских поселений Средневековья – Нового времени такая задача является сравнительно новой вследствие общей слабой археологической изученности поселений этих эпох во многих районах Севера, в частности в Карелии.

¹ Статья выполнена в рамках проекта РГНФ № 03-01-00056а.

² *Косменко М. Г.* Многослойные поселения Южной Карелии. Петрозаводск, 1992. С. 6–14.

При раскопках на селище Наволок перед авторами стояла именно такая задача. Как выяснилось, культурный слой памятника практически повсеместно перемешан при позднейшей застройке и распашке на всю глубину, за исключением уходивших в материк ям. Многократная переотложенность слоя сделала малоэффективным на этом памятнике обычный методический прием привлечения данных послышной статистики для хронологической дифференциации материала. Выделение разновременных комплексов находок, прежде всего керамики, в их привязке к остаткам сооружений было возможно в этой ситуации лишь при опоре на какие-то внешние эталоны. Имеющиеся тип-хронологические шкалы средневековой керамики севернорусских городов пригодны в качестве таких эталонов далеко не в полной мере, поскольку для эпохи Средневековья более чем вероятны нетождественность и различия в динамике развития материальной культуры в городских центрах и на далекой северной периферии Новгородской земли. Также надо отметить, что тип-хронологические шкалы городских материалов Нового времени вообще отсутствуют. Во всяком случае очевидна желательность корректировки городских шкал древностей какими-то местными эталонами. Таковыми для нас послужили материалы раскопок на рубеже 1980–1990-х гг. нескольких средневековых поселений с «чистыми» комплексами коротких хронологических периодов в окрестностях с. Толвуя. Коллекции, собранные на этих селищах, впервые в Прионежье представили местную колонку древностей (в том числе керамики) с середины XIV по середину XIX в.³ При выделении комплекса находок Нового времени селища Наволок привлекались также материалы раскопок Петровской слободы XVIII в. в исторической зоне г. Петрозаводска.

Слой первого горизонта представлял собой однородную пашню – серую гумусированную супесь с галькой, осколками кирпича, отдельными обожженными камнями и массой близкого к современности бытового мусора (см. табл.). Во втором и третьем горизонтах пахотный слой постепенно сменился более плотной темно-серой супесью с галькой и отдельными обожженными камнями, местами нарушенной перекопами. Количество близких к современности находок с этим слое (особенно в третьем горизонте) сократилось. Во втором горизонте на границе кв. А,Б-2,3 отмечены пять некрупных валунов размерами в среднем 30×40 см, лежавших в ряд и, возможно, трассирующих стену какой-то постройки; на кв. А-5 и Б,В-5 были расшишены разрушенные основания печей – развалы обожженных камней или битых кирпичей в углистом слое; в предматерике в нескольких местах проявились контуры ям, заполненных слоем более темной серой супеси. Однако в основном остатки разновременных сооружений открылись в раскопе только на уровне желтого материкового песка, в который уходили

³ Частично опубликовано: Спиридонов А. М. Археологические исследования на усадьбе Палеостровского монастыря // Вестник Карельского краеведческого музея. Петрозаводск, 1994. Вып. 2. С. 55–61; Толвуйская земская изба XVIII–XIX вв. // Там же. 1995. Вып. 3. С. 152–174.

12 западаний слоя (рис. 2). Ямы № 1, 6 и 10 практически не содержали находок; их возраст и характер неопределимы. Остальные западания хронологически группируются следующим образом.

Яма № 5 имела прямоугольные очертания в плане, углублялась в материк примерно на 30 см и была заполнена светло-серой супесью, в которой найдены два фрагмента красноглиняных круговых сосудов, три – белоглиняных и 11 крупных черепков грубого лепного горшка. Яма, очевидно, имеет раннесредневековый возраст, ее заполнение было нарушено в развитом Средневековье.

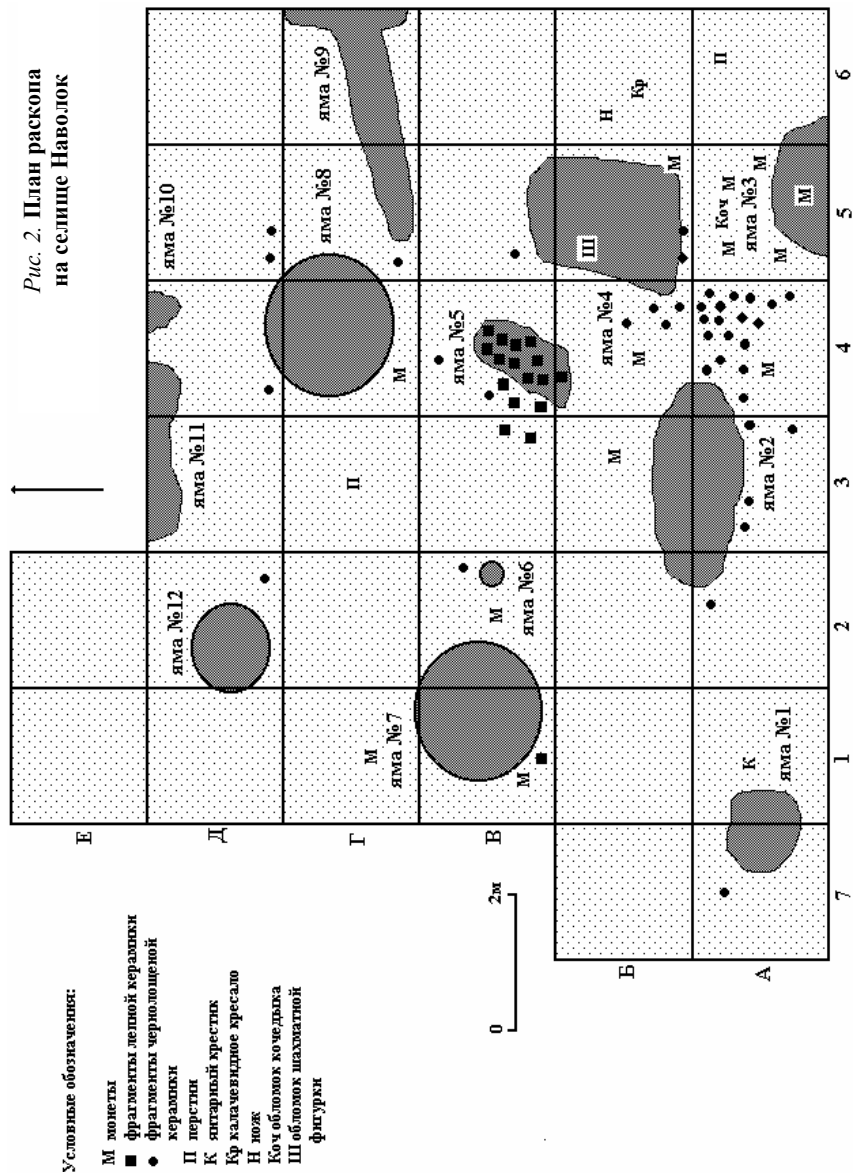
Яма № 12, округлая в плане, углублялась в материк на 30 см и была заполнена плотной темно-серой супесью, в которой встречались отдельные обожженные камни и кусочки печины. Находки: 14 фрагментов красноглиняных горшков, два – белоглиняных, две кости и сланцевый точильный брусок. Назначение ямы неизвестно. По керамике она относится к эпохе развитого Средневековья.

На месте ямы № 4 во втором-третьем горизонтах слоя на площади около 5 м² был расчищен бесформенный развал некрупных сильно обожженных валунов вперемешку с кусками обожженной глины. Выявленная под ними яма № 4 углублялась в материк до 50 см и была заполнена серой супесью с обожженными камнями, угольками, кусочками печины и вкраплениями сырой глины. Среди камней найдены несколько черепков чернолощеной керамики. В заполнении ямы обнаружены по два фрагмента поливной миски и поздней «рейнской» фляги, два десятка мелких осколков фарфора и фаянса, около 70 черепков бело- и красноглиняных горшков, кованые гвозди, кости животных, более 100 осколков винных бутылей и штофов и обрезок оконной слюды. По находкам чернолощеной керамики и общему облику инвентаря из заполнения ямы остатки печи можно датировать XVIII – первой половиной XIX в.

Яма № 8 углублялась в материк до 50 см. Верхняя часть заполнения представляла собой темно-серую супесь с примесью угольков, в которой встречались отдельные обожженные камни, кусочки печины и осколки кирпича. На глубине около 20 см от поверхности материка в центре ямы была расчищена кладка из некрупных обожженных валунов прямоугольной формы размерами 90×60 см, вытянутая в направлении запад–восток. Ниже кладки яма была заполнена плотным суглинком с отдельными камнями. На дне западания лежала обработанная каменная плита, отмечена прослойка истлевшей щепы. Находки в заполнении: более 20 черепков бело- и красноглиняных горшков, 6 осколков бутылей, 18 расслоившихся пластинок слюды, кованый гвоздь, несколько костей. По этому инвентарю остатки печи, как и предыдущие, следует датировать XVIII – первой половиной XIX в.

Яма № 7 также углублялась в материк до 50 см. Она была заполнена темно-серой супесью с отдельными обожженными камнями, на дне ямы зафиксирована прослойка истлевшей щепы.

Рис. 2. План раскопа
на селище Наволок

В заполнении найдены более 120 фрагментов в основном красноглиняных горшков, две пластинки оконной слюды, железный шлак и три десятка костей. Назначение ямы не вполне ясно; возможно, она также представляет собой след разрушенного основания печи. Возраст данного западания, судя по облику керамики, вероятно, несколько старше, чем двух предыдущих. Яма № 9, ухидившая в восточную стенку раскопа, была забита обломками кровельного шифера и явно связана с современным хозяйственным освоением этого участка. Судя по находкам в заполнении обломков фабричных кирпичей, близка к современности и яма № 11, ухидившая в северную стенку. На месте ямы № 3 у южной стенки раскопа во втором-третьем горизонтах в углистом слое было зафиксировано бесформенное пятно битого кирпича площадью около 3 м²; формат целых экземпляров составлял 25×13×7 см, что несколько меньше фабричных стандартов. Сама яма, углублявшаяся в материк на 30 см, также была заполнена углистым песком с обломками кирпичей. В заполнении найдены фрагменты поливного рукомойника, два десятка черепков белоглиняных и красноглиняных горшков, кости, кованый гвоздь, а также осколки оконного и бутылочного стекла фабричного производства, датирующие печь второй половиной XIX – первой половиной XX в. Тот же возраст на основании находок можно предположить для ямы № 2.

Число находок в раскопе уменьшалось от первого горизонта к материке прежде всего за счет сокращения количества разного рода близкого к современности бытового мусора в культурном слое – осколков оконного и бутылочного стекла, фарфора, фаянса. Несмотря на нестратифицированный характер памятника, перемешанность культурного слоя и инвентаря в раскопе, послонная статистика все же отражает некоторые хронологические изменения в составе инвентаря, в частности технологических групп керамики. В первом горизонте доминирует белоглиняная и поливная посуда, во втором – существенно увеличивается процент фрагментов красноглиняных горшков, а в предматерике последние преобладают. Типологически, с опорой на указанные выше эталоны, в коллекции селища Наволок выделяются следующие комплексы находок и сооружений, которые соответствуют последовательным этапам заселения площадки, занятой памятником.

I. К раннесредневековому комплексу относятся 16 фрагментов от 3 грубых лепных сосудов с обильной примесью дресвы и песка к глиняному тесту, неорнаментированных, из которых 14 связаны с ямой № 8, исследованной на кв. В-4, еще 2 фрагмента найдены в 4–6 м к востоку и юго-востоку от нее. Примерно на этом же участке в 1996 г. на пашне был подобран обломок бронзовой спиралеконечной фибулы с треугольным сечением дуги (рис. 3:1). В Новгороде этот тип фибул встречен преимущественно в слоях X–XI вв., отдельные экземпляры бытовали до конца XII в.⁴ Не исключена

⁴ Седова М. В. Ювелирные украшения древнего Новгорода (X–XV). М., 1981. С. 86; Лесман Ю. М. Хронология ювелирных изделий Новгорода // Материалы по археологии Новгорода. М., 1990. С. 75.

принадлежность к раннесредневековому комплексу калачевидного кресала с язычком (см. рис. 3:11). По новгородским материалам этот тип датируется X – серединой XIII в.⁵ Однако калачевидные кресала такой же формы вновь вошли в употребление в XVII–XVIII вв., что доказывается рядом находок на памятниках этого времени, в том числе в Карелии⁶. Также возможно (но не может быть строго доказано) отнесение к наиболее раннему комплексу поселения единичных находок обломков бронзового листа, на одном из которых сохранилась заклепка (см. рис. 3:10). Фрагменты бронзовых котлов нередко входят в состав раннесредневековых комплексов на многослойных поселениях Прионежья⁷. Судя по малочисленности находок и их планиграфии, можно заключить, что раннесредневековый комплекс на памятнике занимает площадь не более 30–40 м² и представляет собой следы кратковременной остановки людей. Датировка этого комплекса наиболее вероятно определяется X–XI вв.

II. Комплекс эпохи развитого Средневековья представлен в основном черепками красноглиняной и белоглиняной посуды. Белоглиняная средневековая керамика сравнительно легко вычленяется в находках по характерным технологическим признакам – она толстостенна, содержит примесь дресвы, изготовлена на медленном гончарном круге или подставке, сильно, но неровно обожжена. По этим признакам в коллекции выделяется не менее 140 фрагментов, находки которых в целом тяготеют ко второму-третьему горизонтам культурного слоя. Судя по верхним профильным частям, большая часть из них происходит от примерно 25 горшков, относящихся к известному типу с грибовидным венчиком (см. рис. 4:1–4). В Новгороде такие белоглиняные сосуды отнесены Г. П. Смирновой к типу IIIГ, появляющемуся в находках в слоях с конца XIII в.⁸ В древней Кореле в слое 1360–1380-х гг. этот тип составлял около 35% всей керамики⁹. Судя по материалам крепости Орешек и Валаамского монастыря, поздние варианты типа бытовали в Приладожье и в XVI столетии¹⁰. Что касается территориально более близких аналогов, то на селище Царевка II в Толвуе, датированном серединой XIV – началом XVI в., данный тип посуды абсолютно доминировал в керамическом

⁵ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок в Новгороде. М., 1982. С. 163, рис. 4.

⁶ Завьялов В. И. Изделия из черного металла // Очерки истории освоения Шпицбергена. М., 1990. С. 150; Спиридонов А. М. Толвуйская земская изба... С. 165.

⁷ Косменко М. Г. Поселения охотничье-рыболовецких культур // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996. С. 281.

⁸ Смирнова Г. П. Опыт классификации керамики древнего Новгорода // МИА. № 55. М., 1956. С. 242–244.

⁹ Киртичников А. Н. Историко-археологические исследования древней Корелы («Корельский город» XIV в.) // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 71–73, рис. 31.

¹⁰ Киртичников А. Н. Древний Орешек. Л., 1980. С. 98–99, рис. 31; Spiridonov A. M. Archaeological Data on the Early History of the Valamo (Valaam) Monastery // Fennoscandia archaeologica. V. IX. Helsinki, 1992. P. 97, fig. 4:1, 2.

наборе, составляя до 70% всех горшков. К технологической группе белоглиняной керамики относятся также черепки минимум от шести кувшинов с ручками и трех крышек сосудов, изготовленных на быстром круге, с примесью мелкого минерального отощителя к более качественной, чем у горшков, беложгущейся глине, ровно и сильно обожженных (см. рис. 4:5–7). Кувшины такой стандартной формы имеют полные аналогии из слоев XV–XVI вв. Валаамского монастыря и XVI в. крепости Орешек. На селище Царевка III в Толвуе (вторая половина XV–XVII в.) найдено девять подобных кувшинов и пять крышек к ним. Средневековые белоглиняные горшки и кувшины украшены скупым узором из одной-двух параллельных бороздок, часть горшков не орнаментирована.

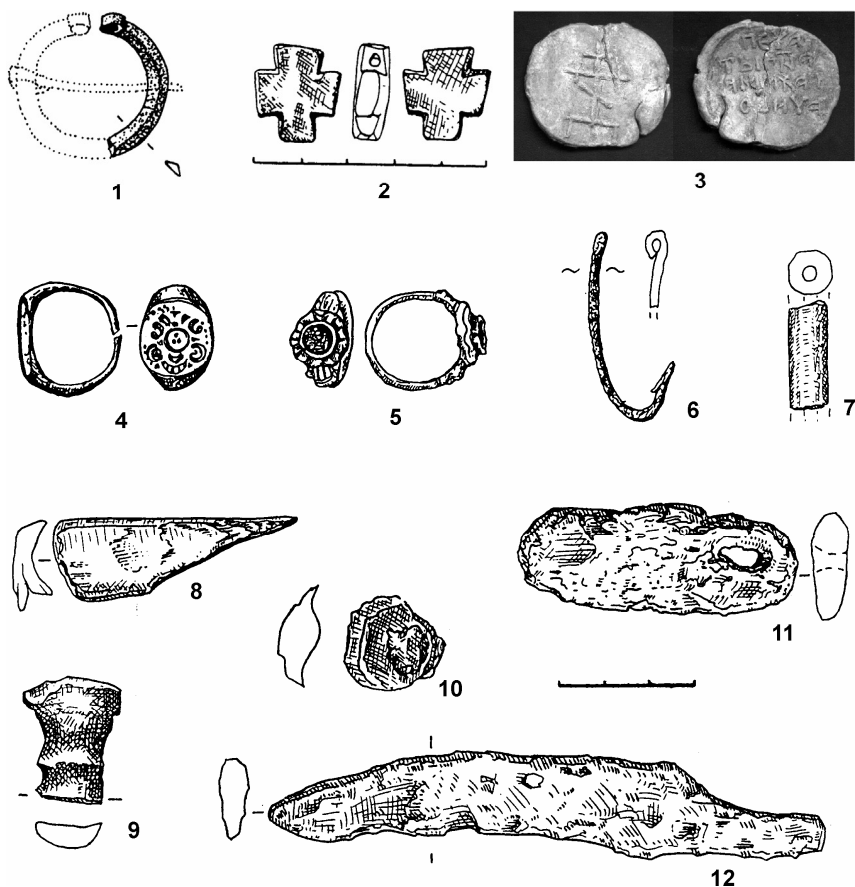

Рис. 3

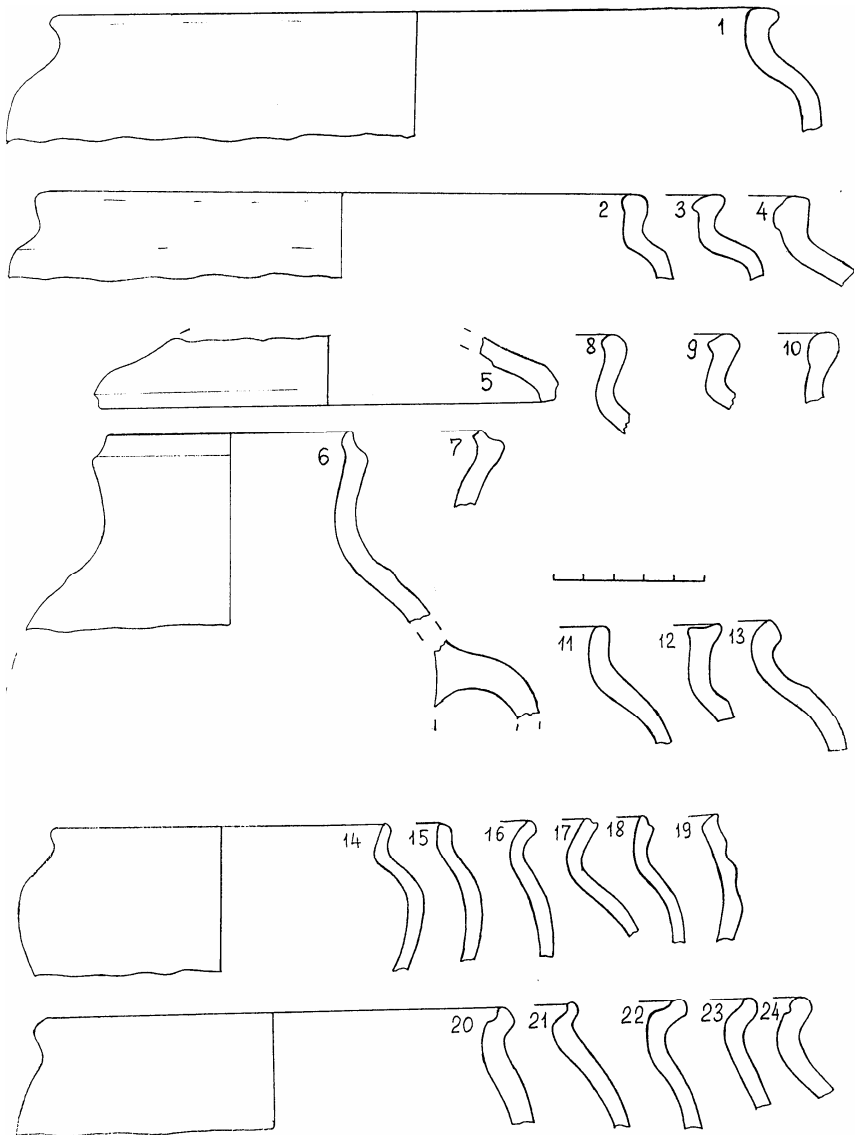

Рис. 4

Среди красноглиняной посуды к комплексу эпохи развитого Средневековья по типологическим признакам можно уверенно отнести лишь группу из 11 венчиков горшков – все они слабо отогнуты наружу, по внутреннему краю среза проходит характерное утолщение (см. рис. 4:8–10). Во фрагментах распознаются поздние варианты типа II (по Г. П. Смирновой) керамики Новгорода. В слоях второй половины XV в. крепости Орешек к этому типу отнесено 63% горшков. Производство такой керамики в южных районах бывшей Новгородской земли прекращается лишь в XVI столетии¹¹. На селище Царевка II этот тип посуды был представлен лишь единичными фрагментами. К той же технологической группе красноглиняной керамики относится серия из примерно 25 венчиков горшков иных типов (см. рис. 4:11–13). Судя по толвуйским материалам, хронологически они точно неопределимы и могут относиться как к средневековому, так и к комплексу Нового времени селища. Только на двух красноглиняных фрагментах стенок сосудов присутствует орнамент – однорядная волна и параллельные бороздки.

Индивидуальные датирующие находки периода развитого Средневековья представлены в материалах селища вислой свинцовой печатью (см. рис. 3:3), бронзовым перстнем (возможно, двумя) и янтарным крестом-гельником (см. рис. 3:2, 4, 5). Происходящая из случайных находок на огороде в 1980-х гг. свинцовая булла имеет на одной стороне изображение креста и надпись «Печать Игната Михайловича». Она была атрибутирована В. Л. Яниным как печать владычного наместника в Обонежье; Игнат Михайлович упоминается в качестве послуха в одной купчей грамоте середины XV в.¹² Найденный в раскопе перстень относится к ряду щитково-срединных, изготовлен из медного сплава серебристого цвета, дужка кольца не сомкнута. Круглый плоский щиток перстня украшен циркульным орнаментом в центре и растительными завитками по краям (см. рис. 3:4). По М. В. Седовой, в Новгороде щитковосрединные перстни с круглыми щитками встречены в слоях второй половины XII – начала XIV в.¹³; по Ю. М. Лесману, заново обработавшему новгородские ювелирные изделия, этот тип появляется в слоях середины XIII в. и бытует по крайней мере до конца XV столетия¹⁴. Второй перстень с напаянным на проволочное кольцо сложным фигурным щитком, на котором располагается крепление для отсутствующей вставки (см. рис. 3:5), точно не датируется. Его принадлежность к комплексу периода развитого Средневековья на селище не исключена: в Новгороде подобные украшения встречены в слоях с середины XII до конца XIV в.¹⁵ Однако известны и

¹¹ Кильдюшевский В. И. Об одном из типов керамики XIV–XVI вв. крепости Орешек // КСИА. Вып. 164. 1981. С. 111–116.

¹² Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв.: хронологический комментарий. М., 1991. С. 246–247.

¹³ Седова М. В. Указ. соч. С. 132.

¹⁴ Лесман Ю. М. Указ. соч. С. 52.

¹⁵ Седова М. В. Указ. соч. С. 140–141.

значительно более поздние аналогии перстням такого типа¹⁶. Плоский янтарный нательный крест с отверстием для привешивания (см. рис. 3:2) относится к типу 1, по М. Д. Полубояриновой, и надежно датируется по многочисленным новгородским аналогиям временем от последней трети XII до третьей четверти XV в.¹⁷ Описанные находки, отнесенные к комплексу периода развитого Средневековья, в целом равномерно распределялись по вскрытой площади, не образуя заметных скоплений. Картирование находок средневековой керамики показывает их слабое тяготение к западной части раскопа. Среди исследованных сооружений к данному комплексу можно уверенно отнести только яму № 3 на кв. Д-2.

III. Комплекс находок Нового времени количественно превосходит более ранние и значительно более разнообразен по составу. При этом для некоторых массовых категорий вещевого материала возникают понятные трудности при отделении материалов данного выделяемого нами комплекса от хронологически смыкающихся с ними, но еще более поздних, близких к современности находок (см. табл.). Это касается большей части железного инвентаря, а также сильно измельченных обломков винной тары, фарфоровой и фаянсовой посуды. Среди последней лишь в нескольких фрагментах фарфоровых чайных блюдец и чашек, украшенных характерной подглазурной росписью в так называемом китайском стиле, опознаются подражания продукции мейсенских фабрик. Из общей массы осколков винной тары к этому комплексу по морфологическим и технологическим признакам следует отнести фрагменты минимум 30 бутылей и штофов. Они имеют стандартные формы, изготовлены преимущественно из зеленого стекла (рис. 6:1–4). Почти всю поливную керамику, собранную в раскопе, можно датировать лишь суммарно XVIII–XX вв. Исключение составляют фрагменты поздней «рейнской» фляги из заполнения ямы № 4; такая импортная аптечная или винная тара часто встречается в слоях XVIII в. городов Северо-Запада России и Прибалтики. Среди черепков поздней столовой керамической посуды в коллекции уверенно датируются временем не позднее XVIII в. также фрагменты чернолощеной керамики московского производства, происходящие минимум от четырех сосудов. Более определенно выделяются материалы Нового времени в массе черепков грубой кухонной керамики. В технологической группе белоглиняной керамики это прежде всего большая серия фрагментов, происходящих, судя по венчикам, от более чем 100 тонкостенных горшков (около десятка изготовлены из красножгущей глины).

Более точно количество сосудов данной серии подсчитать затруднительно, поскольку фрагменты в массе сильно измельчены. Горшки изготовлены

¹⁶ См., например, *Порфиридов Н. Г.* Предметы прикладного искусства // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века: Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. Л.; М., 1951. С. 153.

¹⁷ *Полубояринова М. Д.* Полудрагоценные камни и янтарь в древнем Новгороде // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 81.

на быстром гончарном круге из глиняного теста с мелкими отошителями, как правило, сильно и ровно обожжены. Размеры, определяемые по диаметрам устьев, и профилировка верхних частей сосудов этой серии различны (см. рис. 4:14–19). В коллекции из раскопок Толвуйской земской избы XVIII – первой половины XIX в. такие горшки составляли более 40% всей керамики¹⁸. Эта серийная посуда, по-видимому, получает широкое распространение в Прионежье только с XVIII в., поскольку в коллекциях селища Царевка III и Палеостровского монастыря, включающих материалы XVII в., она практически отсутствовала. Указания на слабую представленность белоглиняных горшков данной серии в керамическом наборе первой декады XVIII столетия получены и при раскопках Петровской слободы, где в целом этот тип также является ведущим. Среди красноглиняной керамики к Новому времени, судя по имеющимся аналогиям, относится серия из примерно 45–50 довольно грубых толстостенных горшков с покатыми плечиками и отогнутыми короткими венчиками, по внутреннему срезу которых проходит валик; у вариантов этого типа горшков изгиб венчика и валик обозначены желобком (см. рис. 4:20–24). По материалам раскопок в п. Толвуя и Петровской слободе в Петрозаводске данный тип горшков может быть датирован XVII–XVIII вв. Как уже отмечено, к комплексу Нового времени может принадлежать также часть из примерно 25 иных хронологически точно не определимых красноглиняных горшков в коллекции.

Среди индивидуальных датирующих находок с комплексом связана большая часть найденных мелких медных монет номиналами от полушки до двух копеек. Всего из раскопок и сборов их происходит 28 экземпляров. Определимые монеты из коллекции распределяются по датам чеканки следующим образом: 1718, 1719, 1734, 1735, 1740, 1749, 1750 (2), 1757, 1767, 1768, 1769, 1771, 1775, 1797, 1815, 1819 (2), 1840, 1860, 1861, 1884, 1931, 1970 гг. Приведенные даты чеканки монет довольно плотно покрывают интервал с 1710-х по 1860-е гг. К этой серии следует добавить 4 сильно стертые монеты, по типу относящиеся к чекану XVIII в. Монеты с датой выпуска после 1861 г. единичны, что примерно определяет верхнюю хронологическую границу выделяемого на памятнике комплекса Нового времени. Следует отметить также обломок стебля (чубука) белоглиняной курительной трубки (см. рис. 3:7), который уверенно датируется XVIII – первой четвертью XIX в.¹⁹ Возможно отнесение к данному комплексу точно не датируемых обломков костяных шахматной фигурки и кочедыка для плетения сетей (см. рис. 3:8,9), а также упомянутого выше бронзового перстня с отсутствующей круглой вставкой из стекла или камня (см. рис. 3:5). Среди железного инвентаря в Новом времени, вероятно, относится часть предметов дверного снаряда (см. рис. 5:1–6), подковка сапога или башмака

¹⁸ *Стиридонов А. М.* Толвуйская земская изба... С. 171.

¹⁹ *Зурабян Н. М.* Об истории распространения белоглиняных курительных трубок в Санкт-Петербурге // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Исследования и материалы. Вып. II. СПб, 1997. С. 88–106.

(см. рис. 5:7), поясная пряжка (см. рис. 5:8), железный нож с горбатой спинкой (см. рис. 3:12), рыболовный крючок из сборов (см. рис. 3:6), а также калачевидное кресало (для последнего, как уже указано, не исключена и раннесредневековая дата). Находки Нового времени равномерно распределялись по вскрытой площади. С комплексом связаны ямы № 2,7,9. При этом в яме № 2 на кв. В-1,2 тонкостенная белоглиняная керамика первой из упомянутых выше серий отсутствовала, что может свидетельствовать о ее относительно раннем возрасте (ориентировочно XVII в.).

Проведенные на памятнике раскопки с учетом материалов из сборов позволяют предложить следующую историческую интерпретацию изложенных выше археологических данных о последовательных этапах заселения участка. Около рубежа I и II тыс. н. э. о. Кижский использовался для кратковременных остановок небольших коллективов. Следы кратковременных, вероятно, сезонных становищ людей в X–XI вв., подобных исследованному в раскопе отчетного сезона, зафиксированы к настоящему времени в целом ряде пунктов на побережье Онего и в его бассейне. Они связываются с начальными этапами торгово-промыслового освоения края, когда его естественные богатства (прежде всего пушнина) были вовлечены в систему восточноевропейской и международной торговли²⁰.

Этнокультурная принадлежность участников торгово-промысловых операций на территориях вокруг Онего в раннем Средневековье далеко не всегда поддается однозначному определению на материалах конкретных (зачастую очень бедных находками) памятников. Имеющиеся археологические данные в целом позволяют назвать среди внешних участников таких операций выходцев с древневепсской территории в Юго-Восточном Приладожье и Северном Верхневолжье (стационарные колонии – селища и связанные с ними курганные могильники X и XI в. – исследованы в Кокорино в Уницкой губе, в Челмужах на северном побережье, в низовьях р. Шуи на западном берегу Онежского озера), а также торговцев и воинов из севернорусских городских центров или из региона Балтики (находки в среднем течении р. Водлы).

Описанные выше немногочисленные раннесредневековые вещи из раскопа и сборов можно уверенно связать шедшей с юга волной торгово-промыслового освоения территории. При этом весьма бедный по составу комплекс X–XI вв., исследованный на селище Наволок, на равных основаниях может быть интерпретирован и как след временной стоянки пришлых торговцев и промысловиков, и как остатки сезонного промыслового становища местного, предположительно саамского, населения Прионежья, втянутого в систему дальней торговли и испытывавшего в связи с этим сильное влияние южных соседей. Вполне характерна топографическая ситуация, в которой располагается эта раннесредневековая стоянка. Повсюду в Прионежье подобные памятники привязаны к песчаным борovým местам. Наволок – один из немногих песчаных мысов в Кижских шхерах.

²⁰ *Косменко М. Г. Поселения... С. 272–285.*

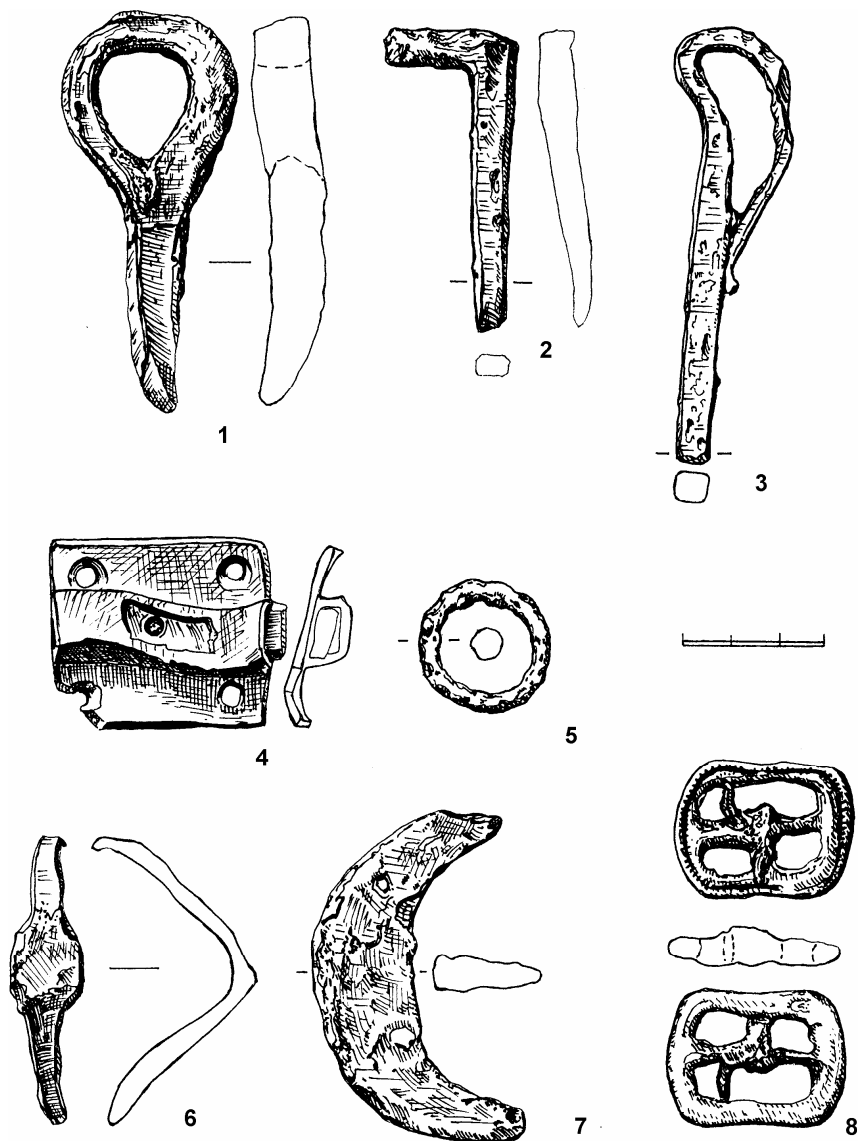

Рис. 5

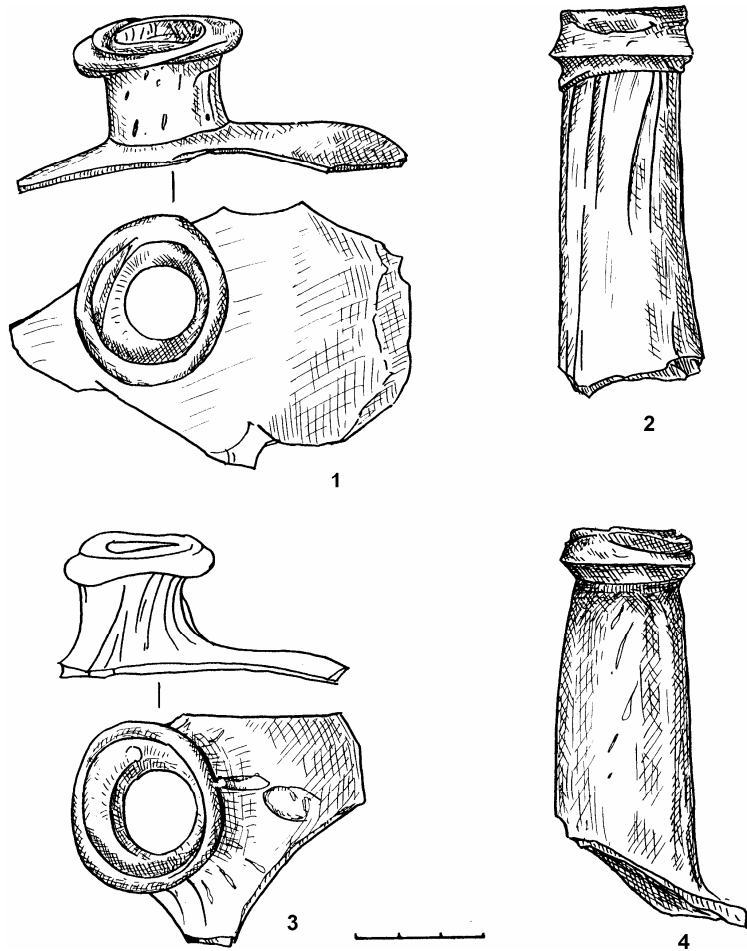

Рис. 6

Следующий этап заселения острова связан с земледельческой крестьянской колонизацией территории из более южных районов Новгородской земли. Полученные в ходе раскопок материалы позволяют датировать основание поселения на мысе Наволок временем не ранее XIV в. Судя по относительной малочисленности средневековых вещей на селище (фрагментами представлены не более 50 сосудов), верхняя хронологическая граница средневекового поселения, очевидно, не выходит

за пределы XV в. Это подтверждают и индивидуальные датирующие находки. Наличие средневековые материалы не дают возможности высказать какие-либо предположения об этнокультурной принадлежности насельников первоначальной деревни. При этом ряд находок указывает на определенную социально-культурную специфику поселения. К таким находкам относится прежде всего найденная на огороде в 1988 г. свинцовая вислая печать новгородского владычного наместника Игната Михайловича, датированная примерно серединой XV столетия. Булла первоначально была подвешена к какому-то акту и вряд ли могла быть утеряна на рядовой крестьянской усадьбе. Другие индивидуальные находки из раскопок являются продукцией профессиональных городских, а не кустарных деревенских ремесленников: янтарный нательный крест, бронзовые перстни, средневековая дата одного из которых бесспорна.

Среди керамического материала, собранного на селище, обращают на себя внимание фрагменты минимум шести серийных кувшинов, изготовленных из качественной белой глины – также продукция скорее городских, а не деревенских гончаров. На памятниках развитого Средневековья в Прионежье серия таких кувшинов найдена лишь на селище Царевка III, определенном как резиденция посельского – наместника новгородского Вяжицкого монастыря, владевшего в XV–XVII вв. большей частью деревень Толвуйского погоста.

Суммируя эти данные, можно высказать предположение, что селище Наволок является не рядовым сельским поселением, а, возможно, связано с владельческим освоением территории Кижского погоста в XIV–XV вв.

В писцовых книгах Заонежской половины Обонежской пятины XVI столетия владельческие поселения, центры бывших новгородских вотчин, носят стандартное название Большой двор. На о. Кижы книги 1563 и 1583 г. называют три таких поселения²¹. Идентификацией поселений острова, упомянутых в писцовых книгах, специально занималась С. В. Воробьева, однако ни один из больших дворов не был соотнесен ею с местом, где в XIX в. располагалась д. Дудкин Наволок: на этом месте ею локализована д. Окуловская Писцовой книги 1563 г. и последующих описаний. Основанием для такого отождествления послужило исправление, внесенное в список кижских деревень 1851 г., где название д. Окуловской зачеркнуто и сверху написано новое – Дудкин-наволок²². Нам представляется, что предложенная локализация д. Окуловской небесспорна. В описаниях 1563, 1583, 1616–1617, 1646–1647, 1678 гг. деревня последовательно именуется «на Кижском острове Окуловская у погоста

²¹ Витов М. В., Власова И. В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII веках. М., 1974. С. 66–67.

²² Воробьева С. В. Опыт идентификации исторических поселений о. Кижы и его окрестностей по писцовым материалам и документам XVIII–XIX столетий // Вопросы изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников: Тез. докл. Петрозаводск, 1991. С. 86–90.

(выделено нами. – *Авт.*)»,²³ в то время как мыс Наволок находится в километре от ансамбля церквей. Материалы XVI столетия на селище четко не выделяются, что также входит в известное противоречие с локализацией в этом месте д. Окуловской, в которой по письму 1563 г. насчитывалось три крестьянских и один бобыльский двор.

Участок вновь заселяется в Новое время, причем собранные на селище материалы XVIII–XIX вв. опять указывают на «нестандартный» социально-культурный характер поселения на мысе Наволок. В культурном слое памятника отмечена явно повышенная концентрация монет. При этом нужно учесть, что в коллекции музея из сборов попали лишь монеты, найденные на пашне в течение 1990-х гг., а более ранние находки на огороде (они, несомненно, были) просто «разошлись по рукам» и оказались утрачены. Даты чеканки монет плотно охватывают период XVIII – первой половины XIX в., более поздние – единичны.

Для Заонежья с его суровыми старообрядческими устоями по меньшей мере необычными выглядят находки в комплексе Нового времени значительного количества осколков винной тары – бутылей и штофов, а также обломка стебля (чубука) голландской белоглиняной курительной трубки и сломанной костяной шахматной фигуры. Вряд ли можно признать характерным для быта заонежских крестьян XVIII в. использование импортного немецкого фарфора (в осколках распознаются подражания продукции мейсенских фабрик) и парадной чернолощеной керамической посуды московского производства.

Необычный для рядовой деревни состав комплекса находок Нового времени на селище находит ближайшие аналогии в коллекциях, собранных при раскопках земской избы в окрестностях Толвуи и Петровской слободы в исторической зоне г. Петрозаводска. Памятники Толвуи и Кижей связывает такой важный показатель, как исключительно высокая для сельских поселений концентрация монет в культурном слое. Эти аналогии подводят к объяснению состава комплекса: в Наволоке с начала XVIII по примерно середину XIX в. располагалась Кижская земская изба – местный административный и фискальный центр в составе Олонецкого горного округа, подчиненный канцелярии Олонецких Петровских заводов в Петровской слободе, а позднее – губернской администрации в Петрозаводске.

Система управления и сбора налогов, низовым звеном которой были волостные правления/земские избы, просуществовала в крае до 1860-х гг.²⁴ Как видим, это точно совпадает с верхней хронологической границей комплекса Нового времени памятника, намеченной по монетным находкам. Упоминания земской избы, располагавшейся где-то на о. Кизи,

²³ Витов М. В., Власова И. В. Указ. соч. С. 66.

²⁴ Балагуров Я. А. Приписные крестьяне Карелии в XVIII–XIX вв. Петрозаводск, 1962. С. 28–49.

встречаются в документах, относящихся к Кижскому восстанию 1769–1771 гг. В годы восстания земские избы являлись не только местными центрами администрации и фиска, но и местами крестьянских «сумов» (собраний), а выборные старосты, возглавлявшие такие волостные правления, нередко выступали в роли руководителей крестьянских волнений²⁵. Сведения о деятельности Кижской земской избы имеются также в документах конца 1770-х гг., связанных с изменением сословного состояния приписных крестьян²⁶. Возможно, отголоском прежнего особого статуса поселения (местное волостное правление) стало то, что именно здесь летом 1871 г. кижские крестьяне разместили А. Ф. Гильфердинга, прибывшего на остров для записи былин.

Селище Наволок. Вещевой материал раскопа

№	Категории инвентаря	1-й гор.	2-й гор.	3-й гор.	Ямы	Всего
1	Осколки оконного стекла	458	204	39	9	710
2	Осколки бутылочного стекла	508	286	131	132	1057
3	Осколки фарфора, фаянса	332	174	61	29	596
4	Кости животных	209	252	63	73	597
5	Фрагменты поливной керамики	307	205	61	28	601
6	Фрагменты белоглиняной керамики	750	569	235	79	1633
7	Фрагменты красноглиняной керамики	402	447	439	196	1484
8	Фрагменты чернолощеной керамики	11	27	4	–	42
9	Фрагменты лепной керамики	–	2	3	11	16
10	Обломки листовой меди	1	2	–	–	3
11	Фрагменты чугунных котлов	–	9	1	–	10
12	Неопределенные железные изделия	6	4	9	1	20
13	Гвозди железные	251	136	74	22	483
14	Железные шлаки	9	12	5	1	27
14	Детали дверного снаряда	3	3	2	–	8
15	Кресало	–	1	–	–	1
16	Нож	–	1	–	–	1
17	Железная подковка	1	–	–	–	1
18	Железная пряжка	–	1	–	–	1
19	Точильные бруски	1	–	–	1	2
20	Куски кремня	1	1	–	–	2
21	Обломок кочедыка	1	–	–	–	1
22	Обломок шахматной фигуры	1	–	–	–	1
23	Обломок стебля курительной трубки	1	–	–	–	1
24	Янтарный нательный крест	–	1	–	–	1
25	Перстни	1	1	–	–	2
26	Монеты	7	4	4	–	15
	Итого	3261	2340	1131	582	7314

²⁵ Балагуров Я. А. Кижское восстание 1769–1771 гг. (очерки истории восстания олонечских приписных крестьян). Петрозаводск, 1951. С. 27–71.

²⁶ Набокова И. И. Из истории волкостровских крестьян Щепининых (начало XVIII – начало XX века) // Кижский вестник. № 6. Петрозаводск, 2001. С. 33–41.

А. С. Керимов

КРЕПОСТИ КАРЕЛИИ: КОРЕЛА, КЕМЬ, ОЛОНЕЦ (опыт сравнительного рассмотрения)

Основой обороны Русского, а позднее Российского государства являлись крепости. Как правило, они строились на наиболее важных стратегических направлениях и были своеобразным ключом той или иной территории. Строительство крепостей непосредственно было связано с боевыми действиями, в которые была вовлечена территория их расположения¹. В представленной статье мы предлагаем сравнительный анализ наиболее известных крепостей Карелии XIV–XVII вв. на примере крепости Корела, Кемской крепости и крепости города Олонца.

Крепость Корела

Старейшей крепостью Корельской земли является крепость Корела, история которой – это история войн Швеции с Русью и с Российским государством. Как пограничная крепость Новгородской земли отсчет своей истории Корела ведет с момента основания в 1310 г.² и до 1611 г.³

Согласно археологическим данным, первоначально крепость, расположенная на острове р. Вуоксы, имела округлую форму с одной башней, направленной в сторону материка (рис. 1). Рубленая стена крепости была врыта в незатопляемую подкладочную платформу, возведенную по периметру острова и являла собой сплошное круговое укрепление из гродней. Таким образом, корельская крепостная стена представляла собой однорядную стену, укрепленную через определенные промежутки короткими поперечными стенками⁴.

¹ *Раннопорт П. А.* Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. М., 1961. С. 17 (МИА. Вып. 105).

² *Сакса А. И.* Итоги изучения карельских крепостей эпохи Средневековья // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб, 1999. С. 199.

³ *Шаскольский И. П.* Борьба Руси против шведской экспансии в Карелии. Конец XIII – начало XIV в. Петрозаводск, 1987. С. 80.

⁴ *Киртичников А. Н.* Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984. С. 126.

Вся крепостная стена Корелы замыкалась башней, обращенной в сторону материка. Рассматривая общий рельеф местности мы видим, что крепость расположена на острове и с тыльной стороны защищена порогами р. Вуоксы. Тем самым возможного нападения можно было ожидать только со стороны материка. По этой причине единственная башня крепости была обращена именно туда и являлась основой обороны. Система оборонительных сооружений Корелы основывалась на возможном нападении с материковой стороны, и основной огонь оборонявшихся велся из башни-костра крепости. Округлая форма крепостной стены позволяла вести фронтальный бой по всему периметру крепости, не думая о наличии возможных мертвых зон.

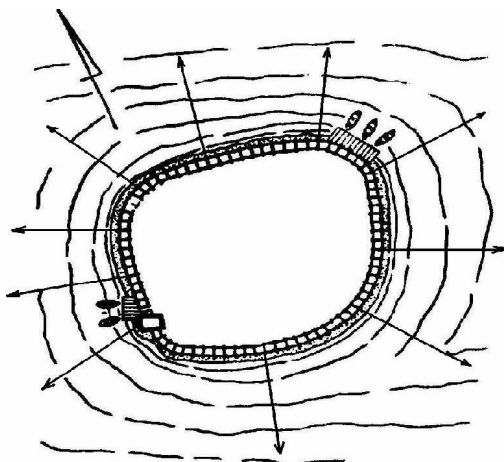

Рис. 1

После пожара 1364 г., полностью уничтожившего деревянные укрепления крепости, Корела отстраивается заново. Бревенчатая башня была заменена каменной (башня посадника Якова) и располагалась в юго-западной части острова⁵. Наличие одного входа в башню – из крепости, а не снаружи – указывает на то, что она использовалась как основа оборонительных укреплений крепости. Сориентирована башня была в сторону материка, поскольку именно оттуда нападение считалось наиболее вероятным. Возможно, имело место строительство еще двух деревянных башен, но их существование пока не находит достаточного подтверждения археологическими данными.

Стены крепости оставались, скорее всего, деревянными, но имели другое строение. Возможно, они состояли из тарасов – отдельных срубов, скрепленных между собой и заполненных землей и камнями. На это косвенно указывают военные действия в период осады Корелы в 1580 г. Так, шведы смогли заставить гарнизон крепости капитулировать только после обстрела калеными ядрами, которые вызвали пожар в крепости⁶.

Можно заключить, что крепость Корела являлась основой обороны Корельской земли от походов шведов. За три века своей строительной ис-

⁵ Киртичников А. Н. Каменные крепости Новгородской земли. С. 129.

⁶ История Карелии с древнейших времен до наших дней / Под общ. ред. Н. А. Кораблева и др. Петрозаводск, 2001. С. 116.

тории Корела впитала все системы фортификационного дела Северо-Западной Руси. Ее фортификационные сооружения были построены согласно существовавшей новгородской традиции. Стены крепости – по общепринятым нормам гроднями и на первом этапе (до 1364 г.) удовлетворяли существовавшей технике осады и обороны крепостей до артиллерийского периода.

С 1364 г. происходит кардинальная перестройка крепости, что связано с появлением и распространением огнестрельного оружия как средства осады

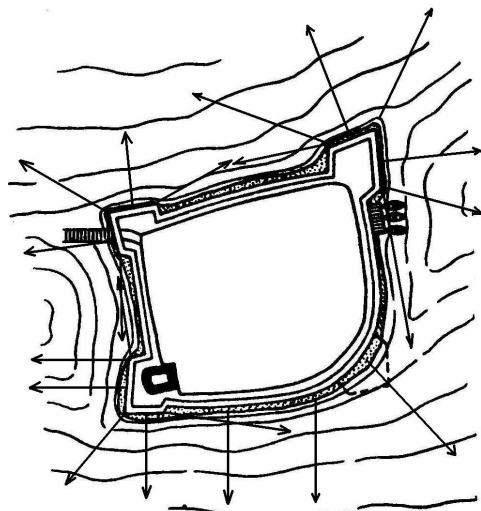

Рис. 2

и штурма крепостных сооружений. Увеличивается число башен крепости от одной до трех, одна из которых становится каменной. Наиболее вероятно появление ронделей на месте башен, что указывает на усиление фортификационной системы (рис. 2). То же можно сказать и о строительстве сооружений на Спасском острове. Остров окружается стеной, с напольной стороны возводятся рондели⁷. Стены также перестраиваются и становятся каменными, что напрямую указывает на использование артиллерии при осаде и обороне крепостей.

Таким образом, укрепления крепости Корела постепенно эволюционируют от простейших фортификационных строе-

ний, существовавших до появления огнестрельного оружия (когда роль крепости сводилась в основном к укрепленному убежищу и месту сбора ополчения или новгородско-корельского войска), до сложного в фортификационном плане сооружения, система обороны которого была прямо направлена на путь возможного нападения.

Ориентация оборонительных укреплений крепости в сторону материка напрямую указывает на приемы осадной тактики того времени. Можно говорить о том, что возможность нападения существовала только со стороны суши, поэтому все башни, выполнявшие главные оборонительные функции, были направлены именно туда.

⁷ Кирпичников А. Н. Историко-археологические исследования древней Корелы («Корельский город» XIV в.) // Финно-угры и славяне: Доклады первого советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 15–17 ноября 1976 г. Л., 1979. С. 52–73.

Кемская крепость

На севере Карелии, в Прибеломорье, Соловецким монастырем в XVI в. была построена Кемская крепость⁸. К сожалению, мы не имеем археологических данных по вопросу строительства этого укрепления, но доступная нам информация из письменных источников позволяет с полной долей уверенности утверждать, что это было своего рода классическое фортификационное сооружение поздней новгородской традиции.

Кемская крепость была расположена на острове и, возможно, так же, как и Корела, строилась на своеобразной неподпояляемой подушке. Фортификационные сооружения крепости были аналогичны всем русским крепостям того времени. Стены были выстроены в виде тарасов, т. е. нижняя их часть состояла из отдельных срубов, частично заполненных камнями и землей, а частично служивших для размещения пушек и стрелков. В верхней части стен находились заборолы и обломы для размещения обороняющихся во время штурма или осады⁹.

Крепость имела семь шестигранных башен, но расположены они были неравномерно – отрезки загородней были различной длины. Какую функцию несла каждая из башен крепости, к сожалению, установить невозможно, так как точных данных о виде башен мы не имеем, но, скорее всего, юго-западные и северо-восточные башни крепости являлись кострами (т. е. боевыми), остальные были наблюдательными (рис. 3).

Таким образом, Кемская крепость была типичным островным городищем XVI в., сориентированным на круговую оборону. Узость берегового фронта крепости может указывать на необходимость обороны со стороны суши. В целом в ней прослеживаются классические для русского фортификационного искусства того времени традиции.

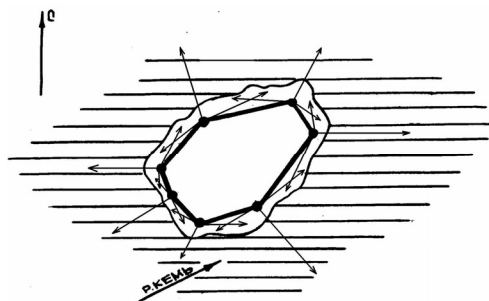

Рис. 3

Укрепления Олонецкой крепости

Фортификационные сооружения города Олонца, заложенные уже в начале его строительства, имели принципиальные отличия от укреплений Корелы и Кемской крепости.

⁸ История Карелии... С. 111.

⁹ Архив Государственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры МК РК. Паспорт № 1896.

Начало строительства Олонецкой крепости относится к 1649 г. В 1672 г. она перестраивается. На основе данных фортификации крепости, полученных в результате археологических работ С. И. Кочуркиной, мы можем представить себе всю систему укреплений крепости¹⁰.

Фортификационные сооружения Олонца в плане представляли собой трапециевидный четырехугольник с большим количеством боевых башен. Крепость была расположена на мысу при слиянии рек Мегрега и Олонка¹¹. Таким образом, в отличие от Корелы и Кеми, Олонецкая крепость являлась мысовой, а не островной. Данное обстоятельство указывает на ее среднерусское происхождение, тогда как крепости, рассмотренные нами выше, являлись островными и были возведены согласно новгородским традициям фортификационного зодчества¹².

С напольной стороны крепость была защищена рвом и имела максимальное количество башен. Прясла стены крепости с этой стороны были наиболее короткими, что способствовало ее обороноспособности. Стены крепости носили традиционный «тарасовый» характер, но были усложнены большим количеством башен. Все башни были расположены примерно на одинаковом расстоянии друг от друга, что позволяет говорить о более выверенной и совершенной системе фортификационных сооружений. Важным моментом в оборонительной системе Олонецкой крепости является разделение города на «большой» и «меньший». Хотя сила оборонительных сооружений сводилась к наличию максимального числа башен, но ни ронделей, ни куртин Олонецкая крепость не имела¹³. Это косвенно может указывать на отсутствие высокого вала крепости и неподготовленность крепости к длительной осаде в современных для XVII в. условиях.

Подводя итог, можно сказать, что эволюция военно-инженерного дела на территории Карелии в XIV–XVII вв. шла вместе с общей эволюцией русского фортификационного искусства.

Так, рассматривая системы укреплений Корелы, можно сделать вывод о том, что первоначально строительство крепости было направлено на отражение атак противника фронтальным боем с использованием простейших стеновых сооружений-заборол, в дальнейшем начинается строительство многогранных башен по периметру крепости для ведения как фронтального, так и фланкирующего огня и возведение мощных стен в виде тарасов. Необходимо заметить, что последующая перестройка крепости в XIV в. непосредственно связана с появлением и развитием артиллерии как основного средства осады и обороны крепостей.

Фортификационные сооружения Кемской крепости аналогичны укреплениям Корелы. Обе крепости являются островными, что характерно

¹⁰ Овсянников О. В., Кочуркина С. И. О древнем Олонце // Средневековые поселения Карелии и Приладожья. Петрозаводск, 1978. С. 74, 82.

¹¹ Там же. С. 106, 107.

¹² Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества. ...

¹³ Овсянников О. В., Кочуркина С. И. О древнем Олонце. С. 88–90.

для новгородской традиции возведения фортификационных сооружений. Они построены с использованием насыпной неподтопляемой подушки. Стены крепостей сооружены в виде тарасов, а основной оборонительной системы являлись башни. Однако при рассмотрении плана Кемской крепости явно прослеживается правильный четырехугольник с башнями на различных расстояниях друг от друга. Такой план крепости говорит о ее более совершенной укрепленной системе, которая позволяла вести как фронтальный, так и фланкирующий огонь. Неравномерность расположения башен по периметру крепости указывает на ориентирование обороны в сторону материка.

Крепость города Олонца – это абсолютно иное фортификационное сооружение, в котором явно прослеживаются северо-восточные или среднерусские строительные традиции. Прежде всего это подтверждает ее мысовое расположение. Несмотря на то что стены Олонца также были построены тарасами, в плане крепость имеет правильный четырехугольник с башнями, расположенными на равном расстоянии друг от друга. Такое расположение башен давало возможность вести фланкирующий огонь любой сложности. Это позволяет считать Олонецкую крепость образцом совершенного для периода развития артиллерии фортификационного сооружения.

С п и с о к с о к р а щ е н и й

БАН ОР – Библиотека Академии наук. Отдел рукописей.

ВЯ – Вопросы языкознания.

ГИМ ОПИ – Государственный исторический музей. Отдел письменных источников.

ГЭ – Государственный Эрмитаж.

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения (СПб).

ИАОИРС – Известия Архангельского общества изучения Русского Севера (Архангельск).

ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН.

ИОИК – Известия общества изучения Карелии (Петрозаводск).

КГАНИ – Карельский государственный архив новейшей истории.

КГКМ – Карельский государственный краеведческий музей.

КМИИ – Карельский музей изобразительных искусств.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии (М.).

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР (М.; Л.).

НА РК – Национальный архив Республики Карелия.

ОГВ – Олонецкие губернские ведомости (Петрозаводск).

ОЕВ – Олонецкие епархиальные ведомости (Петрозаводск).

ПКОГ – Памятная книжка Олонецкой губернии (Петрозаводск).

РБС – Русский биографический словарь.

РГО – Русское географическое общество.

СФУ – Советское финно-угроведение.

FUF – Fihnisch-Ugrische Forschungen.

SKS – Suomalaisen kirjallisuuden seura (Helsinki).

SPAW – Sonderausgabe aus des Sitzungsberichen des Preußischen Akademie der Wissenschaften.

Содержание

ИСТОРИЯ, ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

<i>Пашков А. М.</i> «Житие Лазаря Муромского» в истории культуры Карелии XVIII–XX вв.	3
Житие Лазаря Муромского (перевод и примечания А. В. Пигина)	14
<i>Фролова Г. И.</i> История внутреннего убранства Преображенской церкви на острове Кижы (обзор архивных источников)	20
<i>Калашикова Р. Б.</i> Священники-бытописатели Олонецкой губернии середины XIX века (А. Петропавловский, И. Ивановский, А. Георгиевский)	36
<i>Гущин Б. А.</i> Кижы во время оккупации (1941–1944 гг.)	48
<i>Гущина В. А.</i> Исторические сведения о ремонте деревянных церквей методом переборки	67

ЭТНОГРАФИЯ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Яскеляйнен Е. И.</i> Народный костюм русских Кемского Поморья XIX – первой половины XX в. в коллекции музея «Кижы»	80
<i>Трифонова Л. В.</i> Одежда русских Повенецкого и Петрозаводского уездов Олонецкой губернии (по материалам «Этнографической экскурсии» М. А. Круковского)	126
<i>Набокова И. И.</i> Интерьеры двора и хлевов в крестьянской усадьбе Заонежья конца XIX – начала XX в.	141
<i>Калашикова Р. Б. (составитель)</i> «Крестьянские мемуары» (из фольклорного архива музея-заповедника «Кижы»)	150

ИЗУЧЕНИЕ ФОНДОВЫХ КОЛЛЕКЦИЙ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «КИЖИ»

<i>Набокова О. А.</i> К проблеме классификации прялок	182
---	-----

ОНОМАСТИКА

- Муллонен И. И.* Старое Заонежье: вепское или карельское? 211
Агапитов В. А. Были ли угры в Заонежье? (топонимические этюды) . . . 218

АРХЕОЛОГИЯ

- Герман К. Э., Мельников И. В.* Исследования мезолитических поселений в южном Заонежье. 223
Спиридонов А. М., Герман К. Э., Мельников И. В., Манюхин И. С. К истории заселения о. Кизи в Средневековье и Новое время (по материалам раскопок селища Наволок) 243
Керимов А. С. Крепости Карелии: Корела, Кемь, Олонец (опыт сравнительного рассмотрения) 261

Научное издание

КИЖСКИЙ ВЕСТНИК

(сборник статей)

Выпуск № 8

Обложка выполнена по образцу сборника «Кижский вестник № 5»
(издательство ПетрГУ, 2000 г.; оформление *Л. Л. Лангинен*,
фото *В. М. Парккинена*)

Редактор *Л. С. Баранцева*
Оригинал-макет *Г. А. Тимонен*

Серия ИД. Изд. лиц. № 00041 от 30.08.99 г. Подписано в печать 26.01.2004 г.
Формат 90×601/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 17,0.
Усл. печ. л. 15,7. Тираж 300 экз. Изд. № 43. Заказ № 395.

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50
